Г.М. ДЕЙЧ • ВСЕ ЛИ МЫ ЗНАЕМ О ПУШКИНЕ?

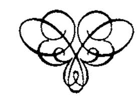

Г.М. ДЕЙЧ

ВСЕ ЛИ МЫ ЗНАЕМ О ПУШКИНЕ?

Г.М. ДЕЙЧ

ВСЕ ЛИ МЫ ЗНАЕМ О ПУШКИНЕ?

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1989

8Р1
Д27

Художник **И. И. Рыбченко**

Д $\frac{4603020100-079}{М-105(03)89}$ 71—89

ISBN 5—268—00696—7

Памяти сына *Владимира*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы получила широкое развитие архивная и библиографическая эвристика — отрасль науки, разрабатывающая теорию и методику поиска и учета архивных документов и других исторических источников.

Настоящая книга представляет собой очерки, в которых раскрывается опыт эвристического исследования жизни и деятельности А. С. Пушкина. Ее основная задача состоит в том, чтобы не только расширить наши знания о поэте, но и доказать, как много мы еще не знаем о нем и его окружении. Каждый очерк носит самостоятельный характер, однако их объединяет общая мысль о возможности и необходимости поиска новых документов Пушкинианы.

Богатейшим источником для таких поисков явилась прежде всего переписка Пушкина, в которой, помимо всего прочего, имеются многочисленные характеристики десятков и сотен лиц. Это помогло сделать эскизы к их портретам и автопортрету самого поэта. Насколько удачны эти попытки — судить читателям.

Часть находок была заранее предсказана. Некоторые же прогнозы не получили пока подтверждения, но хочется верить, что это результат

не столько ошибки, сколько временных неудач автора.

Начиная свою работу тридцать лет назад, автор взял «на вооружение» знаменитое изречение: «Ищите да обрящете». Будем надеяться, что оно послужит путеводной звездой и для других исследователей жизни и деятельности Пушкина.

АРХИВ И АРХИВНАЯ ЭВРИСТИКА

> Таким образом дело слажено; и архивы вам открыты... Сколько отдельных книг можно составить тут! сколько творческих мыслей тут могут развиться!
>
> (Из письма *А. С. Пушкина М. П. Погодину* от 5 марта 1833 года)

Что такое архив? Если ответить кратко, архив — учреждение, которое принимает, учитывает и хранит документальные материалы, готовит к ним научно-справочный аппарат и организует их использование в государственных, научных, народнохозяйственных и культурно-просветительных целях. Однако это формальное определение дает лишь самое общее представление о том, чем в действительности является архив.

Не будет преувеличением сказать, что архивы служат главным источником наших сведений об истории страны в целом, ее регионов, населенных пунктов и даже о судьбах отдельных людей. Ведь редко бывает так, чтобы жизнь человека не оставила своего следа в делах архива.

Следы эти бывают разными. В одних слу-

чаях могут остаться лишь записи о рождении и смерти, а в других — сотни толстых дел. И если когда-то на всю Россию было всего несколько архивов, то сейчас их десятки и сотни — центральных, республиканских, районных и даже личных. Дел в них накопилось столько, что их не всегда успевали привести в порядок, описать, составить справочный аппарат и точно учесть. Так и произошло, что в наших (да и всего мира) архивах хранятся миллионы документов, о существовании которых мы не знаем, и розыск даже многих известных материалов иногда превращается в проблему.

В этих условиях все большее значение приобретает область источниковедения, которая называется теперь «архивной эвристикой». Ее цель, как мы уже сказали,— разрабатывать теорию и методику поиска и учета архивных документов. Не вдаваясь в споры ученых о правомерности выделения архивной эвристики как особой области источниковедения, о точном определении этой науки и другие вопросы, отметим лишь, что в основу ее предлагают положить логику, логическое рассуждение и доказательство.

Применительно к Пушкину это выглядит так. Известно, что Пушкин был дворянином, гражданином, учеником Лицея, писателем, чиновником, придворным, и естественно, что он вел переписку с сотнями людей, имел контакт с рядом учреждений тогдашней России, в которых обязательно должны были сохраниться свидетельствующие об этом документы. Такое логическое рассуждение находит в ряде случаев бесспорное подтверждение. Так, например, в ар-

хиве министерства иностранных дел сохранились многие документы о службе Пушкина в Коллегии иностранных дел; в архиве III Отделения собственной его императорского величества канцелярии, ведавшей политическим розыском и управлением высшей (жандармской) полиции в России,— о слежке и притеснении поэта. Есть и другие материалы официального характера. Но вот вопрос: все ли документы, хранившиеся в архивах государственных (да и не только государственных) учреждений, известны? Нет ли там таких, которые еще не обнаружены? На этот вопрос и должна ответить архивная эвристика.

Поскольку в дальнейшем нам придется неоднократно встречаться со специальной архивной терминологией, целесообразно сразу сказать кратко о ней.

В архивах все документы хранятся по отдельным фондам, то есть комплексам материалов, образовавшихся в процессе деятельности учреждения, организации, предприятия, а также существования рода, семьи или отдельной личности. В пределах фонда все документальные материалы состоят из отдельных дел (или единиц хранения, как иногда пишут), заголовок к которым кратко излагает их содержание.

Как правило, фонд имеет свою инвентарную опись, где приводятся заголовки всех дел с указанием времени начала и конца каждого из них и числа листов в нем (в архивах учитываются не страницы, а листы; если лист исписан с двух сторон, то отмечается: «л. об.» — лист с оборотом).

В некоторых архивах, кроме инвентарной

описи, существуют еще алфавиты, в которых дела фонда перечислены по предметному или именному принципу. В ряде случаев такие алфавиты облегчают поиск документов о том или ином лице или факте.

Документальные материалы Пушкина и о нем сосредоточены главным образом в двух архивохранилищах: Институте русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом) в Ленинграде (ф. № 244, 5000 ед. хр.) и Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве (ф. № 384, 263 ед. хр.). Материалы этих двух хранилищ хорошо известны и широко используются.

Есть, однако, множество документов о Пушкине в десятках центральных и местных архивов нашей страны, которые не только не опубликованы до сих пор, но с ними не знакомы даже специалисты. Значительная часть их хранится в архивах тех мест, где поэту приходилось бывать: Пскове, Одессе, Кишиневе и ряде других.

В книге пойдет речь о пушкинских материалах Центрального государственного исторического архива СССР в Ленинграде (ЦГИА) и Государственного архива Псковской области (ГАПО).

В первом из них хранятся документы верховной власти и центральных учреждений царской России с XVIII века до 1917 года.

Поиски документальных материалов о Пушкине в ЦГИА СССР велись давно. В 1936 году в журнале «Архивное дело» № 4 (41) была опубликована статья известного архивиста М. И. Ахуна «Материалы об А. С. Пушкине в ленинградских архивах», в которой автор приводил данные всего из восьми фондов.

В 1956 году вышел путеводитель по ЦГИАЛ (так тогда назывался ЦГИА СССР), где указывалось пятнадцать фондов с материалами о Пушкине.

В 1960 и 1966 годах ЦГИА СССР издал два выпуска библиографического указателя «Документы ЦГИА СССР в работах советских исследователей. 1917—1957», где называлось двадцать с лишним пушкинских фондов.

Помимо опубликованных сведений, в ЦГИА СССР имеется специальный каталог, в котором наличие документов о Пушкине отражено уже более чем в сорока фондах.

Можно, следовательно, утверждать, что в ЦГИА выявляются все новые и новые материалы о Пушкине и данные каталога не окончательны.

Одни из документов, хранящихся в архиве, отложились при жизни поэта, а другие — посмертно. По содержанию их можно условно разделить на три группы: биографические, цензурные и об увековечении памяти.

В книге пойдет речь главным образом о материалах первой группы.

Выявленные к настоящему времени документы этой группы касаются родословной поэта, имущественных и хозяйственных дел, службы, творческой деятельности, преследования его правительством, ссылки на юг и в Михайловское, дуэли, смерти, похорон, назначения пенсии семье, опеки над детьми и некоторых других вопросов. Из дел этой группы следует в первую очередь выделить те, что полностью посвящены Пушкину. Они легко определяются, ибо в заголовках фигурирует имя поэта. Так, в фонде Первого департамента Сената хранится дело «О допу-

щении камер-юнкера Пушкина в Сенатский архив для прочтения дела о пугачевском бунте». В нем имеются следующие документы: отношение министра юстиции Д. В. Дашкова обер-прокурору Лобанову-Ростовскому от 5 февраля 1835 года, в котором он сообщает, что 2 февраля начальник III Отделения собственной его императорского величества канцелярии и шеф жандармов А. Х. Бенкендорф довел до его сведения разрешение Николая I заниматься Пушкину в сенатском архиве изучением материалов о восстании Е. Пугачева и делать необходимые выписки, а также предписание Лобанова-Ростовского руководству архива от 8 февраля о допущении Пушкина к работе в архиве[1]. В фонде № 469 («Придворная его императорского величества контора») находится дело «О допущении известного сочинителя Александра Пушкина рассмотреть хранящуюся в Эрмитаже библиотеку Вольтера»[2].

Ряд материалов посвящен другим лицам, но упоминание в заголовке имени поэта показывает, что они касаются и Пушкина.

В фонде Департамента духовных и гражданских дел Государственного совета есть, например, дело под названием «О кандидате словесных наук Андрее Леопольдове, сужденном за имение возмутительных стихов сочинения 10 класса Пушкина под названием Андрей Шенье и учинении на них надписи 14-е декабря 1825 года»[3]. И хотя

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 1341, 1835 г., оп. 266, д. 45.
[2] Там же, ф. 469, 1832 г., оп. 8, д. 124.
[3] Там же, ф. 1151, 1828 г., оп. 1, д. 220.

все оно о Леопольдове, но совершенно ясно, что имеет прямое отношение к Пушкину.

Иногда в заголовке дела указывается имя кого-либо из родных поэта. Но дело оказывается важным и для изучения самого Александра Сергеевича. В качестве примера можно назвать дело «О выдаче свидетельства на дворянство 5-го класса Пушкину сыну Льву» (из фонда Департамента Герольдии Сената), которое говорит о поступлении на службу брата поэта, но представляет интерес и для биографии Пушкина[1].

К сожалению, в большинстве материалов о Пушкине имя его не упоминается в заголовках, что, конечно, затрудняет поиск. Обнаружение таких документов иногда происходит случайно. Так, разбирая в конце Великой Отечественной войны фонд Канцелярии по управлению Бессарабской области, научная сотрудница архива Р. Ю. Мацкина обнаружила интересный отзыв о Пушкине генерала И. Н. Инзова в 1821 году. Он был впервые опубликован в журнале «Звезда» (1945, № 3, 4).

Значительная часть документов о Пушкине найдена в результате целенаправленного и обоснованного их поиска. Только глубокое знание малейших деталей жизни и творчества поэта, его связей с отдельными лицами и правительственными учреждениями помогает обнаружить такие документы.

Особо следует сказать о личных фондах государственных деятелей, ученых, писателей и других лиц в ЦГИА СССР. До недавней поры было известно всего несколько таких фондов,

[1] ЦГИА СССР, ф. 1343, 1823 г., оп. 27, д. 7680а.

в которых имеются материалы о Пушкине (Н. Ф. Бокачева, М. М. Сперанского и некоторых других). В последнее время найдены документы в ряде новых фондов. В фонде генерал-лейтенанта А. И. Философова, например,— два письма на французском языке писателя и редактора газеты «Тифлисские ведомости» П. С. Санковского. В первом из них (от 14 ноября 1829 г.) есть такие строки: «Повидайте, если возможно, Пушкина. Напомните ему обо мне и попросите прислать мне «Калмычку», которую он обещал». 25 декабря того же года Санковский опять просит Философова: «...Сделайте милость, если увидите Пушкина, напомните ему обещание, столько раз повторенное, что если он напишет что-нибудь об этой стране, чтобы он мне прислал». Отрывки этих писем впервые напечатаны в 1952 году в «Литературном наследстве» (т. 52).

Опубликованы также новые данные о Пушкине из личных фондов М. П. Погодина, Аксаковых.

Материалы о Пушкине в личных фондах имеют некоторую специфику: они редко характеризуют служебную и общественную деятельность поэта, но представляют большую ценность для характеристики его отношений с самими фондообразователями и другими лицами. Для иллюстрации этой мысли укажем, что в личном фонде кишиневского знакомого поэта И. П. Липранди есть, например, материалы для характеристики отношений Пушкина и М. Ф. Орлова.

Поскольку в ЦГИА СССР хранятся личные фонды многих знакомых Пушкина (Васильчиковых, Волконских, Всеволожских и многих

других), не исключена возможность и новых находок.

Подавляющая масса документов о Пушкине сохранилась в ЦГИА в подлиннике, но встречаются и копии. Так, в 1915 году по просьбе известного историка литературы академика Н. А. Котляревского из архива в Академию наук было передано подлинное дело 1828 года о расследовании жалобы крепостных крестьян на штабс-капитана В. Митькова, «развращающего их чтением Гавриилиады», и о допросе по этому делу Пушкина. В архиве же сохранилась лишь копия.

При исследовании уже известных и частично опубликованных документов ЦГИА СССР о Пушкине удивило почти полное отсутствие среди них материалов о деятельности поэта в Коллегии иностранных дел, где он числился на службе с 1817 по 1837 год (с перерывом в 1824—1831 гг.). Недоумение усилилось в связи с тем, что в ЦГИА СССР хранится большой фонд Первого департамента Сената, который ведал делами о назначении и увольнении чиновников Коллегии иностранных дел. Было логично начать поиск документов о службе Пушкина именно в этом фонде, что и сделано, но об этом пойдет разговор ниже. А пока скажем немного о документах, хранящихся в Государственном архиве Псковской области (ГАПО).

С Псковским краем Пушкина связывали многие нити: здесь жили и владели имениями его предки, друзья, знакомые; многократно приезжал сюда и отбывал здесь свою ссылку сам поэт. Естественно, что в местном архиве должны были отложиться документальные данные о его

родословной, о слежке за ним, его имуществе и многие другие.

По самым осторожным нашим подсчетам, в ГАПО могло существовать более десяти фондов со многими десятками документов о Пушкине и его ближайшем окружении. В основу этих подсчетов легли известные сведения из биографии Пушкина и опубликованных документов о нем.

Насколько нам удалось установить, публикация Псковского архива началась не позднее 1868 года, когда в газете «Псковские губернские ведомости» № 10 появилась небольшая статья о Пушкине, в которой редакция использовала несколько документов из этого архива, относящихся к 1824 году. Вслед за статьей время от времени материалы из Псковского архива печатались и в других изданиях.

К 100-летию со дня рождения Пушкина известный псковский краевед и библиограф И. И. Василев издал небольшую книжку «Следы пребывания Александра Сергеевича Пушкина в Псковской губернии» (Спб., 1899), в которую включил документы архива, сохранившиеся там к концу века. Среди них не было уже тех, что упоминались в 1868 году.

Готовясь к 150-летию со дня рождения Пушкина, совместно с сотрудниками Государственного архива Псковской области я предпринял его обследование и установил, что к этому времени из него исчезли некоторые документы, которые называл в своей книжке И. И. Василев. Правда, тогда же удалось выявить и ряд неизвестных документов, обзор которых был сделан в статье: Дейч Г., Гальпер З. Материалы

об А. С. Пушкине, имеющиеся в Псковском областном архиве//На берегах Великой: Альманах.— Псков, 1952.— № 4.— С. 133—137.

В связи с работой над настоящей книгой я запросил в Государственном архиве Псковской области перечень хранящихся там материалов о Пушкине. Из архивной справки от 19 марта 1986 года видно, что отдельные документы, упоминаемые и цитируемые в статье 1952 года, там отсутствуют.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что часть материалов о Пушкине, находившихся в Псковском архиве, в разное время и по разным причинам оттуда исчезла, и вопрос об их судьбе требует отдельного разговора. Сейчас лишь укажем, что некоторые из них оказались вначале в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, а позднее — в Рукописном отделе Института русской литературы АН СССР в Ленинграде, где и хранятся в настоящее время. Так случилось с рапортом псковского губернатора Б. А. Адеркаса от 4 октября 1824 года рижскому и псковскому генерал-губернатору Ф. О. Паулуччи о получении от него предписания (от 15 июля) относительно Пушкина об установлении наблюдения за поэтом. В 1868 году документ этот хранился в Псковском архиве. В 1899 году его уже там не было.

Из отчета Рукописного отдела Государственной публичной библиотеки за 1900—1901 годы видно, что он был приобретен (куплен) этим отделом, но у кого и за сколько — установить не удалось, как не удалось установить, когда его передали в Институт русской литературы

(по одним данным, это произошло в 1938 году, а по другим — уже в 40-е годы). Такая же судьба постигла документы Псковского архива, в которых содержатся требования к Пушкину дать показания в связи с делом о надписи на его стихотворении «Андрей Шенье» («14 декабря 1825 года»).

Даже самое общее знакомство с историей поисков в ЦГИА СССР и ГАПО документальных материалов о Пушкине дало основание думать, что работа далеко не завершена. Логика подсказывала, что начать ее следовало предварительно с фондов министерств и учреждений, где уже выявлены или могут быть выявлены документы о Пушкине, а затем перейти к детальному их изучению.

ДОКУМЕНТЫ ПУШКИНИАНЫ В КАНЦЕЛЯРИИ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В 1802 году в России были образованы первые восемь министерств; позднее число их увеличилось. В ЦГИА СССР хранятся документальные материалы министерств внутренних дел, народного просвещения, финансов, юстиции, императорского двора, с которыми, по имеющимся данным, Пушкин был как-то связан. С точки зрения архивной эвристики очень важно установить, в какой мере эти материалы полны и достоверны, ибо только таким путем можно ответить на вопрос, есть ли (или должны быть) в архивах названных министерств документы о Пушкине.

Начнем наше знакомство с фондов министерства внутренних дел.

В царской России это министерство пользовалось особым влиянием не только потому, что вопросы, входившие в его компетенцию, были поистине необъятны. До 1826 года в его ведении находился весь полицейский аппарат, который следил за «неблагонадежным элементом» в стране и с ним боролся. Как известно, не позднее 1820 года Пушкин попал в поле зрения министра внутренних дел В. П. Кочубея, которому был адресован донос В. Н. Каразина на вольнодумство Пушкина. Примерно с апреля этого года Пушкин становится объектом наблюдения политического сыщика Фогеля и главным образом — директора Особенной канцелярии министерства внутренних дел, а позднее управляющего III Отделением М. Я. Фон-Фока.

Еще в 1925 году известный пушкинист Б. Д. Модзалевский писал в своем очерке «Пушкин под тайным надзором»: «Нет никакого сомнения, что в делопроизводстве этой канцелярии (то есть Особенной канцелярии министерства внутренних дел.— *Г. Д.*), не сохранившемся до нашего времени или хранящемся под спудом в архиве б. министерства внутренних дел,— были следы надзора за Пушкиным...»

Детальное обследование архива этой канцелярии, а также департамента полиции исполнительной, департамента общих дел и некоторых других фондов этого министерства продолжает оставаться одной из задач исследователей.

Основанием для тщательного изучения архивных фондов министерства внутренних дел являются также история отношений и переписка Пушкина с министром внутренних дел Д. Н. Блу-

довым (1832—1837), с которым он познакомился еще в Лицее.

Обратим внимание также на одно обстоятельство. В архиве министерства внутренних дел, помимо нескольких фондов цензуры, уже давно обследованных пушкинистами, хранятся некоторые фонды, где могут быть документальные материалы если не о самом Пушкине, то о его близком окружении.

Канцелярия министра внутренних дел была образована в 1802 году. Она неоднократно преобразовывалась и меняла круг решаемых ею задач. В 1842 году большинство документов было передано в Департамент общих дел, в фонде которого (№ 1284) они и хранятся в Центральном государственном историческом архиве СССР. Этим объясняется тот факт, что, хотя в очерке идет речь о материалах канцелярии министра внутренних дел, ссылки всюду даются на фонд 1284. В пушкинские времена канцелярия министра не имела строго очерченных функций, и потому там решались вопросы самого неожиданного характера. Более или менее постоянными были дела о личном составе министерства, о дворянских выборах по губерниям, об управлении Грузией и Бессарабией, о подготовке отчетов министра, перевозке мертвых тел и некоторые другие.

Архив неоднократно ревизовали и избавляли от ненужных, по мнению чиновников, дел. Этим объясняется наличие в некоторых описях пометок «Уничтожить», «Нет» (в 70—80 процентах дел). Невежественные чиновники часто уничтожали материалы, представляющие большую ценность, например, о крестьянских волне-

ниях и отдельных их участниках, донесения об управлении в Бессарабии (в том числе Инзова) и многие другие.

К счастью, сохранились старые описи фонда, которые дают иногда возможность не только узнать о том, что существовало то или иное дело, но и получить некоторое представление о его содержании. В подавляющей массе рассмотренных нами дел нет никаких признаков, что они использовались, и это затрудняет ответ на вопрос, были или не были они в руках исследователей.

Во избежание недоразумений мы, как правило, не указываем на находки автора, а просто констатируем факт существования или уничтожения дела.

Документы Пушкинианы из фонда № 1284 можно условно разделить на несколько групп. Они касаются: 1) самого поэта или его родных; 2) Царскосельского лицея и отдельных лицеистов; 3) знакомых Пушкина. Четвертую группу составляют материалы, имеющие косвенное отношение к Пушкину.

Загадочна и печальна судьба документов о Пушкине и его близких. В описях имеются сведения о существовании трех дел о перевозке мертвых тел: деда Натальи Николаевны — Афанасия Николаевича Гончарова, матери поэта Надежды Осиповны и самого Александра Сергеевича. Каждое из них представляет несомненный интерес. Но сначала небольшая справка.

Согласно российским законам перевоз мертвого тела из Петербурга производился по специальному разрешению министра внутренних дел. Обычно переговоры и переписка по

такому поводу велись через канцелярию министра, и на это уходило несколько дней. Пушкину и его близким пришлось столкнуться с этим в связи со смертью приехавшего в Петербург Афанасия Николаевича Гончарова.

Известно, что Пушкин лично познакомился с А. Н. Гончаровым в мае 1830 года, когда посетил имение Гончаровых в Калужской губернии, будучи женихом Натальи Николаевны. Впоследствии между ними существовала переписка, из которой до нас дошло 8 писем Александра Сергеевича и всего одно Афанасия Николаевича. Все они касались главным образом хозяйственных дел.

Установлено, что во время своего последнего приезда в Петербург Гончаров 7 июня 1832 года крестил первую дочь Пушкина Марию Александровну (в замужестве Гартунг), родившуюся 19 мая. Вскоре после этого он заболел и 8 сентября того же года скончался. Родные решили похоронить его в родовом имении и обратились с соответствующим прошением к министру внутренних дел Д. Н. Блудову, которого Пушкин, как мы уже говорили, хорошо знал еще с лицейских лет (как учредителя литературного общества «Арзамас»). В последующие годы их знакомство продолжалось.

Вот как случилось, что в канцелярии министра появилось дело «О перевозе мертвого тела надворного советника Гончарова из С. Петербурга в Калужскую губернию». Начато оно было 9 сентября, кончено 12 сентября 1832 года и состояло из 6 листов. Первоначально сохранялось в I Отделении 1-го стола канцелярии министра, затем было передано в Департамент общих дел министер-

ства внутренних дел, куда перешли многие функции канцелярии и где оно числится по описи № 17 за 1832 год под № 48[1]. К сожалению, дело это было уничтожено чиновниками архива, и потому мы не сможем сказать, какую роль играл Пушкин в организации перевоза тела Гончарова в Калужскую губернию. Вполне допустимо, что именно он написал прошение Блудову.

В связи с делом № 48 возникает несколько вопросов.

Известно, что 8 июня 1832 года Пушкин обратился с письмом к Бенкендорфу по поводу статуи Екатерины II, которую А. Н. Гончаров в свое время просил его продать казне. Связано ли было это письмо с приездом Гончарова в Петербург?

В первой половине сентября 1832 года Пушкин писал М. П. Погодину: «На днях еду в Москву в надежде увидеться с Вами». Точный день написания этого письма пока не установлен, но, учитывая, что вывоз тела Гончарова в Калужскую губернию мог состояться после 12 сентября (когда последовало министерское разрешение), возникает вопрос: не было ли связи между этой поездкой Пушкина и перевозом тела покойного? Не он ли сопровождал тело к месту погребения?

Из письма Пушкина жене от 22 сентября 1832 года видно, что он приехал в Москву 21-го, а выехал туда не позднее 15—16-го, так как поэт указывает, что ехал пять дней и пять ночей.

Остается выяснить: 1) Кто писал Блудову

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 1284, 1832 г., оп. 17, д. 48.

ходатайство с просьбой разрешить перевоз тела Гончарова в Калужскую губернию? 2) Кто сопровождал тело до места погребения? 3) Когда точно все это происходило? 4) Какое отношение это имело к Пушкину?

Одно несомненно: дело № 48 позволяет внести в биохронику Пушкина две даты — 9 и 12 сентября: хлопоты в связи со смертью А. Н. Гончарова.

Дело под заголовком «О перевозе тела Пушкиной, скончавшейся в С. Петербурге, для погребения в Псковской губернии в Святогорском монастыре» было заведено 31 марта 1836 года в Канцелярии министра внутренних дел Д. Н. Блудова и внесено под № 38 в опись архива[1]. Некоторое время оно находилось здесь, а затем при очередной ревизии документов на предмет уничтожения ненужных было, как и ряд подобных дел, уничтожено. (В описи есть три пометки: «Н» (ет), «У» (ничтожено) и штамп «Выбыло ЦГИАЛ».) Восстановить его мы, естественно, не в силах, но даже сохранившаяся в описи запись может несколько расширить наши знания об этом печальном событии в биографии Пушкина, о чем будет сказано ниже.

Ряд загадок таит в себе дело о перевозе тела Пушкина в 1837 году в Псковскую губернию для погребения в Святогорском монастыре, о чем мы также подробнее расскажем дальше.

Большой и важной частью Пушкинианы является история Царскосельского лицея, которой посвящены многочисленные исследования. Последней по времени является книга М. и С. Ру-

[1] ЦГИА СССР, ф. 1284, 1836 г., оп. 21, д. 38.

денских «Наставникам... за благо воздадим», вышедшая в Лениздате в 1986 году. Но, к сожалению, даже в этой книге, где использованы многочисленные архивные документы, нет данных из фонда канцелярии министра внутренних дел.

Для начальной истории Лицея несомненный интерес представляет просьба чиновника министерства внутренних дел статского советника Мельникова к министру внутренних дел О. П. Козодавлеву (от февраля 1811 года) помочь ему зачислить двух своих сыновей в открывающийся Лицей. Из дела видно, что, несмотря на высокий чин просителя и личное ходатайство министра перед царем о поддержке просьбы Мельникова, «высочайшего соизволения не последовало». Это показывает, насколько тщательным был отбор в Лицей.

Отдельные дела фонда касаются Лицея вообще. К ним относится дело «По отношению г. генерала от инфантерии кн. Волконского о передаче от него по высочайшему Государя Императора повелению всех дел по Пажескому корпусу, Императорскому Царскосельскому лицею и состоящему при оном пансиону в военное ведомство, к генерал-адъютанту барону Дибичу»[1].

Сравнительно много дел о распределении выпускников Лицея разных курсов и, в частности, тех, которые направлялись в министерство внутренних дел. Для истории выпуска 1820 года сохранилось дело на 34 листах под названием «По отношению министра духовных дел и народного просвещения об определении по Министерству

[1] ЦГИА СССР, ф. 1284, 1836 г., оп. 9, д. 42.

внутренних дел по высочайшему повелению четырех выпускников из Императорского Царскосельского лицея: Чарныша, Савича, Нумерса и Пальчикова»[1]. Здесь же имеется переписка не только об этих четырех лицах, но и о других выпускниках этого года: Загряжском, Дубенском, Борисе Данзасе, Угримове, Безаке, Молчанове, Лангере, Яхонтове, Позняке, Эристове, Шабельском и Орлае (Орлай де Карво). Все они перечисляются в хранящемся в деле указе от 14 июня 1820 года, где названы их чины и место назначения на службу. С большинством из названных лицеистов Пушкин был знаком и даже имел переписку.

В деле № 253 за 1826 год содержится просьба выпускника Царскосельского лицея Гесслинга к Бенкендорфу определить его на службу в III Отделение, но под предлогом отсутствия вакантных мест ее переправили в Министерство внутренних дел[2].

Для истории выпускников 1829 года (V курс) представляет интерес дело «По указу правительствующего Сената о выпускниках Царскосельского лицея и состоящего при оном благородном пансионе для определения в гражданскую службу»[3] на 12 листах (начато 31 июля, решено 17 сентября 1829 года).

Здесь имеется указ Николая I о распределении 14 выпускников этих заведений, в котором были определены чин, место назначения (не всех) и жалование тем, для кого пока нет вакантного места. В отличие от прежних выпусков лицеисты

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 1284, 1820 г., оп. 5, д. 91.
[2] Там же, 1826 г., оп. 11, д. 253.
[3] Там же, 1829 г., оп. 14, д. 125.

получили чины IX, X и XI классов. Жалование назначалось от 600 до 800 рублей. Из числа выпускников 1829 года сохранились в деле более подробные сведения о Суковкине (из пансионата), который направлялся в министерство внутренних дел.

Ряд дел о выпускниках 1835 года (VII курс) Александрове, Апухтине, Бекмане и других уничтожен. Судя по всему, эти лица получили назначение в министерство внутренних дел.

В канцелярии министра внутренних дел много дел о знакомых Пушкина. Пушкиноведам предстоит еще ответить на вопрос, какие из них представляют ценность для исследования жизни и деятельности поэта. Нам кажется, что таких дел там несколько десятков.

Вот одно из них — оно хранится под № 188 и называется «Об отыскании полковника Липранди и о взыскании с него денег для удовлетворения иностранца Баума». Состоит из 79 листов и содержит документы за 1823—1829 годы. Книгопродавец Баум обратился к Александру I с жалобой на И. П. Липранди, который купил у него два ящика книг на сумму 352 талера и 17 грошей и не желал их отдавать. Царь поручил министру внутренних дел разыскать Липранди и взыскать с него деньги. Значительную часть дела составляет переписка канцелярии министра с губернаторами и другими лицами по этому поводу. Читая ее, находишь детали, проливающие дополнительный свет на далеко еще не выясненную историю отношений Пушкина и Липранди.

Иван Петрович Липранди родился в 1790 году и умер в 1880 году. Был участником Отечественной войны, долго служил в армии, затем стал

чиновником для особых поручений при М. С. Воронцове и при министре внутренних дел.

Пушкин познакомился с Липранди в Бессарабии в 1820 году и поддерживал с ним контакты почти до самой своей смерти. Установлено, что между ними существовала переписка, следы которой, однако, не удается обнаружить до сих пор.

Пушкин высоко ценил Липранди за «ученость отличную с отличным достоинством человека». Рекомендуя его П. А. Вяземскому, он писал 2 января 1822 года: «Он мне добрый приятель и (верная порука за честь и ум) не любим нашим правительством и в свою очередь не любит его». Давая столь лестную характеристику своему знакомому, Пушкин, конечно, не мог даже предположить, что Липранди впоследствии станет агентом правительства и сыграет зловещую роль в деле петрашевцев, которых он выдал.

Липранди оставил свои воспоминания и дневники, которые являются одним из ценных источников для биографии Пушкина, хотя и требуют критического отношения.

В деле № 188, как нам кажется, имеются детали, представляющие интерес для уяснения отношений Пушкина и Липранди.

Известно, что в январе 1822 года Пушкин попросил Липранди, уезжавшего из Кишинева, отвезти письма и некоторые сочинения и передать их разным лицам. О том, что Липранди выполнил это поручение, мы знаем главным образом из его воспоминаний. В деле № 188 встречаем такие факты. 13 июля 1823 года московский обер-полицмейстер на запрос о Липранди сообщил, что тот «квартировал Тверской части в гостинице Оберта»

и «истекшего 1822 года выехал в город Тамбов и где ныне находится, неизвестно».

В начале 1823 года Пушкин уехал из Кишинева в Одессу, откуда писал между 22 октября и 4 ноября Ф. Ф. Вигелю: «Что Липранди? Мне брюхом хочется видеть его». Из донесения одесского градоначальника от 25 сентября этого года видно, что «Липранди, как известно, находится в городе Кишиневе».

В связи с восстанием декабристов Липранди в Кишиневе был арестован, 1 февраля 1826 года доставлен фельдъегерем в Петербург для допроса, 19 февраля освобожден и даже получил оправдательный аттестат (свидетельство).

Пушкин, несомненно, знал об аресте и допросе Липранди, о чем говорит его переписка с Н. С. Алексеевым — своим кишиневским знакомым. 30 октября 1826 года Алексеев писал Пушкину: «Липранди тебе кланяется, живет по-прежнему здесь довольно открыто и, как другой Калиостро, бог знает, откуда берет деньги». В ответ на это Пушкин писал Алексееву 1 декабря из Пскова: «Липранди обнимаю дружески, жалею, что в разные времена съездили мы на счет казенный (намек на то, что он, Пушкин, ездил с фельдъегерем в Москву для свидания с Николаем I в сентябре этого года.— *Г. Д.*) и не столкнулись где-нибудь.

Прощай, отшельник бессарабский,
Лукавый друг души моей —
Порадуй же меня не сказочкой арабской,
Но русской правдою твоей».

20 марта Алексеев сообщает Пушкину, что недавно Липранди был секундантом на дуэли

между двумя его кишиневскими знакомыми — К. К. Варламом и Н. В. Сушковым.

Тем временем «лукавый друг» Липранди продолжал скрываться от долгов, которые, как оказалось, он легко делал. 16 июня 1828 года бессарабский губернатор сообщил министру внутренних дел, что он дважды обращался «к полковнику Генерального штаба Липранди о присылке следующих с него 352 талеров и 17 грошей... но полковник Липранди ни денег не представил, ни о причине, тому препятствующей, ответа не было... Ныне по известности мне, что полковник Липранди находится в ведомстве 2 армии, я отнесся вместе с сим к дежурному генерал-майору Байкову с просьбой, дабы означенные деньги были взысканы с полковника Липранди».

Из дела № 188 видно, что 23 сентября министерство внутренних дел опять обратилось в Главный штаб с той же просьбой. Как развивались события позднее, мы сказать не можем, так как на этом нить обрывается. Таким образом, дело № 188 не только проливает свет на облик одного из близких знакомых Пушкина, но и, вероятно, поможет дополнить биографию самого поэта.

Для истории отношений Пушкина со своим другом поэтом Е. А. Баратынским может представлять интерес дело от 28 февраля 1816 года «По отношению князя А. Н. Голицына касательно пажей Дмитрия Ханыкова и Евгения Баратынского», в котором имеется сообщение Голицына министру внутренних дел О. П. Козодавлеву о том, что Александр I предписал, «чтобы исключенные из пажеского корпуса за негодное поведение Баратынский и Ханыков не были прини-

маемы ни в какую службу...»[1] Как известно, Пушкин хлопотал о смягчении участи Баратынского.

Дело «О пособии, испрашиваемом статским советником Каразиным, и о дозволении ему издавать акты филотехнические» содержит собственноручные письма его слободско-украинскому губернатору В. Г. Муратову и В. П. Кочубею с просьбой ходатайствовать перед царем об этом и сообщение Кочубея о том, что Александр I не только запретил ему издавать что-либо, но и обращаться к нему «после всего случившегося с ним». В деле имеются сведения о каких-то трех тюках рукописей[2]. (На обложке помечено, что оно начато 16 февраля 1822 года и кончено 4 сентября этого года. В действительности же там имеются документы с 1821 по 1829 г.)

В канцелярии министра внутренних дел есть многотомное дело на 1772 листах о сооружении в Симбирске памятника историку Н. М. Карамзину. Началось оно в 1833-м и кончилось в 1850 году[3].

Зная отношения Пушкина с Карамзиным, следовало бы его тщательно проштудировать.

В 58-м томе «Литературного наследства» (М., 1952, с. 24) напечатан подписной лист на сооружение памятника Карамзину с распиской Пушкина. В ссылке сказано, что этот документ хранится в Библиотеке им. В. И. Ленина в Москве.

Для биографической хроники Пушкина могут представить интерес и те дела о его знакомых, в

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 1284, 1816 г., оп. 4, кн. 18, д. 31.
[2] Там же, 1822 г., оп. 7, д. 120.
[3] Там же, 1833 г., оп. 18, д. 51—57.

которых сохранились их формулярные списки. В деле № 29 за 1820 год, например, есть формулярный список таврического губернатора А. Н. Баранова, которого Пушкин характеризовал как «честного гражданина и умного человека».

В некоторых случаях предстоит еще выяснить, идет ли речь о знакомых Пушкина или только об их однофамильцах. В виде примера укажем, что по описи № 8 (I отд., 1823 г., д. № 190) есть дело «По просьбе шляхтенки Мицкевичевой о 9-ти тысячах польских злотых». Родственница ли опа Адама Мицкевича или его однофамилица, установить не удалось. Звали ее Анна.

Исследователям Пушкинианы может понадобиться также множество материалов Канцелярии министерства внутренних дел, имеющих лишь косвенное отношение к биографии поэта. Вот один пример.

11 июля 1814 года, возвращаясь после победы над Наполеоном из Парижа в Петербург, император Александр I остановился в маленьком городке Псковской губернии — Острове. По собственной ли инициативе, или по инициативе местных властей, а может быть, своих подчиненных заехал император в дом островской купеческой жены Марфы Ивановны Антиповой, где и пробыл некоторое время. Прием, оказанный ею, настолько растрогал царя, что, приехав в Петербург, он приказал своему обер-гофмаршалу, президенту Придворной конторы графу Н. А. Толстому подыскать подходящий подарок и отправить в Остров для вручения гостеприимной хозяйке. Была, однако, в этом поручении царя одна деталь: то ли Александр I забыл ее имя, то ли его забыл сам Толстой и не решился потревожить своего царственного

натрона. Тем временем, исполняя приказ Александра I, Толстой купил серьги с бриллиантами и не знал, как доставить их в Остров и кому именно. После длительных раздумий был, наконец, найден хитроумный выход. 21 августа Толстой направил министру внутренних дел Козодавлеву официальную бумагу с просьбой выяснить имя купчихи, в доме которой останавливался царь 11 июля, и через почтового экспедитора передать ей подарок от имени Александра I. Не вдаваясь в тонкости этого деликатного поручения, Козодавлев на следующий же день дал почт-экспедитору Чернявскому соответствующее распоряжение (текст его имеется в деле).

31 августа 1814 года на имя министра внутренних дел был отправлен следующий рапорт.

«Его высокопревосходительству Господину тайному советнику, министру внутренних дел и кавалеру Осипу Петровичу

От островского почт-экспедитора Чернявского

Рапорт!

Во исполнение Вашего превосходительства предписания! Сего августа от 22 под № 766-м препровожденный при нем Высочайшего Его Величества подарок, бриллиантовые серьги, вручены мною с распискою во всей целости города Острова купецкой жене Марфе Антиповой, той самой, в доме коей Его Величество в проезд через Остров прошлого июля 11-го числа приставать соизволил, о чем Вашему превосходительству честь имею донесть при сем и расписку означенной купецкой жены Антиповой.

Почт-экспедитор Чернявский

№ 209, августа 31 числа 1814 года».

К этому рапорту приложена копия следующей расписки:

«1814 года августа 30 день я, нижеподписавшаяся, получила от островского почт-экспедитора присланные через почту пожалованные мне в подарок от Его Императорского Величества бриллиантовые серьги во всей целости, в чем и подписуюсь. Города Острова купеческая жена Марфа Иванова, жена Антипова.

Верно: Начальник отдела (подпись)»[1].

Приведенный эпизод не имеет, конечно, никакого отношения к Пушкину. Однако нам интересен тот факт, что, возвращаясь в столицу в 1814 году, Александр I заехал в Царское Село или проехал через него, где его восторженно приветствовали и лицеисты. На молодого Пушкина эта и другие встречи в то время с царем произвели громадное впечатление. Память о них настолько врезалась в сознание поэта, что во время знаменитой лицейской встречи 19 октября 1836 года он начал читать свое стихотворение: «Была пора: наш праздник молодой...», в котором были такие строки:

Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа к нам примчался.
Какой восторг тогда [пред ним] раздался!
Как был велик, как был прекрасен он,
Народов друг, спаситель их свободы!
Вы помните — как оживились вдруг
Сии сады, сии живые воды,
Где проводил он славный свой досуг.

Если предположить, что Пушкин имел в виду первую встречу лицеистов с Александром I,

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 1284, 1814 г., оп. 4а, д. 63, л. 100—104.

когда он проезжал через Царское Село по дороге из Острова, то можно уверенно утверждать, что было это после 11 июля 1814 года. Таким образом, уточняется еще одна деталь в биографии Пушкина.

ДЕЛО УБРИ

В середине 1830-х годов Россию потряс ряд взаимосвязанных политических событий. В июле 1830 года во Франции произошла буржуазная революция, свергнувшая династию Бурбонов и превратившая страну в буржуазную монархию. События во Франции оказали сильное влияние на революционное и национально-освободительное движение в других странах (Бельгия, Италия и др.). Испуганный размахом революционного движения, император Николай I собрал в Польше, на границе с европейскими странами, большую армию, которую намеревался бросить на его подавление. Ходили упорные слухи о том, что в этом намечавшемся заграничном походе примут участие и поляки. Это обстоятельство привело к тому, что давно назревшее в Польше недовольство царизмом вылилось в мощное восстание, в ходе которого из Польши был изгнан царский наместник Константин Павлович (брат Николая I), а затем было объявлено о лишении престола (детронизации) и самого императора. В ответ началась война русского царизма с Польшей, продолжавшаяся до 1831 года и закончившаяся разгромом повстанцев. Большую роль в подавлении восстания сыграли польские феодалы, которые, сохраняя свои права и привилегии, отказались от радикальных

социальных преобразований в стране. После разгрома повстанцев в России началась невиданная до тех пор реакция, распространившаяся на все области жизни. В стране неограниченно возросло значение тайной полиции и цензуры, с невероятной жестокостью подавлялись малейшие выступления оппозиции.

Вот в такой обстановке и возникло дело С. П. Убри, мало исследованное и до настоящего времени.

Собранные сведения о Сергее Павловиче Убри, к сожалению, крайне скудны и противоречивы. По одним данным, он родился в 1805 году и умер не ранее 1846 года; учился в Царскосельском лицее в 1820—1826 годах. По другим — учился там ранее и окончил лицей в 1823 году, получив малую золотую медаль и чин IX класса. Есть сведения о том, что Убри какое-то время служил при Российской миссии в Мадриде и владел имением в районе знаменитого селения Клястицы Витебской губернии, где в 1812 году было дано сражение армии Наполеона и где 20 июля этого года погиб один из самых популярных военачальников Отечественной войны Я. П. Кульнев. Точно установлено, что в 1833—1837 годах Убри состоял чиновником по особым поручениям при калужском губернаторе И. М. Бибикове. Надо еще добавить, что он был племянником управляющего Коллегией иностранных дел П. Я. Убри, под непосредственным руководством которого в этом учреждении служил Пушкин[1].

---

[1] См.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение.— Л., 1975.— С. 428; Руденские М. и С. Наставникам за благо воздадим...— Л., 1986.— С. 300.

Дело о С. П. Убри хранится в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде в фонде департамента полиции исполнительной министерства внутренних дел (ф. 1286, 1832 г., оп. 5, д. 753). Не имея возможности и нужды приводить все материалы, ограничимся кратким изложением их существа и приведем лишь некоторые документы.

Дело это возникло в связи с тем, что во время дворянских выборов в Витебской губернии, где Убри избирался предводителем дворянства Полоцкого уезда, он произнес речь, написанную им на французском языке. В речи не критиковались существующие самодержавно-крепостнические порядки в России, а была лишь робкая попытка выразить идею о том, что дворянству пора составить оппозицию против чиновников и укрепить свое положение. Присутствовавшие на собрании шпионы немедленно донесли гражданским и жандармским властям об этой речи, а те довели это до сведения III Отделения и Николая I. По его распоряжению началось тщательное и пристрастное расследование дела. Ниже приводятся документы, которые представляют особый интерес для пушкиноведов.

«№ 2929

ДЕЛО

По высочайшему повелению, состоявшемуся по поводу неуместной речи, произнесенной коллежским асессором УБРИ при дворянских выборах в Витебской губернии.

Департамента полиции исполнительной

Началось: 27 июня 1832 года.

Кончено: 11 февраля 1834 года.

На 97 листах.

I Отделения 2 стола.

№ 8933/№ 2929 Получено 26/27 июня 1832

Милостивый государь
Дмитрий Николаевич![1]

Государь император, по прочтении речи на французском языке, которая произнесена была 4-го сего июня при Дворянских выборах в Витебске, помещиком Дризенского уезда коллежским асессором Убри, по избрании его в уездные предводители,— высочайше повелеть мне изволил препроводить помянутую речь к вашему превосходительству с тем, чтобы вы, милостивый государь, изволили узнать, отчего столь неуместная речь была допущена и почему не было о том донесено своевременно.

Исполняя сим монаршую волю, честь имею представить при сем вашему превосходительству помянутую речь г. Убри.

С отличным почтением и совершенною преданностию имею честь быть, вашего превосходительства покорнейший слуга

Александр Мордвинов[2]».

«№ 3155
25 июня 1832
Его превосх-ву
Д. Н. Блудову. № 1156 июня 26

[1] Д. Н. Блудов — министр внутренних дел.
[2] А. Н. Мордвинов — управляющий III Отделением.

№ 264/№ 1608
Министерство
внутренних дел
Департамент полиции
исполнительной
Отделение I, стол 1
Ответ на № 454
20 марта 1833.
№ 40
Витебск

Секретно
Получено $\frac{27}{28}$
1833 г.

От генерал-губернатора
Смоленского, Витебского и Могилевского.
Господину министру внутренних дел

Во исполнение высочайшего его императорского величества повеления, об определении бывшего Полотского уездного предводителя коллежского асессора Убри при Калужском гражданском губернаторе чиновником для особых поручений, вашим превосходительством в отношении от 10 февраля под № 454 мне объявленного, предложив 22-го февраля г. Витебскому гражданскому губернатору об учинении должного распоряжения в рассуждении замещения места предводителя по Полотскому уезду кандидатом, я в то же время обращался к находящемуся в Витебской губернии корпуса жандармов полковнику Мердеру с поручением о дознаниях негласным образом, во исполнение того же высочайшего повеления, не руководствовался ли упомянутый Убри, при сочинении известной, неуместной речи своей каким-либо посторонним влиянием; но как г. Мердер отозвался мне, что он сколько ни употреблял старания к открытию сего, однако ж, ничего достоверного узнать не мог — то я счел неизлишним приступить

к дознанию и другими способами, в виду моем имевшимися.

Сие разыскание также не имело успеха: ибо об участии г. Убри в означенном деле других лиц, которых имел я в замечании, не получено ничего достоверного, кроме того, что один из здешних помещиков, отличавшийся службою, как по выборам своего дворянского общества, так и коронного, к которому по сему не могу я не иметь доверенности, сообщил мне мысль свою: не имел ли на г. Убри в сем деле влияния и даже не руководствовал ли его в том известный стихотворец Пушкин, с которым Убри воспитывался и обучался в одном училищном учреждении — Лицее и с которым, как известно, находился он в переписке. Таковое заключение признавая довольно вероятным, я имею долг сообщить вашему превосходительству об исполнении сделанного от вас, милостивый государь, поручения.

Генерал-губернатор, генерал от инфантерии князь Хованской».

«О коллежском асессоре Убри

В феврале сего года я представил Вашему императорскому величеству, не благоугодно ли будет повелеть предоставить генерал-губернатору князю Хованскому и сверх того по жандармской части негласным образом удостовериться, не руководствовался ли бывший Полоцкий уездный предводитель коллежский асессор Убри какимлибо посторонним влиянием при сочинении им неуместной речи на французском языке, которую он домогался прочитать в собрании Дворянства Витебской губернии.

Ваше величество изъявили высочайшее соизволение на всеподданнейшее представление мое, и во

исполнение того, я вошел немедленно в сношение с генерал-губернатором князем Хованским и генерал-адъютантом графом Бенкендорфом.

Генерал-губернатор князь Хованский сообщил мне, что все разыскания, которые делал он к открытию, не руководствовался ли Убри при сочинении помянутой речи чьим-либо посторонним влиянием, не имели успеха, ибо об участии с коллежским асессором Убри в сем деле лиц, которые были на замечании, никаких достоверных сведений не получено, кроме того, что один из помещиков Витебской губернии, отличившийся службою, как по выборам дворянства, так и коронного, коего, впрочем, князь Хованский не именует, сообщил мысль: не имел ли на Убри в означенном деле влияния и даже не руководствовал ли его в оном известный поэт Пушкин, с которым Убри воспитывался в Лицее и с которым он находился в переписке.

Князь Хованский присовокупляет к сему, что таковое заключение он признает довольно вероятным.

Доводя о сем до сведения вашего императорского величества, я считаю долгом присовокупить, что мысль об участии в вышеизъясненном деле Пушкина, по мнению моему, не представляет никакой вероятности. Пушкин хотя воспитывался в одном заведении с Убри, но, сколько мне известно, не был с ним в дружеских связях и тесных сношениях. Нельзя полагать, чтобы он, живучи в Петербурге и занимаясь литературою и собиранием материалов для истории Петра Великого, мог чрез письма руководствовать Убри в сочинении речи для выборов в Витебской губернии. Сверх того, он никогда ничего не писал

на французском языке, на коем сочинена речь Убри.

Притом и от шефа жандармов сообщено мне, что по произведенному под рукою жандармским полковником Мердером исследованию открылось, что коллежский асессор Убри, находясь долгое время за границею, ни с кем из помещиков Витебской губернии никаких связей и сношений в отсутствие свое не имел, и по недавнему прибытию в сию губернию, даже мало известен в Полоцком уезде; что выбор Убри в Полоцкие уездные предводители последовал по предложению полковника Гласки, который сделал сие из уважения и дружбы к умершему отцу Убри и его дяде, и наконец, что утвердительно полагать можно, что Убри никем не был руководим при сочинении означенной речи. Хотя же и пронесся слух об участии в сем бывшего Полоцкого уездного предводителя, статского советника Шита, но он к сему неспособен и притом не имел никаких связей с Убри.

Подписал: Д. Блудов.

Верно: помощник столоначальника (подпись)
15 апреля 1833».

Перед тем как сделать некоторые обобщения и выводы, укажем, что, видимо, благодаря Блудову Пушкина вообще не привлекали к этому делу, а Убри, получив выговор за свою «неуместную» речь, был отправлен в Калугу чиновником для особых поручений при местном губернаторе. Надо полагать, что немалую роль в столь «мягком» решении дела сыграл и дядя Убри — управляющий Коллегией иностранных дел Петр Яковлевич Убри, хорошо знавший и Пушкина, и Блудова.

Дело Убри интересно тем, что дает наглядное представление о страхе и смятении царского пра-

вительства в связи с революционными событиями в Европе и восстанием в Польше. Искали и видели крамолу даже там, где ее и в помине не было. Оно важно и потому, что в правительственных кругах вполне допускали, что Пушкин продолжает оставаться активным агитатором против существующих порядков.

Особый интерес дело Убри представляет с точки зрения источниковедения вообще и архивной эвристики в частности.

Судя по всему, Пушкин был не только знаком с Убри, но имел с ним переписку, о которой нам известен лишь факт ее существования. А есть ли следы этой переписки? Нет ли возможности установить имя того человека, который высказал мысль о роли Пушкина в «проступке» Убри?

Вызывает недоумение утверждение Блудова, что Пушкин «никогда ничего не писал на французском языке». Уж кто-кто, а Блудов прекрасно знал, что Пушкин владел французским языком и бóльшую часть писем писал именно на этом языке. Эти и другие вопросы предстоит еще выяснить.

Напомним в заключение, что имя Убри лишь однажды упоминается в письме Пушкина к жене, написанном не позднее 27 июня 1834 года и посланном в Калугу (Полотняный завод). В нем есть такие строки: «Ты пишешь мне, что думаешь выдать Катерину Николаевну за Хлюстина, а Александру Николаевну за Убри: ничему не бывать; оба влюбятся в тебя; ты мешаешь сестрам, потому надобно быть твоим мужем, чтобы ухаживать за другими в твоем присутствии, моя красавица». Этот отрывок позволяет думать, что Пушкин лично знал Убри и, возможно, общался с ним и действительно вел переписку.

ДОКУМЕНТЫ О ПУШКИНЕ В СЕНАТСКИХ И ДРУГИХ ФОНДАХ ЦГИА СССР

В 1711 году Петр I учредил в России новый высший орган — Сенат (Правительствующий сенат), который ведал вопросами законодательства и управления. В пушкинские времена Сенат был высшим органом суда и надзора.

В настоящее время существует около 80 фондов Правительствующего сената, в которых числятся сотни тысяч дел. Значительная часть их хранится в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА), но подавляющая масса находится в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде.

Сенатские фонды весьма интенсивно используются исследователями: по данным библиографического указателя «Документы ЦГИА СССР в работах советских исследователей», только за 1917—1962 годы на их основе написано более 100 работ. Надо отметить, однако, редкое обращение к этим материалам тех, кто занимается изучением жизни и творчества Пушкина. Достаточно сказать, что даже такой крупный знаток ЦГИА СССР, как М. И. Ахун, опубликовавший в журнале «Архивное дело» за 1936 год статью «Материалы об А. С. Пушкине в ленинградских архивах», не упомянул ни одного дела из сенатских фондов. Как сказано в библиографическом указателе, с 1917 по 1962 год в СССР появились лишь три статьи, относящиеся к Пушкину, в которых использованы материалы двух сенатских фондов ЦГИА СССР.

Имея в виду функции Сената, можно утвер-

ждать, что документальные материалы о Пушкине должны были отложиться не менее чем в пяти фондах этого учреждения: Первого и Пятого департаментов, Герольдии, Общего собрания и Соединенных присутствий кассационных департаментов и Временной комиссии сенатора Маврина (ЦГИА СССР, ф. 1341, 1343, 1345, 1353 и 1354). По нашим предварительным прогнозам, здесь должны были храниться примерно десять дел о Пушкине, часть из которых еще не введена в научный оборот.

Наше обследование этих фондов началось с Первого департамента Сената, где могли отложиться материалы о службе поэта в Коллегии иностранных дел в 1817—1837 годах.

Департамент был образован в 1763 году, его функции менялись неоднократно. К настоящему времени фонд № 1341 состоит из 309 367 единиц хранения за 1797—1918 годы, имеет более 500 описей и множество алфавитов. Из документов видно, что большая часть его материалов в разное время уничтожалась или передавалась в ЦГАДА.

Не касаясь здесь всей истории поисков, укажем лишь, что в конечном счете в этом фонде удалось найти три неизвестных дела: 1817 года — об определении Пушкина на службу в Коллегию иностранных дел; 1831 года — о восстановлении его на службе; 1817 года — об отставке отца поэта Сергея Львовича Пушкина.

Для лучшего понимания и оценки дела А. С. Пушкина 1817 года напомним некоторые события из его жизни той поры.

В 1811 году его определили в только что открывшийся Царскосельский лицей, где он провел

шесть незабываемых лет. Сам поэт считал этот период одним из счастливейших в своей жизни. Совсем не случайно многие его замечательные произведения посвящены Лицею, день создания которого он назвал «священным днем». Только благодарная память поэта могла подсказать ему знаменитые строки:

Все те же мы: нам целый мир чужбина,
Отечество нам Царское Село.

Лицейский период Пушкина довольно подробно освещен в воспоминаниях его родных и однокашников. Читая их, можно видеть, что наряду с восторженными отзывами о нем А. А. Дельвига, В. К. Кюхельбекера, И. И. Пущина встречаются весьма холодные и даже недоброжелательные высказывания А. М. Горчакова, С. Д. Комовского, М. А. Корфа.

Официальных материалов о пребывании Пушкина в Лицее сравнительно мало. Публикуемые ниже документы из сенатского архива об определении выпускников Лицея 1817 года, возможно, расширят наши знания об этой важной странице жизни поэта и некоторых его однокашников.

31 мая 1817 года состоялось заседание конференции Царскосельского лицея[1], на которой рассматривался вопрос «О распределении воспитанников по роду службы, согласно с желанием каждого, о назначении преимуществ, с какими кто из них, по своему благонравию и успехам в науках, должен поступить на службу, и о выборе отличнейших к удостоению их награды медалями». Пушкин был зачислен во второй

[1] Конференция — орган управления Лицея.

разряд окончивших с чином коллежского секретаря.

4 июня этого года Александр I утвердил постановление конференции, а 10 июня министр народного просвещения князь А. Н. Голицын сообщил министру иностранных дел К. В. Нессельроде об определении Пушкина в числе других выпускников в Коллегию иностранных дел. 13 июня появился указ царя, а через день Нессельроде написал об этом назначении министру финансов.

По данным некоторых источников, 15 июня Пушкин принес в Коллегии иностранных дел на Английской набережной (ныне набережная Красного флота, 32) служебную присягу и подписал присяжный лист. Там же сообщалось, что к присяге его привел священник сенатской церкви Никита Полухтович, а в качестве свидетеля присутствовал экзекутор Коллегии иностранных дел, коллежский советник Константинов.

Официальные документы об этих событиях сохранились в архиве Министерства иностранных дел. Они наиболее полно освещены Львом Поливановым в январском номере журнала «Русская старина» за 1887 год и Николаем Гастфрейндом в книге «Пушкин. Документы Государственного и С.-Петербургского Главного архива Министерства иностранных дел, относящиеся к службе его. 1831—1837», вышедшей в Петербург в 1900 году.

Изучая эти и другие публикации, а также мемуарную и исследовательскую литературу, можно заметить, что там нет данных о прохождении документов, касающихся назначения Пушкина, через Первый департамент Сената, хотя по существующим тогда порядкам они обязательно

должны там быть. Это обстоятельство давало основание думать, что соответствующие документы есть в архиве Сената. Поиск полностью подтвердил предположения: в фонде Первого департамента Сената по описи № 18 за 1817 год обнаружено дело № 355. О содержании его скажем ниже. А вначале отметим некоторые чисто внешние его особенности.

В описи дело фигурирует под названием: «О пожаловании воспитанников Царскосельского лицея в титулярные советники и коллежские секретари, князя Горчакова и прочих, с определением в департаменты министерств и другие места. Слушано 28 июня (1817 года), число листов — 11». На обложке же самого дела вместо этого заголовка значится другой: «О Горчакове и пр. 2 июля 1817 года. № 355».

В деле сохранились 9 документов (оригиналы и копии), первый из которых датирован 9 июня, а последний — 23 июля 1817 года. Каждый лист имеет двойную нумерацию: старую — чернилами, от № 141 до 152, и новую — карандашом, от № 1 до 11. Когда и кем была перечеркнута старая нумерация и проставлена новая, установить не удалось. В деле нет так называемого «листа пользования», в котором сотрудники отмечают, кто и когда брал его, какие производил выписки и т. д. Это дает основание думать, что дело уже очень давно не было в руках исследователей, и, вероятно, материалы его не публиковались.

Можно высказать предположение, что когда-то существовало дело, состоявшее из 152 или даже больше листов, которое позднее было расформировано и из части его составлено нынешнее дело № 355. Вероятно, материалы эти не привлекали

внимания исследователей потому, что в заголовке не фигурировал Пушкин, а указывался лишь Горчаков.

Не касаясь здесь значения дела № 355 для исследователей жизни и деятельности Пушкина (это задача специалистов-пушкиноведов), отметим лишь, что с точки зрения архивной эвристики оно дополняет уже известные документы о начале служебной деятельности поэта. Кроме того, ряд помет позволяет утверждать, что какие-то материалы по этому вопросу должны храниться в архивных фондах министерств народного просвещения, юстиции, финансов, а также департамента герольдии.

Приведем отдельные документы дела № 355.

«1817 года июня 12 дня, по имянному его императорского величества высочайшему указу, объявленному Сенату, господином тайным советником, исправляющим должность министра народного просвещения и кавалером князем Александром Николаевичем Голицыным сего же июня в 9 день, что его императорское величество, на основании рескрипта, последовавшего на имя его, в 19 день мая сего года, по засвидетельствованию Конференции императорского Царскосельского лицея об успехах, похвальном поведении и добронравии окончивших ныне курс наук в сем заведении воспитанников, повелеть соизволил: пожелавших из них поступить в гражданскую службу, поименованных в приложенном у сего списке, наградить при выпуске ныне из Лицея чинами, в том списке показанными, определив их в службу по их желанию. По отобрании сведения, куда кто из них определиться пожелает, он, г. исправляющий должность министра на-

родного просвещения, не преминет донести Правительствующему сенату о высочайшей воле государя императора на определение их к местам, сообразно изъявленному от них желанию. А в оном списке значатся: 1) князь Александр Горчаков, 2) Дмитрий Маслов, 3) Вильгельм Кюхельбекер, 4) Сергей Ломоносов, 5) Николай Корсаков, 6) барон Модест Корф, 7) барон Павел Гревениц, 8) Сергей Комовский, 9) Фридрих Стевен, всемилостивейше пожалованы в титулярные советники, 10) Федор Матюшкин, 11) Алексей Илличевский, 12) Михайло Яковлев, 13) Павел Юдин, 14) Александр Пушкин, 15) барон Антон Дельвиг, 16) Константин Костенский, 17) Аркадий Мартынов, всемилостивейше пожалованы в коллежские секретари. Правительствующий сенат приказали: сие высочайшее его императорского величества повеление показанным чиновникам объявить с приведением к присяге, поручить г. исправляющему должность министра народного просвещения, предоставя ему же сделать настоящее распоряжение об учинении с них за пожалованные чины вычета, на основании законов, потом к нему и к г-ну министру финансов послать указы для припечатания же оного высочайшего указа в Сенатских ведомостях, сенатской типографии дать копию при известии, каковым уведомить и герольдию.

Подписи».

«Копия.

1817 года июня 12 июля 2 дня Правительствующий сенат слушал: во-первых, имянный его императорского величества высочайший указ, объявленный Сенату господином тайным советником, исправляющим должность министра

народного просвещения и кавалером князем Александром Николаевичем Голицыным минувшего июня в 9-й день, что его императорское величество на основании рескрипта, последовавшего на имя его в 19 день мая сего года по засвидетельствованию Конференции императорского Царскосельского лицея об успехах: похвальном поведении и добронравии окончивших ныне курс наук в сем заведении воспитанников повелеть соизволил: пожелавших из них поступить в гражданскую службу, поименованных в приложенном у сего списке, наградить при выпуске ныне из Лицея чинами, в том списке показанными, определив их в службу по их желанию, а в оном списке значатся: 1. князь Александр Горчаков, 2. Дмитрий Маслов, 3. Вильгельм Кюхельбекер, 4. Сергей Ломоносов, 5. Николай Корсаков, 6. барон Модест Корф, 7. барон Павел Гревениц, 8. Сергей Комовский, 9. Фридрих Стевен, всемилостивейше пожалованы в титулярные советники, 10. Федор Матюшкин, 11. Алексей Илличевский, 12. Михайло Яковлев, 13. Павел Юдин, 14. Александр Пушкин, 15. барон Антон Дельвиг, 16. Константин Костенский, 17. Аркадий Мартынов, всемилостивейше пожалованы в коллежские секретари, и, во-вторых, рапорт г. исправляющего должность министра народного просвещения, что его императорское величество высочайше повелеть соизволил выпущенных из императорского Царскосельского лицея в гражданскую службу воспитанников определить согласно желанию их к местам по назначению в приложенном при сем списке показанному с производством тем из них, для которых в местах, в коих они поступят, вакансий находиться не будет, до открытия оных жалованья

из Государственного казначейства титулярным советникам по восьми сот, а коллежским секретарям по семи сот рублей в год. О сем распределении сообщено уже от него, г. исправляющего должность министра народного просвещения, и начальникам тех мест, в которые означенные воспитанники поступают. В приложенном же списке значить: что означенных воспитанников высочайше повелено определить согласно желаниям их: князя Александра Горчакова, Сергея Ломоносова, Николая Корсакова, барона Павла Гревеница, Вильгельма Кюхельбекера, Павла Юдина в Коллегию иностранных дел, Дмитрия Маслова в государственную канцелярию, барона Модеста Корфа в министерство юстиции, Сергея Комовского, Федора [Фридриха] Стевена в министерство просвещения, Федора Матюшкина в гражданскую службу, Алексея Илличевского в министерство финансов, Михаила Яковлева по министерству юстиции в Москву, Александра Пушкина в иностранную коллегию; барона Антона Дельвига, Константина Костенского в министерство финансов, а Аркадия Мартынова в министерство просвещения, и в-третьих, предложение г. действительного тайного советника, министра юстиции и кавалера Дмитрия Прокофьевича Трощинского, что управляющий министерством народного просвещения, г. тайный советник князь Голицын минувшего июня сообщил ему, что его императорское величество высочайше повелеть соизволил: из числа выпущенных из императорского Царскосельского лицея воспитанников барона Модеста Корфа и Михаила Яковлева по засвидетельствованию Конференции Лицея об окончании ими курса наук с успехом, при похвальном поведе-

нии и добронравии, наградить первого чином титулярного совстника, а второго чином коллежского секретаря и согласно их желанию определить по министерству юстиции, назначив второго из них в Москву, что же принадлежит до назначения им жалования, то государю императору благоугодно было повелеть на случай неимения ваканции производить с означенного числа барону Корфу по восьми сот, а Яковлеву по семи сот рублей в год из Государственного казначейства, впредь до помещения их на места с жалованием не ниже тех окладов, вследствие чего барон Корф и Яковлев подали к нему, г. министру юстиции, просьбы, в коих изъявили желание служить, первый в департаменте вверенного ему министерства юстиции, а последний за обер-секретарским столом в московских Сената департаментах. Он, г. министр юстиции, удовлетворив желание барона Корфа помещением его в департамент министерства юстиции, предлагает Сенату об определении коллежского секретаря Яковлева, на основании состоявшейся об нем высочайшей воле, за обер-секретарский стол, во 2-е отделение 6-го Сената департамента, с объявлением им обоим всемилостивейше пожалованных им чинов. Касательно же производства им того жалованья, какое по высочайшему повелению назначено из Государственного казначейства впредь до помещения их на штатные ваканции, каковых ныне ни по Сенату, ни по департаменту министерства юстиции не имеется, он, г. министр юстиции, отнесся уже к г. министру финансов. Приказали: Сие высочайшее его императорского величества повеление показанным чиновникам, кроме коллежского секретаря Яковлева, объявить с приведением

к присяге здесь в Сенате, а Яковлеву предоставить таковое объявление московским Сената департаментом. Вычет же за пожалованис их учинить на основании законов, потом в оные департаменты сообщить ведение, а гг. министру финансов и исправляющему должность министра народного просвещения и в Коллегию иностранных дел послать указы, в департамент министерства юстиции сообщить с определения копию. А для примечания оных высочайших повелений и списков в Сенатских ведомостях дать сенатской типографии известие, каковым уведомить и герольдию. Подлинное за подписанием Правительствующего сената 11 июля 1817 года.

Титулярный советник Евдокимов

Исполнено 16 июля 1817 года».

«В Правительствующий сенат

От исполняющего должность министра народного просвещения

ДОНЕСЕНИЕ

Его императорского величества указ из Правительствующего сената за № 16.978 о награждении выпущенных из Царскосельского лицея воспитанников в гражданскую службу с чинами титулярных советников и коллежских секретарей, с определением их к разным местам и с производством жалованья до поступления их на вакантные места, первым по 800 рублей, а последним по 700 рублей в год, из Государственного казначейства, к надлежащему исполнению мною получен. О сем имею честь донести. Князь Александр Голицын.

№ 2223. Петергоф, июля 23 дня 1817.

По 1-му департаменту».

«18 июля 1817
Правительствующему сенату Государственной коллегии иностранных дел

ДОНОШЕНИЕ

Указ его императорского величества из Правительствующего сената от 16-го июля под № 16979-м об определении некоторых воспитанников императорского Царскосельского лицея в гражданскую службу, в Коллегию иностранных дел получен, и надлежащее по оному исполнение учинено будет.

№ 6498. Июля 17 дня 1817 года

Подпись

Секретарь Подпись

О получении указа под № 16979».

Кроме документов 1817 года, относящихся к определению Пушкина на службу в Коллегию иностранных дел, в фонде Первого департамента Сената обнаружено, как мы уже сказали в начале главы, еще одно дело — о восстановлении в 1831 году Пушкина на службе в Коллегии иностранных дел. Называется оно так: «Дело по высочайшему повелению о принятии в службу отставного коллежского секретаря Александра Пушкина тем же чином и об определении его в ведомство сей коллегии. 1831 года декабря 9 дня». (Известно, что в 1824 году Александр I уволил Пушкина из Коллегии иностранных дел, сослал в Псковскую губернию, и только в 1831 году Николай I восстановил его на службе.)

Здесь хранятся всего три документа: доношение Государственной коллегии иностранных дел в Правительствующий сенат от 3 декабря 1831 года с препровождением копии высочайшего

именного указа, объявленного вице-канцлером 14 ноября этого года о принятии на службу А. С. Пушкина; копия с копии высочайшего повеления об этом, заверенная графом Нессельроде, и выписка из журнала Первого департамента Сената от 9 декабря о слушании этого вопроса и постановлении принять к сведению высочайшее повеление и записать об этом в журнал, «а в экспедицию дать с сей статьи копию».

Сам факт восстановления Пушкина на службе хорошо известен, но, может быть, документы сенатского архива добавят какие-либо детали в это дело.

Наконец, третье дело из фонда Первого департамента Сената называется «О Пушкине». На обложке есть пометка: «23 генваря 1817 года. № 35». В деле три документа: копия указа Александра I Сенату от 12 января 1817 года об увольнении от службы по личной просьбе отца поэта С. Л. Пушкина; копия постановления Сената от 29 января 1817 года об этом и рапорт военного министра Коновницына в Сенат от 6 февраля этого года о получении указа. Всего в деле 3 листа, имеющих, однако, двойную нумерацию: старую — от № 112 до 114, и новую — от № 1 до 3. И в данном случае можно предположить существование некогда большого дела, не менее чем на 114 листах, из которого позднее были составлены три листа нового дела.

Интересная деталь: в 1851 году по просьбе первого биографа поэта П. В. Анненкова сестра Пушкина Ольга Сергеевна продиктовала свои воспоминания о детстве Александра Сергеевича. Есть в этих воспоминаниях такие строки: «Сергей Львович вскоре простился с военною службою

и перешел в Комиссариат, в котором и считался, нося военный мундир, присвоенный этому ведомству». К этому сообщению Ольга Сергеевна сделала такое примечание: «О службе Сергея Львовича можно извлечь сведения из Указа об отставке, который, вероятно, сохранился»[1]. Ее предсказание оправдалось.

Итак, три архивных дела из фонда № 1341, которые были предсказаны, действительно обнаружены. Но есть ли еще пушкинские дела? Нет ли оснований продолжать поиски? На этот вопрос можно ответить утвердительно: есть и нужно.

Начнем с того, что в этом фонде по логике вещей должно храниться дело 1824 года об увольнении Пушкина из Коллегии иностранных дел. Это тем более вероятно, что увольнение было «по высочайшему повелению». В пользу такого предположения говорит, как нам кажется, черновик документа, впервые опубликованный В. С. Нечаевой в «Литературном наследстве» (1934. № 16—18. С. 615):

«В Министерство иностранных дел. Май 1830 года. Москва (черновое).

Всепресветлейший, державнейший, великий государь император Николай Павлович, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший.

Просит отставной коллежский секретарь Александр Сергеев сын Пушкин о нижеследующем:

При увольнении меня (в 1824 году) июле месяце 1824 года из ведомства Государственной Коллегии иностранных дел не было мне выдано

---

[1] А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1.— М., 1985.— С. 37.

аттестата о службе моей, почему всеподданнейше и прошу. Дабы высочайшим Вашего императорского величества указом повелено было сие мое прошение в Государственную Коллегию иностранных дел принять и мне надлежащий выдать аттестат.

Всемилостивейший государь! Прошу Вашего императорского величества о сем моем прошении решение учинить. Майя «   » дня 1830 года. К поданию надлежит в Государственную Коллегию иностранных дел.

Прошение писал NN».

Несмотря на все указанные свидетельства, поиски самого дела 1824 года пока не увенчались успехом.

Не удалось до сих пор обнаружить в архиве Сената и документы о производстве Пушкина в титулярные советники в декабре 1831 года, хотя, как мы увидим, они там, несомненно, были.

Укажем еще на одно дело, которое, бесспорно, проходило через Сенат, но также не найдено. Мы имеем в виду документы, касающиеся дуэли и смерти Пушкина. Доказательством того, что они существовали, может служить рапорт военного министра графа А. И. Чернышева в Сенат от 19 марта 1837 года с изложением обстоятельств дуэли и смерти Пушкина. Рапорт этот находится в деле военного министра (Аудиториатский департамент, 4-е отделение, 1-й стол, № 16) под заголовком «Об осуждении поручика барона де Геккерна за дуэль с камер-юнкером Александром Пушкиным и инженер-подполковника Данзаса за бытность на дуэли в качестве секунданта», 1837, март 11—18, л. 253. Рапорт Чернышева находится на листах 235—236. Само же дело хранится в рукописном отделе ИРЛИ.

Обращает на себя внимание такая деталь: список рапорта А. И. Чернышева Сенату каким-то образом оказался в фонде русского писателя Виктора Васильевича Кондырева, хранящемся в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде[1]. (Напомним, что одна из внучек А. С. Пушкина Нина Михайловна Дубельт после замужества носила фамилию Кондырева.)[2]

Имеются неопровержимые данные о том, что в сенатских фондах были дела, касающиеся ряда произведений Пушкина. Приведем лишь один пример.

В 1825 году Пушкин написал, а затем напечатал свое знаменитое стихотворение «Андрей Шенье», получившее широкое распространение еще до публикации. В феврале 1826 года прапорщик Л. А. Молчанов получил эти стихи в Новгороде от А. И. Алексеева, а в июле того же года передал их учителю А. Ф. Леопольдову, который сделал на них надпись: «На 14-е декабря». С помощью провокаторов это стало известно III Отделению, которое затеяло целое следствие; был к нему привлечен и Александр Сергеевич. Ему пришлось трижды писать специальное объяснение (см. очерк «О стихотворении «Андрей Шенье»).

В ходе наших поисков материалов о Пушкине в фондах Герольдии Сената в описи № 101 фонда № 1345 (уголовный департамент Сената) за 1828 год под № 37 было обращено внимание на сле-

---

[1] Аннотированный указатель рукописных фондов ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; Вып. 2.— Л., 1982.— С. 258.

[2] Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Науч. описание.— М.; Л., 1937.— С. 204.

дующий заголовок дела: «О кандидате словесных наук Леопольдове, судимом за имение у себя возбудительных стихов». Число листов обозначено крайне неразборчиво и может читаться — 118 или 218. В описи есть две пометы: «Решено 20 августа 1828 года» и штамп: «Выбыло». Сбо́ку написано: «По распоряжению г. сенатора Репнинского отправлено в Императорский Александровский лицей. Секретарь» (подпись неразборчива). По имеющимся данным, опись № 101 была составлена в 1869 году. В конце ее запись о том, что 231 единица хранения, числящаяся здесь, выбыла. Среди выбывших указана также единица хранения № 37.

Выяснив, что сенатор Репнинский в свое время приводил в порядок сенатский архив и одну часть дел распорядился уничтожить, а другую передать в соответствующие архивы, я решил выяснить, нет ли указанного дела о Леопольдове в Ленинградском государственном историческом архиве. Его сотрудники проверили материалы фонда Александровского лицея (бывшего Царскосельского) и сообщили, что такого дела там нет.

Просматривая недавно в Пушкинском Доме опись № 16 Пушкинского фонда (№ 244), удалось обнаружить под № 25 дело Пятого департамента Сената о Леопольдове на 282 листах. Таким образом, исчезнувшие из архива документы, к счастью, сохранились, но когда и кем они были переданы в Пушкинский Дом, пока не установлено.

Мы рассказали об известных и неизвестных документах о Пушкине в некоторых фондах министерства внутренних дел и Сената. Есть основания думать, что далеко не все выявлено также в фондах

Придворного ведомства, министерства финансов и других.

В самодержавной России особую роль играли министерство императорского двора и ряд учреждений, имеющих к нему прямое отношение. Часто важные государственные дела решались не в высших и центральных органах власти — Сенате, Синоде, Государственном совете или министерстве, а именно в придворных сферах. Естественно, что многие видные деятели стремились получить не только служебный, но и придворный чин, который обычно присваивался в раннем возрасте и повышался по мере роста гражданского чина или продвижения человека на том или ином поприще.

Придворная жизнь и деятельность Пушкина изучена недостаточно, что можно объяснить скудостью источников. Напомним некоторые факты, имеющие к этому отношение.

Создается впечатление, что мысль о привлечении Пушкина к придворному кругу была высказана знакомым поэта, видным чиновником министерства внутренних дел Ф. Ф. Вигелем (1786—1856). В его письме Пушкину, написанном в июне или июле 1831 года, есть такая фраза: «...вы — поэт, и не обязаны служить, но почему бы вам не быть при дворе? Если лавровый венок украшает сына Аполлона, почему бы ключу не украсить зада потомка древнего и благородного рода?» [1] Высказывалась ли эта мысль по собственной инициативе или по чьему-либо поручению, сказать не можем, но прошло более двух лет, прежде чем она воплотилась в жизнь. В фонде

---

[1] Вигель имеет в виду ключ как знак принадлежности к придворному званию.

«Придворная его императорского величества контора» (ф. № 469) хранится копия следующего документа:

«Указ придворной конторе.

Служащих в Министерстве иностранных дел: коллежского асессора Николая Ремера и титулярного советника Александра Пушкина, всемилостивейше пожаловали мы в камер-юнкеров Двора нашего.

На подлинном написано собственною его императорского величества рукою Николай.

В С. Петербурге. 31 декабря 1833 года.

С подлинным верно.

Секретарь Василий Красицкий»[1].

Лев Сергеевич Пушкин вспоминал: «Брат мой впервые услыхал о своем камер-юнкерстве на бале у графа Алексея Федоровича Орлова. Это взбесило его до такой степени, что друзья его должны были отвести его в кабинет графа и там всячески успокоивать. Не нахожу удобным повторить здесь всего того, что говорил, с пеной у рта, разгневанный поэт, по поводу его назначения»[2].

Резко отрицательное отношение поэта к своему камер-юнкерству нашло отражение в его письмах и дневнике.

1 января 1834 года он записал: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры — (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове».

10 мая того же года: «Государю неугодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с уми-

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 469, оп. 1, д. 139, л. 7.

[2] Пушкин в воспоминаниях современников.— Т. 1.— С. 57.

лением и благодарностию. Но я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутом не буду и у царя небесного».

Интересную запись об отношении Пушкина к своему камер-юнкерству находим в дневнике старого приятеля поэта Алексея Вульфа от 19 февраля 1834 года: «Самого же поэта я нашел мало изменившимся от супружества, но сильно негодующим на царя за то, что он одел его в мундир, его, написавшего теперь повествование о бунте Пугачева и несколько новых русских сказок. Он говорит, что возвращается к оппозиции, но это едва ли не слишком поздно; к тому же ее у нас нет, разве только в молодежи»[1].

Это «пожалование» вызвало в Пушкине чувство оскорбленного достоинства, которое сидело в нем как заноза и не давало покоя. В письме к Н. Н. Пушкиной от 3 июня 1834 года из Петербурга на Полотняный завод он, например, писал: «В прошлое воскресенье представлялся я к великой княгине. Я поехал к ее высочеству на Каменный остров в том приятном расположении духа, в котором ты меня привыкла видеть, когда надеваю свой великолепный мундир. Но она так была мила, что я забыл и свою несчастную роль и досаду».

Положение камер-юнкера неоднократно приводило Пушкина к столкновениям с придворными кругами и с самим Николаем I и ставило в неловкое положение. 22 июля 1834 года он записывает: «Прошедший месяц был бурен. Чуть было не поссорился я со двором,— но все перемололось.

---

[1] Пушкин в воспоминаниях современников.— Т. 1.— С. 455.

Однако это мне не пройдет». Известно, что в ноябре этого года Пушкин нарочно уехал из Петербурга в Москву, чтобы не присутствовать вместе с другими камер-юнкерами на торжественной церемонии открытия Александровской колонны в столице.

Важные сведения о камер-юнкерстве имеются в письмах Пушкина разным лицам и особенно жене. 17 апреля он писал ей: «Третьего дня возвратился я из Царского Села в пять часов вечера, нашел на своем столе два билета на бал 29-го апреля и приглашение явиться на другой день к Литте; я догадался, что он собирается мыть мне голову за то, что я не был у обедни. В самом деле, в тот же вечер узнаю от забежавшего ко мне Жуковского, что государь был недоволен отсутствием многих камергеров и камер-юнкеров и что он велел нам это объявить... Я извинился письменно. Говорят, что мы будем ходить попарно, как институтки. Вообрази, что мне с моей седой бородкой придется выступать с Безобразовым или Реймарсом. Ни за какие благополучия!»

Не касаясь здесь анализа письма по существу, отметим важное его значение с точки зрения архивной эвристики: оно не оставляет сомнения в том, что было письмо Пушкина к церемониймейстеру императорского двора графу Ю. П. Литте, которое до нас не дошло. О том, что это не единственное не дошедшее до нас письмо к Литте, свидетельствует и следующий отрывок из письма Пушкина, посланного жене около 28 июня 1834 года: «Мой ангел, сейчас послал я к графу Литта извинение в том, что не могу быть на Петергофском празднике по причине болезни».

Можно думать, что в архиве придворного ведом-

ства таятся и другие документы, связанные с камер-юнкерством Пушкина. Есть основания предполагать, что имеются еще не разысканные материалы о Пушкине в фондах министерства финансов. Напомним, что в 1823—1845 годах министром финансов был влиятельный при дворе граф Е. Ф. Канкрин, женатый на сестре декабриста А. З. Муравьева Екатерине Захаровне. Имеются неопровержимые доказательства личного знакомства Пушкина и его жены с Канкриными: сохранился даже рисунок Александра Сергеевича, изображавший чету Канкриных в 1832 году. (Любопытная деталь: в письме Н. Н. Гончаровой от 30 июля 1830 года Пушкин называет Канкрина «своим кузеном».)

Личное общение между Пушкиными и Канкриными продолжалось и в последующие годы. В письме к Н. Н. Пушкиной от 14 сентября 1835 года есть такие фразы: «Что наша экспедиция? виделась ли ты с графиней Канкриной, и что ответ? На всякий случай, если нас гонит граф Канкрин, то у нас остается граф Юрьев; я адресую тебя к нему».

Факт существования не только официальных отношений с Канкриными дает основание тщательно исследовать личный фонд Е. Ф. Канкрина, хранящийся, по данным справочника «Личные архивные фонды в государственных архивохранилищах», в ЦГИА СССР под № 1570 и состоящий из 214 единиц хранения за 1798—1850 годы.

Дальнейшего исследования требует и официальная переписка между Пушкиным и министром финансов.

Сейчас известно и опубликовано всего четыре письма Александра Сергеевича Канкрину и одно

от него Пушкину. Письма поэта датированы 6 сентября, 23 октября, 6 ноября 1835 года и позднее 21 октября 1836 года. Единственное письмо Канкрина написано 21 ноября 1836 года. Можно думать, что одно или несколько писем Канкрина Пушкину не разысканы. Гораздо важнее, однако, другое. Из документов Сената, министерства иностранных дел и некоторых других следует, что в министерстве финансов должны были быть документы о назначении Пушкину жалования в 1817 году, о выделении из государственного казначейства ему же, начиная с 1831 года, ежегодно 5000 рублей и некоторые другие. Обратим внимание и на такую деталь. Подлинник письма Пушкина от 6 ноября 1836 года, хранившийся в деле министерства финансов и опубликованный впервые в 1890 году П. И. Бартеневым в журнале «Русский архив», потом исчез из дела и в последующих публикациях текст письма печатается по «Русскому архиву». И еще одно пояснение: письмо Пушкина от 21 октября (после этого числа) печатается по черновику — беловик до сих пор не разыскан.

Приведенные данные дают основание сказать, что, помимо уже известных документов Пушкинианы, в фондах министерства финансов были еще и другие — их и следует искать.

О СТИХОТВОРЕНИИ «АНДРЕЙ ШЕНЬЕ»

Стихотворение Пушкина «Андрей Шенье» привлекало и привлекает к себе особое внимание со времени его создания и до наших дней. Современники увидели в нем не только одно из заме-

чательных художественных произведений, но и образец использования исторической темы для популяризации идей народного восстания.

Политический характер стихотворения объясняет причину его широкого распространения в рукописи задолго до публикации. Это обстоятельство привело к тому, что на него обратило внимание правительство, особенно усилившее слежку за поэтом в связи с восстанием декабристов.

С темой «Андрей Шенье» связаны многочисленные публикации документов и исследования. В настоящем очерке хотелось бы рассмотреть ее источниковедский аспект.

В ночь на 19 августа 1820 года Пушкин в семье Раевских на военном бриге «Мингрелия» прибыл из Феодосии в Гурзуф и поселился с ними на даче герцога Ришелье. Видимо, именно здесь он серьезно вник в творчество французского поэта и публициста Андре Мари Шенье (1762—1794), стихи которого ему дал друг детства Н. Н. Раевский-младший. Творчество Шенье произвело на Пушкина большое впечатление, свидетельством чему может служить следующий отрывок из черновика его письма к П. А. Вяземскому от 4 ноября 1823 года, написанного в Одессе: «Перечитывая твои письма и [статьи], меня берет охота спорить — говоря об романтизме, ты где-то пишешь что даже стихи со времени революции носят [свой] новый образ — и упоминаешь об А. Ш[енье]. Никто более меня не уважает, не любит этого поэта — но он истинный грек [непроходимый] из класси[ков] — классик». Такая оценка Шенье встречается у Пушкина и позже.

Пребывая в михайловской ссылке, Пушкин неоднократно возвращается к поэзии Шенье,

а в первой половине 1825 года появляется черновой текст: «Покров, упитанный язвительною кровью...» Во второй половине того же года стихотворение «А. Шенье в темнице» получило, видимо, распространение. Во всяком случае 13 июля Пушкин в письме к П. А. Вяземскому спрашивает: «Читал ты моего А. Шенье в темнице? Суди об нем, как езуит — по намерению». К этому же времени относится подготовка стихотворения к публикации, которую взял на себя П. А. Плетнев.

Первоначально цензура не пропустила «Андрея Шенье», но стихотворение, вероятно, было известно в рукописи уже в октябре или в ноябре 1825 года: на следствии выяснилось, что именно в это время не пропущенный цензурой отрывок стихотворения был кем-то передан штабс-капитану А. И. Алексееву.

Между тем 30 декабря был издан в Петербурге том «Стихотворения Александра Пушкина» (в выходных данных указано: Спб., 1826), где в разделе «Элегии» под номером XVII указано: «Андрей Шенье». Одновременно с печатным изданием продолжают распространяться и рукописные экземпляры стихотворения. В феврале 1826 года прапорщик Л. А. Молчанов получает их в Новгороде от А. И. Алексеева. Становятся они известными и в кругах декабристов.

Важное событие произошло в 20-х числах июля 1826 года. Именно в это время учитель А. Ф. Леопольдов получает от Л. А. Молчанова стихи из элегии «Андрей Шенье» и делает на них надпись: «На 14-е декабря». Перед своим приездом в Саратовскую губернию Леопольдов поддался на провокацию агента правительства В. Г. Коноп-

лева и списал ему стихи, а тот передал их в руки одного из самых ярых противников и ненавистников Пушкина генерала И. Н. Скобелева. Последний тотчас же послал их вместе с донесением к А. Х. Бенкендорфу, а тот, конечно, дал ход делу.

Документы по этому делу были в разные годы введены в научный оборот П. А. Ефремовым, С. Сухотиным, П. Е. Щеголевым, а также псковским краеведом И. И. Василевым.

При изучении их исследований и публикаций становится очевидным, что, во-первых, материалы, связанные с делом «А. Шенье», должны были отложиться и храниться в архивах Сената, Государственного совета и министерств внутренних дел, военного, юстиции, а также в архивах Новгорода, Москвы и Пскова. Во-вторых, те из документов, которые хранились в Пскове, пропали.

В 1899 году вышла книга Василева «Следы пребывания Александра Сергеевича Пушкина в Псковской губернии», где впервые опубликованы документы из архивного дела № 55 Псковского губернского правления. В настоящее время все это дело исчезло, и потому мы приводим из него лишь отдельные документы и в том виде, в каком они были опубликованы И. И. Василевым:

«Дело о истребовании от А. Пушкина показания, следующего к военно-судному делу над капитаном Алексеевым.

Нач(ато) 19 января 1827 года.

Секретно. Весьма нужное.

Комиссия военного суда, учрежденная Лейб-

Гвардии при конно-егерском полку 12 Генваря 1827 года. № 2.

Господину Псковскому Гражданскому Губернатору и Кавалеру. Государь император, по докладу г. Начальником главного штаба Его Величества, военно-судного дела, произведенного в комиссии, учрежденной при бывшем в Москве Лейб-Гвардии 2-м сводном легком артиллерийском полку над штабс-капитаном лейб-гвардии конноегерского полка Алексеевым, сужденным за содержание у себя в тайне от своего начальства и сообщение другим таких бумаг, которые по содержанию своему в особенности после происшествия 14 декабря, совершению по смыслу злодеев, покушавшихся на разрушение всеобщего спокойствия, Высочайше повелеть соизволил: исполнить по мнению Аудиториатского Департамента, продолжить дело в той же судной Комиссии.

Департамент Аудиториатский полагал нужным означенное дело об Алексееве дополнить между прочим и допросом прикосновенного к делу А. Пушкина: им ли сочинены известные стихи, когда и почему известно ему сделалось намерение злоумышленников в стихах изъясненное; кем оные сочинены.

Вследствие такой Высочайшей воли Его Императорское Высочество Великий князь Михаил Павлович входил в сношение с начальником Главного Штаба Его Императорского Величества о том, дабы к приведению вышеизъясненной Высочайшей воли в надлежащее исполнение, за присоединением к лейб-гвардии конно-егерскому полку возвратившегося из Москвы дивизиона оного полка из гг. штаб- и обер-офицеров коего составлена

была помянутая комиссия, приказано было продолжать нынешнее действие комиссии по сему дополнению дело в Новгороде, и сверх изложенных замечаний по оному Аудиториатского Департамента, Его Высочество полагал необходимым между других обстоятельств истребовать от сочинителя стихов А. Пушкина показание: его ли действительно сочинения известные стихи, с какой целию им сочинены и кому от него переданы? И если комиссия почтет нужным, то вызвать самого Пушкина.

Согласно сему г. Начальник Главного Штаба сообщил Его Императорскому Высочеству о зависящем с его стороны распоряжении по всему вышеизложенному дополнению дела. На основании чего ныне комиссия военного суда, осведомясь, что означенный А. Пушкин проживает в г. Пскове, покорнейше просит Ваше Превосходительство отобрать от него, Пушкина, вышеизъясненного показания и о доставлении такового в комиссию со всевозможной скоростию не оставить сделать зависящее Ваше распоряжение, в случае же выезда оного из г. Пскова, куда-либо в другое место, благоволить приказать, кому следует, разведать о том обстоятельнее и по указанию о настоящем его местопребывании поспешить сообщить прямо от себя к тамошнему начальству об отобрании от него, Пушкина, сказанного показания и о последующем почтить комиссию вашим уведомлением.

Причем комиссия почитает долгом Вашему Превосходительству присовокупить, что дело о штабс-капитане Алексееве Высочайше повелено кончить и немедленно и самопоспешнейше, и что по оному теперь кроме одного только показания

А. Пушкина все прочие за тем сведения комиссией уже собраны.

Презус Полковник Барон Ря... (неразборчиво)
Обер-аудитор Иванов».

«Секретно, Псков. Гражданского губернатора Канц. отд. 1. 21 генваря 1827 года № 27.

Московскому Обер-полицмейстеру.

Прилагая при сем в копии отношение Комиссии военного суда, учрежденной Лейб-Гвардии при конно-егерском полку, последовавшее ко мне от 12 сего генваря, относительно отобрания от А. Пушкина по изъясненному в оном отношении предмету показания, нужного к военно-судному делу над штабс-капитаном лейб-гвардии конно-егерского полка Алексеевым, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что А. Пушкин, коллежский секретарь, как известно мне из канцелярии моей по ордеру на получение подорожной, должен ныне находиться в пребывании в Москве, а по сему я покорнейше прошу по содержанию помянутого отношения приказать истребовать от него показание и без замедления отправить таковое прямо от себя в означенную комиссию в Нове-городе находящуюся, уведомя меня в последующем».

Одновременно с отношением к московскому обер-полицмейстеру псковский губернатор Б. А. Адеркас направил ответ на запрос № 2 от 12 января 1827 года следующего содержания:

«Секретно. В комиссию военного суда, учрежденную лейб-гвардии при конно-егерском полку.

Получив секретное отношение комиссии военного суда от 13 Генваря об отобрании от А. Пушкина показания, нужного к военно-судному делу над штабс-капитаном лейб-гвардии конно-егерско-

го полка Алексеевым, имею честь уведомить оную, что А. Пушкин, коллежский секретарь, пред сим находился в г. Пскове, ныне, сколько мне известно, находится в Москве, куда я по содержанию отношения ко мне комиссии вместе же с сим отнесся к Московскому г. Обер-полицмейстеру с приложением в копии отношения оной комиссии, прося его, дабы он согласно оного немедленно распорядился отобранием от А. Пушкина показания с доставлением прямо от себя в комиссию».

В ответ на это отношение московский полицмейстер направил в Псков следующий документ:

«Секретно.

Московского Полицмейстера Канцелярия, стол 6-й. Москва, 31 Генваря 1827 г. № 84.

Псковскому Господину Гражданскому Губернатору.

На отношение ко мне Вашего Превосходительства от 21 сего Генваря за № 7 честь имею уведомить, что по назначенному в оном предмету должные ответы в Комиссию военного суда, учрежденную лейб-гвардии при конно-егерском полку... ко мне отношением мною уже доставлены. Генерал-Майор Шульгин».

Итак, в ходе следствия от Пушкина потребовали трижды дать показания, которые мы приводим ниже.

«27 января 1827 г. В Москве.

Сии стихи действительно сочинены мною. Они были написаны гораздо прежде последних мятежей и помещены в элегии *Андрей Шенье,* напечатанной с пропусками в собрании моих стихотворений.

Они явно относятся к Французской революции, коей А. Шенье погиб жертвою. *Он* говорит:

Я славил твой небесный гром,
Когда *он разметал позорную твердыню.*

Взятие Бастилии, воспетое Андреем Шенье.

Я слышал братский их обет,
Великодушную присягу
И самовластию бестрепетный ответ —

Присяга du jeu de paume[1], и ответ Мирабо: allez dire à votre maître etc[2].

И пламенный трибун и проч.

Он же, Мирабо.

Уже в бессмертный Пантеон
Святых изгнанников входили славны тени.

Перенесение тел Вольтера и Руссо в Пантеон.

Мы свергнули царей...

в 1793

Убийцу с палачами
Избрали мы в цари

Робеспьера и конвент.

Все сии стихи никак, без явной бессмыслицы, не могут относиться к 14 декабря.

Не знаю, кто над ними поставил сие ошибочное заглавие.

Не помню, кому мог я передать мою элегию А. Шенье.

27 января 1827. Александр Пушкин
Москва.

Для большей ясности повторяю, что стихи,

---

[1] Буквально — игра в мяч. *(Ред.)*
[2] Скажите вашему господину и т. д. *(Ред.)*

известные под заглавием: *14 декабря,* суть отрывок из элегии, названной мною *Андрей Шенье*».

25 марта 1827 года Николай I утвердил приговор военного суда над А. И. Алексеевым, присужденным в первой инстанции к смертной казни. Что же касается до А. Ф. Леопольдова, то дело его, как лица гражданского, было передано по решению Сената от 25 апреля 1827 года в новгородское губернское правление, а оттуда 13 мая 1827 года — в новгородской уездный суд.

В связи с этими событиями от Пушкина вновь потребовали показания.

«Показания по делу об элегии «Андрей Шенье»

29 июня 1827 г. В Петербурге.

Элегия «Андрей Шенье» напечатана в собрании моих стихотворений, *вышедших из цензуры 8 окт. 1825 года.* Доказательство тому: одобрение цензуры на заглавном листе.

Цензурованная рукопись, будучи вовсе ненужною, затеряна, как и прочие рукописи мною напечатанных стихотворений.

Опять повторяю, что стихи, найденные у г. Алексеева, взяты из элегии «Андрей Шенье», не пропущены цензурою и заменены точками в печатном подлиннике, после стихов

Но лира юного певца
О чем поет? поет она свободу:
Не изменилась до конца.
Приветствую тебя, мое светило etc.

Замечу, что в сем отрывке поэт говорит:

О взятии Бастилии.

О клятве du jeu de paume.

О перенесении тел славных изгнанников в Пантеон.

О победе революционных идей.

О торжественном провозглашении равенства.

Об уничтожении царей.

Что же тут общего с несчастным бунтом 14 декабря, уничтоженным тремя выстрелами картечи и взятием под стражу всех заговорщиков?

В заключение объявляю, что после моих последних объяснений мне уже ничего не остается прибавить в доказательство истины.

С.-Петербург.

1827 г. 29 июня.

10-го класса Александр Пушкин».

Политический процесс по делу о стихотворении «Андрей Шенье» продолжался два года. В течение 1826—1828 годов им в той или иной мере занимались разные органы власти, в том числе и Государственный совет, материалы которого хранятся в ЦГИА СССР. Из них приведем только два документа.

Не удовлетворившись показаниями от 29 июня, от Пушкина потребовали новых объяснений, которые он и дал.

«Показание по делу об элегии «Андрей Шенье»

24 ноября 1827 г. В Петербурге.

Господину с.-петербургскому полицмейстеру полковнику Дешау от 10-го класса чиновника Александра Пушкина

Объяснение.

На требование суда узнать от меня: «каким образом случилось, что отрывок из Андрея Шенье, будучи не пропущен цензурою, стал переходить из рук в руки *во всём пространстве*», отвечаю: стихотворение мое Андрей Шенье было всем известно *вполне* гораздо прежде его напечатания, потому что я не думал делать из него тайну.

24 декабря 1827

С.-Петербург. Александр Пушкин»[1].

Этим, однако, дело не кончилось, о чем свидетельствуют следующие документы, адресованные, вероятно, петербургскому военному губернатору.

«Секретно.

Милостивый государь, граф Петр Александрович.

По уголовному делу о кандидате 10-го класса Леопольдове, производившемуся и в Государственный совет по порядке поступившему, замешан был известный стихотворец наш Александр Пушкин. Правительствующий сенат, освобождая его от суда и следствия силою всемилостивейшего манифеста 22 августа 1826 года, определил обязать подпискою, дабы впредь никаких своих творений без рассмотрения и пропуска цензуры не осмеливался выпускать в публику под опасением строгого по законам взыскания, как усмотреть, ваше сиятельство, изволите из записки у сего прилагаемой.

Таковое положение Правительствующего сената удостоено высочайшего утверждения.

Но вместе с сим Государственный совет признал нужным к означенному решению Сената присовокупить: чтобы по неприличному выражению Пушкина в ответах насчет происшествия 14-го декабря 1825 года и по духу самого сочинения его, в октябре месяце того года напечатанного, поручено было иметь за Пушкиным в месте его жительства секретный надзор.

Сие высочайше утвержденное положение Го-

---

[1] Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 10.— 4-е изд.— Л., 1979.— С. 494—496.

сударственного совета относительно Пушкина, я честь имею отдельно сообщить вашему сиятельству для зависящего от вас, милостивый государь мой, исполнения, пребывая с совершенным почтением и преданностию.

Вашего сиятельства покорнейший слуга подп.: подписал граф Кочубей».

Помета на полях: «№ 500. 13 августа 1828 года». Ниже: «Его сиятельству графу П. А. Толстому»[1].

Приведенные документы не оставляют сомнения в том, что в архиве Сената существовало специальное дело о стихотворении «Андрей Шенье». Естественно было стремление автора найти его.

После длительных поисков удалось обнаружить такую запись в описи № 101 за 1828 год Пятого (уголовного) департамента Сената:

«§ 37. О кандидате словесных наук Леопольдове, судимом за имение у себя возмутительных стихов». Там же сказано, что дело было решено 20 августа 1828 года, имелось в нем не то 218, не то 318 листов (цифра сильно испорчена). В описи есть следующая пометка: «По распоряжению г. сенатора Репнинского отправлено в Императорский Александровский лицей.

Секретарь... подпись».

Сенатор Репнинский в свое время руководил приведением в порядок сенатского архива и одну часть дел распорядился уничтожить, а другую — передать в соответствующие архивы. Вначале я решил установить, не найдется ли указанное дело в Ленинградском государственном историческом

[1] ЦГИА СССР, ф. 1151, 1828 г., оп. 1, д. 220, л. 11.

архиве. После проверки выяснилось, что его там нет. Поиски продолжались.

Как было уже сказано в очерке «Документы о Пушкине в сенатских и других фондах ЦГИА СССР», оно было обнаружено в Пушкинском Доме.

Не выясненной до сих пор осталась лишь судьба документов по делу о стихотворении «Андрей Шенье» в псковском и некоторых других архивах.

МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ИСТОЧНИК ПУШКИНИАНЫ

(Библиографическая эвристика)

Появление библиографической, как и архивной, эвристики было связано с тем, что громадная масса печатных изданий, накопившаяся за последние столетия, требует особых теоретических знаний и методики для поиска нужной книги, статьи или информации.

В нашей стране сущность библиографической эвристики сформулировал известный литературовед и библиограф П. Н. Берков в своей книге «Библиографическая эвристика», вышедшей в Москве в 1960 году. По его мнению, «библиографическую эвристику можно определить как теорию и методику библиографических разысканий, как совокупность теоретических и практических знаний, относящихся к приемам нахождения какого-то книжного материала или отдельных его элементов».

Нам представляется, что это относится к поиску не только книжной, но и вообще печатной продук-

ции, в том числе газетной и журнальной. Необходимость развития библиографической эвристики становится очевидной, как только приступаешь к исследованию изданий Пушкинианы. Трудно назвать какую-либо область литературоведения, которая имела бы столь обширную библиографию, как Пушкиниана, и тем не менее оказывается, что и здесь еще непочатый край работы. Наглядным примером может служить история не только «Санкт-Петербургских сенатских ведомостей», но и ряда других печатных изданий.

При исследовании фондов Сената обращает на себя внимание вот какой факт: в ряде случаев в конце архивного дела имеется указание о том, чтобы о его рассмотрении и выводах было сообщено в «Санкт-Петербургских сенатских ведомостях». Факт этот, интересный сам по себе, приобретает особое значение с точки зрения архивной эвристики. В самом деле, теперь мы можем уверенно сказать, что публикация в этой газете является бесспорным доказательством того, что в архиве есть (или должно быть) дело, посвященное данному вопросу. Этот вывод действительно полностью подтвердился.

Официальная правительственная газета «Санкт-Петербургские сенатские ведомости»[1] начала издаваться в России в 1809 году. Ныне ее комплекты — библиографическая редкость и хранятся в крупнейших библиотеках страны. В пушкинские времена газета выходила еженедельно (52 номера в год) не только на русском, но и на немецком языке. Ее объем не был строго опреде-

[1] В дальнейшем будем употреблять сокращенное название «Сенатские ведомости».

лен, и потому в годовых комплектах насчитывалось от нескольких сотен до тысячи с лишним страниц.

Некоторое представление о программе «Сенатских ведомостей» дает следующее объявление, помещенное в первом номере: «От учрежденной при Правительственном Сенате типографии объявляется, что сего 1809 года будут издаваться от оной, кроме Сенатских объявлений, Санкт-Петербургские Сенатские ведомости каждую неделю на российском и немецком языках, в коих помещаться будут все именные высочайшие указы, рескрипты и другие постановления или учреждения в законе идущие... Указы и постановления Правительствующего Сената... Сия газета выходит каждую субботу и раздается в учрежденной на то лавке. Цена на весь год 12 рублей».

В газете печатались также сообщения о назначениях, перемещениях, награждениях чинами и орденами, придворными званиями лиц гражданского и военного ведомства. Более или менее регулярно публиковались «Высочайшие конфирмованные сентенции военного суда», в которых встречаются ценные сведения о самом Пушкине или о лицах, фигурирующих в его сочинениях.

У нас нет источников, прямо указывающих на то, что Пушкин регулярно читал «Сенатские ведомости», но что он о них знал еще с лицейских лет, свидетельства имеются. Так, в 1816 году лицеисты сочинили коллективные куплеты, в которых упоминается эта газета. Упоминается она Пушкиным и в повести «Барышня-крестьянка», где читаем: «...сам запоминал расход и ничего не читал, кроме «Сенатских ведомостей».

Стоит еще добавить, что многие близкие друзья Пушкина несомненно читали «Сенатские ведомости». Это, в частности, можно сказать о баронессе Вревской (Вульф) и других.

Глубокое исследование этой газеты еще предстоит, но даже первое знакомство с ней позволяет утверждать, что здесь имеются ценные сведения о самом Пушкине и многих его знакомых.

Ко времени появления «Санкт-Петербургских сенатских ведомостей» в столице уже много лет выходила газета «Санкт-Петербургские ведомости», пользовавшаяся большой популярностью. На фоне этой и других столичных изданий «Сенатские ведомости» выглядели сухими и скучными и потому, вероятно, не имели особого успеха. Не проявляли к этой газете должного интереса и исследователи истории русской прессы в последующие времена. Достаточно сказать, что даже в таком распространенном справочнике, как «Русская периодическая печать», «Санкт-Петербургские сенатские ведомости» вообще не упоминаются. Этим, видимо, объясняется и тот факт, что на это издание почти нет ссылок даже в специальной литературе о Пушкине. Между тем при ближайшем знакомстве выясняется, что в «Сенатских ведомостях» публиковались весьма важные исторические сведения вообще и относящиеся к деятельности Пушкина и его окружения в частности. Нам представляется, что «Сенатские ведомости» заметно расширяют, например, круг источников о Царскосельском Лицее. Именно в этой газете впервые были опубликованы о нем многие официальные документы. Тем самым подлежит пересмотру установившийся взгляд, будто они впервые появились в Полном собрании законов

Российской империи (ПСЗ), в материалах по истории Лицея, изданных И. Я. Селезневым в 1861 году, и других изданиях.

Документы газеты о Лицее можно разделить на две основные группы: о Лицее вообще и непосредственно о Пушкине в Лицее. Так, в № 9 и 10 за 1811 год были опубликованы утвержденное Александром I постановление от 12 августа 1810 года о Лицее и ряд документов, регламентирующих его деятельность: постановление о Лицее, состоящее из 14 глав, 140 пунктов, и расписание предметов начального курса. В № 27 от 8 июля этого же года сообщалось об утверждении формы мундиров для воспитанников и служащих Лицея. В последующие годы в «Сенатских ведомостях» впервые публиковались документы о преобразованиях Лицея. В № 31 от 30 июля 1832 года напечатан указ «О содержании при Императорском Царскосельском лицее 50 своекоштных и 5 неплатящих воспитанников».

Много сведений в газете о служащих Лицея (начиная от директора и кончая лицами, занимающими мелкие должности). Среди них мы найдем знакомых Пушкина: А. П. Куницына (№ 17, 1811), В. А. Энгельгардта (№ 44, 1823), инспектора Нумерса (№ 9, 1829) и многих других.

В «Сенатских ведомостях» печатались также материалы о выпускниках Лицея, о пожаловании им чинов титулярных советников, коллежских секретарей, о назначении содержания (жалования) тем воспитанникам Лицея, которые решили посвятить себя гражданской службе. В № 25 от 23 июля 1817 года, в частности, опубликованы документы о пожаловании 17 выпускникам чинов титулярных советников и коллежских секретарей,

о назначении их на службу и определении жалования в размере 700—800 рублей в год. В списке выпускников Пушкин назван 14-м с указанием, что ему пожалован чин коллежского секретаря.

Подобные материалы имеются и в последующих выпусках. Кстати, следует сказать, что если в № 38 за 1823 год приводятся только сведения об окончивших Лицей, то в № 33 от 16 августа 1824 года говорится и о выпускниках Благородного пансиона при Лицее.

Пушкин фигурирует на страницах газеты еще несколько раз. В № 51 от 19 декабря 1831 года на странице 1980 сказано, что по представлению графа Нессельроде «декабря 6 числа Государь император Всемилостивейше пожаловать соизволил состоящего в ведомстве Государственной Коллегии иностранных дел коллежского секретаря Пушкина в титулярные советники».

В № 2 за 1834 год на странице 47 напечатано: «Декабря 31 числа 1833 года. Служащих в Министерстве иностранных дел коллежского асессора Николая Ремера и титулярного советника Пушкина всемилостивейше пожаловали мы в звание камер-юнкеров Двора нашего».

Особого внимания требуют публикации «Сенатских ведомостей» 1837 года, которые, по нашему мнению, дают основания пересмотреть некоторые установившиеся взгляды на события, связанные с дуэлью Пушкина и судом над его участниками. Но сначала вспомним ряд фактов. По действовавшим законам, в России были решительно запрещены дуэли. Их участники подвергались суровому наказанию вплоть до смертной казни через повешение. В соответствии с этими законами Николай I приказал 29 января 1837 года

предать военному суду Пушкина, Дантеса и всех причастных к дуэли лиц.

1 февраля 1837 года полковнику лейб-гвардии конного полка, флигель-адъютанту Бреверну 1-му было предписано образовать при конном полку военно-судную комиссию по делу о дуэли.

Рассмотрев многочисленные материалы по этому вопросу, военно-судная комиссия вынесла 19 февраля приговор (сентенцию, как тогда называли военный приговор), согласно которому дело о Пушкине «за его смертью» прекратить, а Дантеса и секунданта Пушкина Данзаса приговорить к повешению. Через некоторое время решение военно-судной комиссии было передано на ревизию в следующую инстанцию — Аудиториатский департамент военного министерства, который его пересмотрел и приговорил 16 марта 1837 года Дантеса к разжалованию в рядовые, а Данзаса — к двухмесячному аресту на гауптвахте. 18 марта последовало утверждение (или конфирмация) Николаем I приговора генерал-аудиториата, но с некоторыми добавлениями, о которых скажем ниже.

Широкой публике все детали суда над участниками дуэли Пушкина стали известны только в 1900 году, когда в Петербурге была издана книга: «Дуэль с Дантесом Геккерном. Подлинное военно-судное дело 1837 года». До того времени, как считали даже крупнейшие пушкиноведы, никакие документы о дуэли не публиковались. Еще в 1952 году профессор Д. Д. Благой писал в предисловии к 58-му тому «Литературного наследства»: «Той же боязнью народного возмущения и гнева было продиктовано и запрещение сообщать в печати о том, что Пушкин погиб на

дуэли. Первое упоминание об этом смогло появиться только десять лет спустя в «Словаре достопамятных людей» Д. Н. Бантыш-Каменского (1847, ч. 2). Публикация в № 15 «Сенатских ведомостей» от 10 апреля 1837 года дает основание утверждать, что такое мнение Благого и многих его предшественников ошибочно. Вот текст публикации, действительно впервые появившейся в названном номере «Сенатских ведомостей»:

«Высочайше конфирмованная сентенция военного суда. Генерал-Аудиториат, по рассмотрению военно-судного дела, произведенного над поручиком кавалергардского Ея величества полка бароном Егором Де-Геккерном, нашел его виновным в противузаконном вызове Камер-Юнкера Двора Его Императорского Величества Александра Пушкина на дуэль и в нанесении ему на оной смертельной раны, к чему было поводом то, что Пушкин, раздраженный поступками Геккерна, клонившимися к нарушению семейственного его спокойствия и дерзким обращением с женою его, написал отцу его Геккерна Министру Нидерландского двора барону Геккерну письмо с оскорбительными для чести их обоих выражениями. А потому Генерал-Аудиториат, сообразуясь с воинским 139 артикулом и Сводом Законов, тома XV, статьею 352, полагал: его, Геккерна, за вызов на дуэль и убийство на оной Камер-Юнкера Пушкина, лишив чинов и приобретенного им Российского дворянского достоинства, написать в рядовые с определением на службу по назначению инспекторского Департамента. С сим заключением поднесен был Государю Императору от Генерал-Аудиториата всеподданнейший доклад, на котором в 18 день минувшего марта

последовала собственноручная Его Величества конфирмация: «Быть по сему; но рядового Геккерна как не русского подданного выслать с жандармом за границу, отобрав офицерские патенты».

Публикуемый документ приобретает тем большее значение, что, как оказывается, он был известен в кругах, близких Пушкину. Бесспорным доказательством тому может служить следующее место из письма знакомой поэта баронессы Евпраксии Николаевны Вревской (в девичестве Вульф) своему брату Алексею от 25 апреля 1837 года: «Недавно мы читали в «Сенатских ведомостях» приговор Дантесу: «разжаловать в солдаты и выслать из России с жандармом за то, что он дерзкими поступками с женою Пушкина вынудил последнего написать обидное письмо отцу и ему, и он за это вызвал Пушкина на дуэль. Тут жена не очень приятную играет роль во всяком случае».

Несомненный интерес представляют для исследователей немногочисленные упоминания в официальных «Сенатских ведомостях» сведений о сочинениях Пушкина. Так, в № 3 от 19 января 1824 года между страницами 92—93 помещено большое объявление о приеме подписки на газету «Русский инвалид» А. Ф. Воейкова. При изложении программы и перечислении авторов, чьи произведения будут в ней печататься, среди «известнейших» российских поэтов назван Пушкин. Объявление это приобретает особое значение, если вспомнить, что отношения между Пушкиным и издателем, поэтом и критиком Воейковым (1777—1839) были весьма сложными. Судя по письмам Пушкина 1820—1825 годов, относился он к нему довольно иронически и без особой тепло-

ты. Трудно сказать, делалось ли это объявление Воейковым с согласия поэта или самовольно. В письме от 12 января 1824 года Пушкин писал А. А. Бестужеву: «...мне грустно видеть, что со мною поступают, как с умершим, не уважая ни моей воли, ни бедной собственности. Это простительно Воейкову, но и ты, Брут!» Имелось ли в виду также и объявление в «Русском инвалиде», сказать трудно. Можно лишь отметить, что в № 5 этой газеты за 30 января 1826 года было помещено такое же объявление. Обратим внимание на то, что после 1826 года в «Сенатских ведомостях» продолжают встречаться объявления о подписке на «Русский инвалид», но без перечисления публикуемых в нем авторов.

«Сенатские ведомости» редко печатали объявления книгопродавцев, в особенности частных. Тем больший интерес представляет собой объявление в конце комплекта газеты за 1832 год А. Ф. Фарикова. Об Алексее Федоровиче Фарикове как о книгопродавце мы знаем очень мало. В только что вышедшей книге И. Е. Баренбаума и Н. А. Костылевой «Книжный Петербург-Ленинград» (Лениздат, 1986. С. 384) говорится лишь о том, что он начал деятельность на поприще книгораспространения в 1826 году, но затем занимался только книгоизданием. Ничего не сказано о местонахождении книжной лавки Фарикова и о том, что в ней продавались произведения Пушкина.

Упомянутое объявление гласит, что «в состоящей в Гостином дворе по Суконной линии, под № 15, книжной лавке Александра Фарикова можно приобрести «Повести покойного И. П. Белкина», изданные А. П. (известным нашим

поэтом), Спб., 1831. Ц. 5 руб., с пересылкой 6 руб».

Там же сообщается, что в этом магазине продаются «на сих днях напечатанный «Лирический альбом на 1832 год», а также «На взятие Варшавы» два стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина с аккомпанементом Форте-Пиано. С портретом князя Варшавского графа Паскевича-Эриванского. Цена 3 рубля». (Не совсем ясно, идет ли речь об известном издании 1831 года «На взятие Варшавы» — трех стихотворениях В. Жуковского и А. Пушкина или о другом издании.)

В письмах Пушкина Фариков упоминается лишь однажды. 11 мая 1836 года поэт писал К. А. Полевому: «Милостивый государь Ксенофонт Алексеевич, Я не отвечал на последнее письмо Ваше, надеясь лично с Вами увидеться. Книгопродавец Фариков доставил мне книгу, которую сделали Вы мне честь прислать на мое имя. Что касается до «Современника», то Фариков не захотел взять его от меня, переслав Вам его сам от себя. Деньги (275 р.), о которых Вы мне изволите писать, также мне им не доставлены. Покорнейше прошу, если впредь угодно будет Вам иметь дело со мною, ничего не поручать г. Фарикову — ибо он, кажется, человек ненадежный и неаккуратный». Приведенные выше объявления в «Сенатских ведомостях» говорят о том, что Пушкин мог иметь какие-то дела с Фариковым еще в начале 30-х годов.

Нам представляется, что «Сенатские ведомости» могут оказать большую помощь при комментировании сочинений и писем Пушкина. На страницах газеты встречаются сведения о многих десятках лиц, с которыми он был знаком. Среди них

Ф. Булгарин, Ф. Вигель, А. Воейков, А. Горчаков, А. Грибоедов, Н. Карамзин, М. Корф, М. Крупенский, А. Никитенко, А. Куницын, А. Оленин, В. Полье (Шувалов), И. Пущин, С. и П. Убри, С. Уваров, Ф. Тютчев и многие другие.

В большинстве случаев в газете приводятся указы и постановления о награждении этих лиц орденами, званиями и пожаловании им чинов, но даже эти сухие строки могут помочь лучше понять взаимоотношения с ними Пушкина.

История отношений Пушкина с писателем, журналистом, редактором и издателем ряда литературных журналов и газет Ф. В. Булгариным давно уже привлекает внимание исследователей. Оно усиливается еще и тем, что, по словам Булгарина, у него «хранился целый пук писем А. С. Пушкина». Однако до нас они не дошли. Известно, что после восстания декабристов Булгарин сближается с правительством Николая I и становится негласным осведомителем III Отделения. Имеются данные о том, что в 1826 году Булгарин был секретным цензором «Бориса Годунова» Пушкина. В свете этих данных несомненный интерес представляет следующее сообщение «Сенатских ведомостей» (№ 48 от 27 ноября 1826 года): «Обращая внимание на похвальные литературные труды бывшего французского капитана Фадея Булгарина, Всемилостивейше повелеваем переименовать его в 8 класс и причислить на службу по Министерству Народного Просвещения (22 ноября)».

Заслуживает внимания следующее сообщение «Сенатских ведомостей» № 31 от 1 августа 1825 года на с. 553 о близком лицейском друге Иване Ивановиче Пущине («Мой первый друг, мой друг

бесценный...»), посетившем ссыльного поэта в Михайловском перед восстанием декабристов: «По засвидетельствовании Московского генерал-губернатора об отличной службе судьи 1-го департамента Московского надворного суда, титулярного советника Пущина, Всемилостивейше жалуем его на основании указа 6 августа 1804 года в коллежские асессоры».

Читал ли об этом Пушкин, который любил своего друга и внимательно следил за его деятельностью?

В № 3 газеты от 20 января 1834 года сообщалось, что вице-директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий Ф. Ф. Вигель награжден орденом св. Станислава 1-й степени.

Известно, что Пушкин познакомился с Вигелем вскоре после окончания Лицея и поддерживал это знакомство до последних дней своей жизни. Позднее Вигель, «человек злоречивый, самолюбивый, обидчивый, колкий и умный», по определению А. И. Герцена, написал подробные воспоминания о Пушкине, которые не потеряли ценности и в настоящее время. В дневнике Пушкина за 1834 год читаем: «7-го [января]. Вигель получил звезду и очень ею доволен. Вчера был он у меня. — Я люблю его разговор — он занимателен и делен». Как видим, «Сенатские ведомости» помогают установить, что Вигель получил не просто «звезду», а орден св. Станислава 1-й степени, что сообщил он об этом Пушкину лично еще до того, как об этом появилась публикация.

Подобных примеров уточнения некоторых фактов много.

Для истории отношений Пушкина и Грибоедова может быть интересно следующее сообщение

в № 50 газеты за 10 декабря 1827 года: «По засвидетельствовании начальства об отличном усердии и трудах ведомства министерства иностранных дел надворного советника Грибоедова, Всемилостивейше жалую его в коллежские советники» (указ 6 декабря). Эти сведения могут быть полезными при комментировании той страницы «Путешествия в Арзрум», где речь идет о Грибоедове.

Бывает и так, что материалы «Сенатских ведомостей» помогают пересмотреть укоренившиеся взгляды на отдельные события или факты, связанные с биографией поэта. Наглядно это можно видеть в истории публикации на страницах этой газеты в апреле 1837 года приговора по делу о дуэли Пушкина с Дантесом, о чем будет сказано позже.

Примером того, как благодаря публикации в «Сенатских ведомостях» расшифровываются неясные места в переписке Пушкина, может служить очерк «Пять строк», помещенный в данной книге.

Исследование «Сенатских ведомостей» привело к мысли обратиться и к некоторым другим периодическим изданиям пушкинской эпохи, в частности, «Прибавлениям к Санкт-Петербургским ведомостям». Просмотр этой газеты лишь за первую половину 1837 года показал, что в ней печаталось немало материалов о Пушкине и его окружении.

Начнем с того, что здесь появились многократные извещения о выходе в свет и продаже сочинений Пушкина, его портретов. Такие объявления публиковались и раньше, однако никогда, до 1837 года, их не было столь много. Вот лишь неко-

торые из них. В № 27 от 3 февраля: «В магазине Ильи Глазунова «Евгений Онегин», роман в стихах, соч. А. Пушкина, Спб., 1837, изд. 3-е, напечатан в типографии Экспедиции заготовления Государственных бумаг, в 64 д. л. (долю листа.— *Г. Д.*), нонпарелем, форма и литеры, как басни Крылова, в 64 д. л. на Петерг[офской] велен[евой] бумаге в прелестной обертке. Ц. 5 р., с перес. 6 р.».

Или в № 44 от 23 февраля: «Портрет А. С. Пушкина. На днях выгравированный, имеющий большое сходство.

Его уж нет, младой певец
Нашел безвременный конец!
Дохнула буря, цвет прекрасный
Увял на утренней заре,
Потух огонь на алтаре!

Из 6-й главы «Евген. Он.», параграф 31-й.

Цена на китайской бумаге в пол-листа 1 р. 60 коп., с перес. в городе 2 р. Иногородние адресуются в С. Петербург, в книжный магазин Ив. Т. Лисенкова». В № 88 от 23 апреля есть сообщение о продаже в магазине Лисенкова портретов Крылова, Пушкина, Жуковского и Гнедича «с картины Чернецова» в рост, имеющие большое сходство. Цена в одном листе 3 р. 75 к., с перес. 5 р.».

В № 89 от 21 апреля говорится, что в магазине Лисенкова продается «полное сочинение в стихах и прозе А. С. Пушкина в пользу его семейства, в 6 томах с портретом и почерками его руки. Цена 25 руб., на велен. бумаге 40 руб., за пересылку 10 руб.».

Особое внимание хотелось бы обратить на следующую публикацию, появившуюся на стра-

ницах «Прибавлений...» от 30 мая и 5 июня 1837 года в № 119 и 124:

«Объявление.

Опека, учрежденная над малолетними детьми и имуществом умершего камер-юнкера Александра Сергеевича Пушкина, усмотря в 5-й книжке издаваемого книгопродавцем Смирдиным журнала «Библиотека для чтения», сего 1837 года, стихотворение под заглавием «Признание», с подписью А. Пушкина, и зная, что сочинение это действительно написано покойным, долгом считает объявить, что так как все произведения сего писателя на основании «Свода Законов», том 10, отделения 7, неотъемлемо принадлежат его наследникам, а по сему находятся под распоряжением Опеки, то Опека сия впредь и вынуждена будет прибегнуть к защите законов, ограждающих собственность, и искать вознаграждения на основании существующих постановлений».

Объявление это, важное само по себе, приобретает тем большее значение, что проливает дополнительный свет на малоисследованную историю создания и публикации стихотворения «Признание», посвященного Пушкиным Александре Ивановне Беклешовой (рожд. Осиповой) и написанного осенью 1824 года.

В разделе газеты, где сообщалось о том, кто приехал в столицу или выехал из нее в разные города России и за границу, находим факты, которые помогают сделать выводы о событиях, последовавших вскоре после гибели поэта. В номере от 5 февраля читаем, что между 31 января и 2 февраля 1837 года из Пскова прибыл отставной штабс-капитан Яхонтов. Возникает вопрос: не тот ли это Николай Александрович Яхонтов, камергер

и псковский предводитель дворянства, с которым управляющий III Отделением А. Н. Мордвинов передал секретное распоряжение Николая I псковскому губернатору А. Н. Пещурову не устраивать встреч и церемоний при погребении Пушкина? 9 февраля в разделе об отъезжающих из столицы 3 и 4 февраля сообщалось: «В Остров — камергер Тургенев» и «В монастырь Св. Горы — корпуса жандармов капитан Ракеев».

А среди информации об отъезжающих за границу привлекает особое внимание заметка от 30 марта: «Барон фон Геккерн, чрезвычайный Посол и полномочный министр Его Величества короля Нидерландского; при нем Иоганн Шефер, камердинер, Виртембергский подданный; спр[осить] на Невском проспекте, в доме Влодека под № 51». Там же, но несколько ниже, читаем: «Баронесса Екатерина Николаевна Геккерн (сестра жены Пушкина — Гончарова.— *Г. Д.*), французская подданная; спросить на Невском проспекте, в доме Влодека под № 51». Такие же объявления были опубликованы в газете от 1 и 3 апреля. Эта информация помогает уточнить и расширить Пушкиниану.

Приведенные нами сообщения дают полное основание для скрупулезного изучения периодической печати пушкинского времени.

В заключение разговора о библиографической эвристике обратим внимание на весьма редкое издание, один экземпляр которого сохранился в библиотеке ЦГИА СССР. Это «Материалы для алфавитного указателя к журналам и определениям I Департамента Сената, хранящимся в Сенатском архиве (1797—1829, тт. 1—3, Спб., 1910, 1911, 1915». Указатель содержит данные

о всех лицах, имена которых фигурируют в журналах и определениях I Департамента — называются год, месяц, число, а также номер журнала и приводится определение.

Издание это не было завершено и оборвалось на середине буквы «Г». Этим объясняется тот факт, например, что из всех воспитанников Царскосельского лицея, окончивших его в 1817 году, там фигурирует лишь один А. М. Горчаков. Совершенно очевидно, что подобные сведения имелись и об остальных выпускниках, но поскольку издание осталось незавершенным, они не опубликованы.

В указателе мы обнаружили данные о лицеистах разных курсов: Константине Безаке (1820 г., журнал № 79, ст. 8, определение № 1429); Александре Воронихине и Николае Васькове (1823 г., журнал № 131, ст. 7, определение № 2144).

Среди лиц, названных в указателе, были также и знакомые Пушкина: Адеркас, Бестужев, Вигель, Вяземский, Ганнибал и многие другие. К сожалению, мне не удалось пока ознакомиться с оригиналами самих журналов и определений, так как материалы фонда Первого Департамента Сената не приведены в порядок.

Когда это будет сделано, в руках исследователей окажутся ценнейшие документы Пушкинианы (и не только).

ПЯТЬ СТРОК

В эпистолярном наследии Пушкина до сих пор имеется много нерасшифрованных слов, предложений и целых фраз. К ним относятся и пять

строк из его письма к жене, написанного 18 мая 1836 года в Москве и отправленного в Петербург: «Твои петербургские новости ужасны. То, что ты пишешь о Павлове, помирило меня с ним. Я рад, что он вызывал Апрелева.— У нас убийство может быть гнусным расчетом: оно избавляет от дуэля и подвергается одному наказанию — а не смертной казни».

Письмо это было впервые опубликовано И. С. Тургеневым в журнале «Вестник Европы» за март 1878 года и с тех пор привлекает самое пристальное внимание исследователей. Важным событием для понимания пушкинских строк было появление в 1889—1892 годах на страницах журнала «Русская старина» дневника пушкинского знакомого, профессора Петербургского университета и официального правительственного цензора Александра Васильевича Никитенко, где были следующие записи:

«Апрель, 29 [1836 г.]. За комедией Гоголя (имеется в виду «Ревизор».— *Г. Д.*) на сцене последовала трагедия в действительной жизни: чиновник Павлов убил или почти убил действительного статского советника Апрелева, и в ту минуту, когда тот возвращался из церкви от венца с своей молодой женой. Это вместе с «Ревизором» теперь занимает весь город.

Май, 10. Удивительные дела! Петербург, насколько известно, не на военном положении, а Павлова велено судить и осудить в двадцать четыре часа. Его судили и осудили. Палач переломил над его головой шпагу, или лучше сказать, на его голове, потому что он пробил ему голову.

Публика страшно восстала против Павлова

как «гнусного убийцы», а министр народного просвещения наложил эмбарго на все французские романы и повести, особенно Дюма, считая их виновными в убийстве Апрелева... Павлова, как сказано, судили и осудили в двадцать четыре часа. Между тем вот что открылось. Апрелев шесть лет тому назад обольстил сестру Павлова, прижил с нею двух детей, обещал жениться. Павлов-брат требовал этого от него именем чести, именем своего оскорбленного семейства. Но дело затягивалось, и Павлов послал Апрелеву вызов на дуэль. Вместо ответа Апрелев объявил, что намерен жениться, но не на сестре, а на другой девушке. Павлов написал письмо матери невесты, в котором уведомлял ее, что Апрелев уже не свободен.

Мать, гордая, надменная аристократка, ответила на это, что девицу Павлову и ее детей можно удовлетворить деньгами. Еще другое письмо написал Павлов Апрелеву накануне свадьбы: «Если ты настолько подл, что не хочешь со мной разделаться обыкновенным способом между порядочными людьми, то я убью тебя под венцом».

Военный суд очень не понравился публике. Теперь Павлова приказано сослать солдатом с выслугою.

Еще благородная черта его. Во время суда от него требовали именем государя, чтобы он открыл настоящую причину своего необычного поступка. За это ему обещали снисхождение. Он отвечал: — Причину моего поступка может и оценит только бог, который и рассудит меня с Апрелевым.

После уже, испив до дна чашу наказания, он сдался на желание государя и ему одному согласился все открыть. К нему послали флигель-

адъютанта. Павлов вручил ему письмо к государю, в котором излагал все, как было»[1].

Дневник Никитенко заметно расширяет наши знания о деле Павлова, но все же не разъясняет все пушкинские строки. Неясно, например, был ли Пушкин лично знаком с Павловым, как понимать слова о том, что «убийство может быть гнусным расчетом». Надо также иметь в виду, что в дневнике Никитенко имеются явные ошибки: Апрелев, которого он называет «действительный статский советник» (то есть чиновник 4-го класса, занимавший обычно пост губернатора или начальника департамента), был на самом деле коллежским советником, то есть чиновником 6-го класса. Имеются неточности и в изложении приговора. Отсутствие необходимых источников объясняет крайнюю скупость в комментариях к этой части письма Пушкина.

В комментариях к 10-му тому четвертого издания Полного собрания сочинений Пушкина (1979. С. 582) лишь сказано: «Апрелев А. Ф. обольстил сестру некоего Павлова, который убил его на его свадьбе с другой девушкой».

В популярной книге Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение» (1975. С. 299) говорится: «Павлов Николай Матвеевич (ум. 1836), помощник бухгалтера Артиллерийского департамента Военного министерства, титулярный советник. 28 апреля 1836 смертельно ранил А. Ф. Апрелева, соблазнившего его сестру. По приговору военного суда был лишен прав состояния и отправлен на Кавказ солдатом с правом выслуги... Павлов

[1] Никитенко А. В. Дневники: В 2 т. Т. 1. 1826—1857.— М., 1955.— С. 183—184.

вскоре умер от случайной раны, полученной при ритуальном переломе шпаги над головой (при лишении дворянства)».

В комментариях и справках встречаются и частные ошибки. Читатель, вероятно, заметил, что нигде не упоминается, как именно «Павлов убил или почти убил» Апрелева: выстрелом из пистолета, ударом ножа или кинжала и т. д. Я, например, считал, что Павлов стрелял в Апрелева из пистолета (Известия.— 1986.— № 307.— 3 нояб.).

В самое последнее время появилась возможность заметно расширить наши знания о деле Павлова.

При исследовании «Санкт-Петербургских сенатских ведомостей» выяснилось, что в № 22 этой газеты от 30 мая 1836 года на с. 853—854 напечатана следующая «Высочайшая конфирмованная сентенция военного суда»: «Уволенный из Артиллерийского Департамента Военного министерства чиновник 8 класса Николай Матвеев сын Павлов был предан по Высочайшему его императорского величества повелению военному суду за нанесение им 26 числа минувшего апреля коллежскому советнику[1] Апрелеву раны кинжалом в правую сторону груди. Генерал-Аудиториат, по рассмотрении сего дела, нашел подсудимого Павлова виновным в том, что он, питая неизвестно за что сильную злобу к коллежскому советнику Александру Апрелеву, дабы произвесть в действие месть свою более гласным и разительным образом, вознамерился умертвить его, Апрелева, в самый торжественный для него день, именно

[1] Коллежский советник соответствовал 6-му классу табели о рангах.

при бракосочетании его с девицею Кобылиною. В сем злодейском его умысле, купив кинжал и напившись пьян, поехал было в церковь, где происходило бракосочетание, но не будучи туда впущен, обратился в квартиру Апрелева и там, выждав приезда его из церкви вместе с новобрачною, в ту минуту, когда они вышли из кареты, вынул из ножен кинжал и вонзил в грудь его, Апрелева, который от сей раны находится в опасности жизни. Генерал-Аудиториат полагал: чиновника 8 класса Павлова, за злоумышленное покушение на жизнь коллежского советника Апрелева и причинение ему кинжалом в грудь опасной раны, сообразясь с воинским 154 артикулом, лишить чинов, дворянского достоинства и, переломя публично на площади над головою его шпагу, сослать в Сибирь в каторжную работу. С сим заключением был Государю Императору от Генерал-Аудиториата всеподданнейший доклад, на котором 28 нынешнего апреля последовала собственноручная его величества высочайшая конфирмация: «Быть по сему».

Этот документ заметно отличается от того, что было написано о деле Павлова в мемуарах и комментариях. Оказывается, нападение на Апрелева произошло не 28-го, а 26 апреля; 28-го был утвержден приговор военного суда Николаем I. Павлов был чиновником 8 класса (коллежским асессором), а не титулярным советником, и ранил он Апрелева не из пистолета, как предполагали некоторые исследователи, а кинжалом; первоначально он был приговорен к ссылке на каторжные работы в Сибирь, а не рядовым на Кавказ с правом выслуги.

Значение официального приговора заключается

в том, что он не только уточняет фактическую сторону дела Павлова, но и помогает лучше понять пушкинские строки и его отношение к дуэли как способу защиты чести и достоинства.

Вспомним, что тема дуэли у Пушкина встречается многократно. Достаточно назвать повесть «Выстрел» (1830) и другие произведения. Надо еще добавить, что во времена Пушкина дуэль рассматривалась как своеобразная форма выражения политического протеста и потому находила поддержку у передовых людей того времени.

Исследуя историю дуэли Павлова, невольно проводишь параллель с дуэлью члена Северного общества декабристов поручика К. П. Чернова с флигель-адъютантом В. Д. Новосильцевым, соблазнившим его сестру. Дуэль эта, состоявшаяся 10 сентября 1825 года и окончившаяся гибелью Чернова, вызвала сильное волнение в передовых кругах. К. Ф. Рылеев (по другим данным, В. К. Кюхельбекер) написал стихотворение «На смерть Чернова», которое является образцом политического протеста против произвола власть имущих. Можно предположить, что Пушкин знал историю дуэли Чернова и стихотворение, посвященное этому событию.

Как известно, Пушкин относился с особой щепетильностью ко всему, что касалось чести и достоинства его самого и его близких. Этим объясняются частые случаи (до десяти), когда поэт вызывал на дуэль, если тот или иной поступок или даже неучтивое слово знакомого или незнакомого человека затрагивали его честь. Подтверждением этого может служить история несостоявшейся дуэли Пушкина с графом В. А. Соллогубом, который в начале 1836 года, «будучи

в припадке дурного расположения», допустил бестактность в отношении Натальи Николаевны Пушкиной. Это привело Пушкина в ярость, и он вызвал Соллогуба на дуэль.

Случилось так, что по служебным делам Соллогубу пришлось срочно уехать в Тверь и Витебск, и потому между ним и Пушкиным по поводу дуэли велась переписка. Она опубликована в 16-м томе академического издания сочинений Пушкина, и мы не будем приводить ее здесь. Скажем лишь, что письма Пушкина дают ясное представление о том, как ревниво он относился ко всему, что хоть как-то могло бросить тень на доброе имя его или Натальи Николаевны,

Переписка и разговоры о дуэли с Соллогубом продолжались до приезда Пушкина в начале мая 1836 года в Москву, куда вслед за ним прибыл и Соллогуб.

Узнав о предстоящей дуэли, П. В. Нащокин энергично взялся за улаживание конфликта и добился того, что Соллогуб письменно извинился за свою бестактность. На том дело и было закончено.

(Напомним, что тот же Соллогуб позднее был приглашен Пушкиным в качестве секунданта в намечавшейся в ноябре того же года дуэли поэта с Дантесом.)

Мы рассказали об этой истории, чтобы охарактеризовать психологическое состояние Пушкина и объяснить его реакцию на дело Павлова, о котором идет речь в письме к жене. По-видимому, она была вызвана и тем, что уже начались светские сплетни об ухаживании Дантеса за Натальей Николаевной, и мысль о возможной дуэли с ним, вероятно, зрела в душе поэта. (Соллогуб, в част-

ности, писал по этому поводу: «В ту пору через Тверь проехал Валуев и говорил мне, что около Пушкиной увивается сильно Дантес»[1].)

В свете сказанного интерес исследователей к приведенным пяти строкам из письма Пушкина Наталье Николаевне вполне понятен: правильная их расшифровка может помочь разобраться в ряде событий, связанных с его жизнью в это время.

Как известно, в начале 20-х чисел апреля 1836 года Пушкин после погребения матери возвратился из Псковской губернии в Петербург и не ранее 28 выехал в Москву, куда прибыл 2 мая. Перед самым отъездом он услышал, что Павлов смертельно ранил Апрелева, не зная о том, что до этого он вызвал его на дуэль. Думая, что Павлов просто убил Апрелева, Пушкин квалифицировал этот акт как «гнусный расчет», поскольку, по существовавшим законам, за дуэль полагалась смертная казнь, а за нападение и даже смертельное ранение — просто наказание. Получив в середине мая письмо от жены, в котором она сообщала о том, что Павлов вызывал Апрелева на дуэль, Пушкин резко изменил свою оценку поступка Павлова («помирил меня с ним»).

Таким образом, обнаруженный текст приговора позволяет расширить наши представления о том, как Пушкин относился в это время к вопросам чести и дуэли. Последующие трагические события конца 1836 и начала 1837 года лишь подтвердили его позицию, которую лучше всего сформулировал Лермонтов, назвав Пушкина «невольником чести».

Что же касается самого Павлова, то, чтобы

---

[1] Вересаев В. Пушкин в жизни.— М., 1984.— С. 425.

узнать подробнее все обстоятельства убийства им Апрелева, необходимо обследовать архив Аудиториатского департамента военного министерства, где должно сохраниться его военно-судное дело.

ИЗВЕСТНОЕ И НЕИЗВЕСТНОЕ О ПИСЬМАХ А. С. ПУШКИНА

Среди важнейших и труднейших проблем Пушкинианы особое место занимает поиск и исследование эпистолярного наследия поэта. До сих пор нет точных данных о количестве написанных им писем. В литературе отмечается существование полутора тысяч пушкинских писем, записок и деловых бумаг. Однако обнаружено и опубликовано в Полном собрании его сочинений немногим больше половины. Местонахождение и судьба другой части их остаются неизвестными. В ряде писем Пушкина не указаны фамилии адресатов и корреспондентов. Во многих случаях еще не расшифрованы десятки слов и фраз, не установлено, где находятся беловые оригиналы и черновые варианты.

Между тем письма Пушкина — один из самых драгоценных источников, где имеются многочисленные высказывания, дающие характеристику эпохи, а также его родных, друзей и знакомых. Особенность этого источника состоит в том, что подавляющее число писем поэта не предназначалось не только для печати, но и для чтения другими лицами, кроме адресатов. Этим определяется их полная откровенность, непосредственность, раскованность. Именно в них он сказал то, что в печатном или устном выступлении не решал-

ся или не мог сделать. Исследование, систематизация и обобщение подобных высказываний и характеристик могут явиться бесценным материалом для воссоздания эскизов к портретам как отдельных людей, так и целой группы лиц.

В очерке предпринимается попытка хотя бы частично осветить некоторые вопросы, связанные с изучением эпистолярного наследия Пушкина.

Существует несколько источников для установления факта пропажи пушкинских писем. Одним из них являются сохранившиеся его же письма или ответы адресатов.

19 января 1832 года генерал А. Д. Балашов писал Пушкину:

«Милостивый государь Александр Сергеевич! Получив приятное письмо ваше, поспешаю на оное ответить...»

Совершенно очевидно, что существовало письмо Пушкина к Балашову. Судьбу его пока не удалось установить.

До сих пор не обнаружено ни одного письма Пушкина к новороссийскому генерал-губернатору М. С. Воронцову, хотя в эпистолярном наследии поэта есть прямые указания на то, что они были. В письме к П. А. Вяземскому от 24—25 июня 1824 года читаем: «Я поссорился с Воронцовым и завел с ним полемическую переписку, которая кончилась с моей стороны просьбою об отставке».

В некоторых случаях пропажа писем выясняется косвенным путем. Так, в Полном собрании сочинений Пушкина нет прямых указаний на переписку его с директором императорских московских театров С. С. Гагариным. Между тем в письме к Вяземскому от 14 марта 1830 года

имеется приписка: «Запечатай и отошли записку Гагарину Театральному».

Иногда пропажу писем можно лишь предполагать. Так, 4 ноября 1823 года Пушкин писал Вяземскому: «Василию Львовичу дяде кланяюсь и пишу на днях». Выполнил ли он свое обещание, сказать трудно. Подобных примеров можно привести десятки.

Ценным источником для установления факта пропажи пушкинских писем являются дневники и воспоминания современников: О. С. Пушкиной (Павлищевой), Е. Ф. Розена, К. С. Сербиневича и многих других.

Читая переписку Пушкина за 1815-1827 годы, можно заметить, что он написал в это время не менее чем 76 адресатам, а получил ответы только от 36. Например, известны не менее 9 писем Пушкина А. А. Бестужеву и только 2 ответных.

Встречаются и ответные письма, но без писем самого поэта. Есть, например, два письма Арины Родионовны Пушкину, но нет ни одного от него к ней. Бенкендорф за период 1815—1827 годов написал ему 10 писем, а ответных известно всего 8. Старшая дочь П. А. Осиповой Анна Николаевна написала Пушкину не менее 6 писем, а ответных обнаружено всего 2. Уже одни эти факты приводят к предположению о пропаже ряда писем Пушкина.

Особо следует отметить исчезновение почти 60 беловых оригиналов.

Существует правило, согласно которому при подготовке публикаций писем за основу берется окончательный текст, предназначенный адресату,— так называемый беловик. Если только

беловик не сохранился или не обнаружен, письмо печатают по черновику.

Читая письма Пушкина, можно видеть, что почти 60 из них публикуются с пометкой редакции: «черновые». Естественно, возникает вопрос: где же беловик? Конечно, бывали случаи, когда поэт ограничивался лишь одним черновиком, а беловика вообще не было. Однако столь же очевидно, что чаще всего, кроме черновика, существовал и беловик, который пока не обнаружен. Вот лишь два примера.

В конце октября 1824 года Пушкин отправил из Михайловского в Москву или Остафьево письмо на французском языке княгине В. Ф. Вяземской. В Полном собрании сочинений оно публикуется по черновику, хотя точно установлено существование беловика.

По черновику публикуется также письмо К. Ф. Рылееву, написанное в Михайловском в июне — августе 1825 года, в то же время из ответного письма Рылеева видно, что он получил беловой текст письма. Таких фактов много, следовательно, к числу неразысканных писем можно присоединить также десятки найденных беловиков к сохранившимся черновикам.

Часть черновых писем была адресована официальным лицам и носила деловой характер. Таковы письма к министру внутренних дел Д. Н. Блудову, министру финансов Е. Ф. Канкрину, шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу и другим. Ясно, что в подобных случаях беловики следует искать не только в личных, но и служебных архивах этих лиц.

Нам представляется, что к числу неразысканных писем Пушкина нужно еще добавить многие

десятки таких, которые публикуются не по оригиналам, а по копиям. Делается это тогда, когда оригинал утерян или местонахождение его не удалось установить. Например, письмо Пушкина А. А. Дельвигу от 23 марта 1821 года печатается в Полном собрании сочинений по копии, хранившейся в архиве П. В. Анненкова, а ныне находящейся в Пушкинском Доме. Подлинник же не сохранился.

Письмо А. Н. Вульфу от 20 сентября 1824 года также печатается по копии. Известно, что подлинник его принадлежал княгине А. А. Хованской, урожденной баронессе Вревской, внучке П. А. Осиповой. Поскольку ко времени публикации письма в Полном собрании сочинений местонахождение подлинника не удалось установить, его пришлось печатать по копии.

Загадочна судьба подлинного письма Пушкина А. Г. Родзянке от 8 декабря 1824 года. Долгие годы оно хранилось в библиотеке Харьковского государственного университета. Готовясь к изданию академического Полного собрания сочинений Пушкина в 1937 году, редакция обратилась к профессору А. И. Белецкому с просьбой навести о нем справки, и тогда выяснилось, что подлинника там нет и местонахождение его неизвестно. Подобных примеров исчезновения пушкинских писем из государственных, общественных и частных собраний, к сожалению, много. Поиск подлинных писем Пушкина осложняется еще и тем, что до настоящего времени часть эпистолярного наследия поэта хранится в частных собраниях или за границей. Так, например, до 1937 года в частном собрании было письмо Пушкина к А. Ф. Смирдину от 25 октября 1827 года, а подлин-

ник письма к Ф. В. Булгарину от ноября (до 18-го) 1827 года находился (или находится) в Берлинской национальной библиотеке.

В эпистолярном наследии Пушкина имеется 12 писем, адресованных неизвестным лицам. Этот факт также требует исследования особого и очень сложного.

Все сказанное дает хотя бы частичное представление о масштабах той работы по розыску пушкинских писем, которую предстоит еще проделать ученым.

В литературном наследии Пушкина имеется обширная портретная галерея. Это и большие законченные полотна (Е. И. Пугачев, Петр I и др.), и миниатюрные портреты в виде эпиграмм и т. п. Как и в любом портрете, в каждом из них можно заметить и штрихи к автопортрету.

Все нарисованные Пушкиным портреты широко известны и представляют собой как бы постоянно действующую картинную галерею. Есть, однако, у поэта еще и «скрытая портретная галерея» — она составляется при чтении его сочинений вообще и писем в особенности. Это, как правило, не законченные портреты, а только штрихи к ним, которые выявляются лишь после тщательного собирания, систематизации и анализа сотен его характеристик, высказываний или вскользь брошенных замечаний о том или ином лице.

Воссозданные таким путем портреты страдают серьезными недостатками (они неполны, схематичны, односторонни и т. д.), но имеют и свои достоинства. В первую очередь они чисто пушкинские — правдивые, без прикрас и выдумок и непосредственные.

Известно, что Пушкин неоднократно набрасывал автопортрет в своих произведениях и дневниках. Однако в письмах выявляются такие важные штрихи к его автопортрету, которые трудно выразить рисунком, и потому они представляют особую ценность. Например, в письмах неоднократно встречается утверждение поэта о том, что он мнителен, как отец его Сергей Львович. В письме к В. П. Зубкову от 1 декабря 1826 года он сообщал о себе: «Характер мой — неровный, ревнивый, подозрительный, резкий и слабый одновременно».

Мы можем, следовательно, с полным основанием утверждать, что письма поэта являются важным источником и для его автопортрета.

«ОХ, СЕМЬЯ, СЕМЬЯ!»

(Штрихи к портрету родителей Пушкина)

Взаимоотношения Пушкина с его родителями — одна из самых сложных и малоисследованных страниц биографии поэта. В большой мере это объясняется скудостью источников. В настоящем очерке сделана попытка осветить этот вопрос главным образом на основе переписки Пушкина с родителями или о них. Сознательное ограничение источников делает очерк неполным и односторонним, но это компенсируется тем, что в нем дается картина, нарисованная как бы самим Пушкиным.

О существовании переписки Пушкина с родителями было известно давно, но первые письма

появились в печати в конце XIX и в начале XX века, а самая последняя находка была опубликована лишь в 1934 году.

Всего в настоящее время напечатано пять писем Александра Сергеевича к родителям и три письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны к сыну. Все обнаруженные письма относятся к 1830—1836 годам. Уже один этот факт заставил исследователей высказать предположение о пропаже ряда писем, написанных до 1830 года: трудно себе представить, чтобы родители, жившие долгое время в разлуке с сыном, не вели с ним переписки. Со временем удалось выявить прямые и косвенные данные о пропаже большей части этого эпистолярного наследия. Дальше об этом будет сказано подробнее, а пока, забегая вперед, отметим, что, даже по самым осторожным подсчетам, до сих пор не разыскано не менее двух десятков писем из переписки Пушкина с родителями. При этом, конечно, учитываются сравнительно долгие периоды, когда Пушкин жил вместе или в одном городе с родителями и переписки между ними не должно было быть (вторая половина 1827 и первая половина 1828 года, часть 1829, 1830 годов и т. д.).

Впервые имя Сергея Львовича поэт упоминает в письме к брату и сестре из Кишинева 21 июля 1822 года, в котором читаем: «Отцу пишу в деревню». Эта фраза дает основание думать, что после ссылки на юг в мае 1820 года Пушкин вел переписку с родными, в том числе и с отцом.

4 сентября 1822 года Александр Сергеевич сообщает брату: «На прошедшей почте — (виноват: с Долгоруким) — я писал к отцу, а к тебе не успел...» Следовательно, было, по меньшей мере, еще одно не дошедшее до нас письмо к отцу, напи-

санное из Кишинева в конце августа или начале сентября. О том, что и Сергей Львович писал сыну в Кишинев, дает основание думать следующая фраза в том же письме Льву Сергеевичу: «Отцу пришла в голову блестящая мысль — прислать мне одежду, напомни ему от меня об этом».

Для истории отношений отца и сына большой интерес представляет письмо Александра Сергеевича брату от 25 августа 1823 года из Одессы: «Изъясни отцу моему, что я без его денег жить не могу. Жить пером мне невозможно при нынешней цензуре; ремеслу же столярному я не обучался; в учителя не могу идти; хоть я знаю закон божий и 4 первые правила — но служу и не по своей воле — и в отставку идти невозможно.— Всё и все меня обманывают — на кого же, кажется, надеяться, если не на ближних и родных. На хлебах у Воронцова я не стану жить — не хочу и полно — крайность может довести до крайности — мне больно видеть равнодушие отца моего к моему состоянию, хоть письма его очень любезны. Это напоминает мне Петербург — когда, больной, в осеннюю грязь или в трескучие морозы я брал извозчика от Аничкова моста, он вечно бранился за 80 коп. (которых верно б ни ты, ни я не пожалели для слуги). Прощай, душа моя — у меня хандра — и это письмо не развеселило меня».

Как видим, когда Пушкиным овладевало плохое настроение, он вспоминал свои обиды на отца, даже за то, что происходило уже давно.

Чувство обиды сохраняется и в дальнейшем. 1 апреля 1824 года Пушкин пишет брату: «Пиши мне. Ни ты, ни отец ни словечка не отвечаете мне на мои элегические отрывки — денег не шлете — а подрываете мой книжный торг. Куда хорошо».

Текст этот интересен еще и тем, что дает основание думать о пропаже каких-то писем, написанных до апреля 1824 года.

Известно, что Сергей Львович имел некоторое отношение к финансовым делам Александра Сергеевича, связанным с публикацией его произведений. Еще в 1820 году С. Л. Пушкин получил от В. А. Жуковского 100 рублей за издание «Руслана и Людмилы». В феврале 1822 года в печати появилось сообщение о том, что С. Л. Пушкин предоставил прозаический перевод на французский язык отрывка из «Руслана и Людмилы». Есть сведения, что отец поэта был приобщен к его литературным и финансовым делам и в 1823—1824 годах. В 1824 году издатель Е. И. Ольдекоп самовольно опубликовал поэму Пушкина «Кавказский пленник» с немецким и русским текстами. Из переписки видно, что какое-то касательство к этому имел и Сергей Львович.

Ссылка Александра Сергеевича в Михайловское в 1824 году не сблизила его с родителями, а, напротив, привела к ухудшению отношений, а затем и к прямой ссоре. История этого драматического события ярко отражена в письме Пушкина Жуковскому от 31 октября 1824 года: «Милый, прибегаю к тебе. Посуди о моем положении. Приехав сюда, был я всеми встречен как нельзя лучше, но скоро все переменилось: отец, испуганный моей ссылкою, беспрестанно твердил, что и его ожидает та же участь; Пещуров (опочецкий предводитель дворянства, осуществлявший надзор за ссыльным поэтом.— *Г. Д.*), назначенный за мною смотреть, имел бесстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче — быть моим шпионом; вспыльчи-

вость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мне с ним объясниться; я решился молчать. Отец начал упрекать брата в том, что я преподаю ему безбожие. Я все молчал. Получают бумагу, до меня касающуюся. Наконец, желая вывести себя из тягостного положения, прихожу к отцу, прошу его позволения объясниться откровенно... Отец осердился. Я поклонился, сел верхом и уехал. Отец призывает брата и повелевает ему не знаться с этим чудовищем, с этим выродком-сыном. (Жуковский, думай о моем положении и суди). Голова моя закипела. Иду к отцу, нахожу его с матерью и высказываю все, что имел на сердце целых три месяца. Кончаю тем, что говорю ему в последний раз. Отец мой, воспользуясь отсутствием свидетелей, выбегает и всему дому объявляет, что я *его бил, хотел бить, замахнулся, мог прибить*... Перед тобою не оправдываюсь. Но чего же он хочет для меня с уголовным своим обвинением? рудников сибирских и лишения чести? спаси меня хоть крепостию, хоть Соловецким монастырем. Не говорю тебе о том, что терпят за меня брат и сестра — еще раз спаси меня.

31 окт. А. П.

Поспеши: обвинение отца известно всему дому. Никто не верит, но все его повторяют. Соседи знают. Я с ними не хочу объясняться — дойдет до правительства, посуди, что будет. Доказывать по суду клевету отца для меня ужасно, а на меня и суда нет. Я вне закона.

P. S. Надобно тебе знать, что я уже писал бумагу губернатору, в которой прошу его о крепости, умалчивая о причинах. П. А. Осипова, у которой пишу тебе эти строки, уговорила меня

сделать тебе и эту доверенность. Признаюсь, мне немного на себя досадно, да, душа моя,— голова кругом идет».

Обратим также внимание на отношение к поэту Надежды Осиповны. 28 ноября 1824 года в черновом письме Жуковскому, вспоминая трагическую ссору в октябре, он писал, что мать, будучи на стороне отца, понимала, какая опасность подстерегает сына и как будет ей тяжело. Она обняла его и сказала: «Что со мной станется, если тебя посадят в крепость».

Ссора с родителями вполне объясняет отсутствие переписки в течение долгого времени. Более того, в пылу возмущения Пушкин даже уверял брата: «Нога моя дома уже не будет». Однако по мере того, как страсти остывали, обе стороны начинали проявлять интерес друг к другу, и прежде всего через кого-либо. Из письма к Пушкину Жуковского во второй половине апреля 1825 года видно, что от Надежды Осиповны он узнал о болезни поэта и тут же стал хлопотать о его лечении у своего родственника, профессора Дерптского университета Ф. Мойера. В свою очередь Надежда Осиповна, видимо, была в курсе дел сына благодаря своей переписке с Прасковьей Александровной Осиповой. Зная об этом, Пушкин просил Осипову не сообщать матери о своем отказе лечиться у Мойера. Под влиянием ссылки, преследований правительства и ссоры с родителями у Пушкина появилось желание уехать за границу[1]. Можно предположить, что этим объясняется то недовольство и раздражение, которое

[1] А. С. Пушкин в воспоминаниях современников.— Т. 1.— С. 448, 533 и др.

вызвали хлопоты матери и друзей об облегчении его положения.

Особенно огорчило его известие о том, что Надежда Осиповна обратилась к Николаю I с прошением разрешить ее сыну лечиться в Пскове или Риге. (Поэт к тому же подозревал, что прошение это было не только от матери, но и от отца.) Это совершенно путало его планы.

Зная о настроении Пушкина в связи с этими хлопотами, П. А. Вяземский писал ему 28 августа 1825 года: «На всякий случай могу тебе утвердительно сказать, что твой отец даже и не знал о письме твоей матушки к государю, и, следовательно, он во всем этом деле не причастен».

Весть о приеме царем в Москве Пушкина 8 сентября 1826 года и некотором облегчении его участи была встречена родными и друзьями с нескрываемым ликованием. Сообщая Пушкину об этом 15 сентября 1826 года, А. А. Дельвиг писал: «Особенно мать, она наверху блаженства. Я знаю твою благородную душу, ты не возмутишь их счастья упорным молчанием». Эта фраза, помимо всего прочего, показывает, что друзья поэта были в курсе его ссоры с родителями и всячески стремились наладить их отношения.

Похоже, однако, что эти усилия не увенчались успехом. Чтобы убедиться в этом, приведем два отрывка из писем Сергея Львовича своему брату Василию Львовичу и зятю М. М. Солнцеву, написанных в один и тот же день, 17 октября 1826 года. Первому из них он писал: «Нет, добрый друг, не думай, что Александр Сергеевич почувствует когда-нибудь свою неправоту передо мною. Если он мог в минуту своего благополучия и когда он

не мог не знать, что я делал шаги к тому, чтобы получить для него милость, отрекаться от меня и клеветать на меня, то как можно предполагать, что он когда-нибудь снова вернется ко мне? Не забудь, что в течение двух лет он питает свою ненависть, которую ни мое молчание, ни то, что я пред ним принимал для смягчения его участи изгнания, не могли уменьшить. Он совершенно убежден в том, что просить прощения должен я у него, но он прибавляет, что если бы я решил это сделать, то он скорее выпрыгнул бы в окно, чем дал бы мне это прощение... Я еще ни минуты не переставал воссылать мольбы о его счастии, и, как повелевает Евангелие, я люблю в нем моего врага и прощаю его, если не как отец,— так как он от меня отрекается,— то как христианин, но я не хочу, чтоб он знал об этом: он припишет это моей слабости или лицемерию, ибо те принципы забвения обид, которыми мы обязаны религии, ему совершенно чужды».

М. М. Солнцеву Сергей Львович писал: «Более всего в поведении Александра Сергеевича вызывает удивление то, что как он меня ни оскорбляет и ни разрывает наши сердечные отношения, он предполагает вернуться в нашу деревню и, естественно, пользоваться всем тем, чем он пользовался раньше, когда он не имел возможности оттуда выезжать. Как примирить это с его манерой говорить обо мне — ибо не может ведь он не знать, что это мне известно. Александр Тургенев и Жуковский, чтобы утешить меня, говорили, что я должен стать выше того, что он про меня говорил, что это он делал из подражания лорду Байрону, на которого он хочет походить. Байрон ненавидел свою жену и всюду скверно говорил об

ней, а Александр Сергеевич выбрал меня своей жертвой. Но эти все рассуждения не утешительны для отца — если я еще могу называть себя так. В конце концов: пусть он будет счастлив, но пусть оставит меня в покое»[1].

Появившиеся после сентября 1826 года возможности приездов, а затем и переезд в Петербург привели к некоторому улучшению отношений Александра Сергеевича с родителями. Известно, например, что в ноябре 1827 года они совместно написали письмо Льву Сергеевичу, служившему на Кавказе. Однако полного примирения не произошло, о чем говорит такая фраза в письме Вяземского от ноября того же года: «Я вчера обедал у дяди твоего... Часто ли обедаешь дома, то есть в недрах Авраама? Сделай милость, обедай чаще... родительскою хлеб-солью надобно дорожить. Извини мне, что даю тебе совет, но ты знаешь, как я люблю тебя».

Любопытную мысль об отношениях Пушкина с родителями в эту пору высказывает П. В. Анненков. В своей книге «Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху» он пишет: «Ссора между отцом и сыном *(Сергеем Львовичем и Александром Сергеевичем)* длилась вплоть до 1828 года, когда они примирились, благодаря усилиям Дельвига и особенно тому обстоятельству, что Пушкин был уже освобожден от правительственного надзора и ласково принят, незадолго пред тем, молодым государем. Во второй раз (первый случай относится к 1815 г.) Сергей Львович искал сойтись с сыном, озадаченный его успе-

---

[1] Вересаев В. Пушкин в жизни.— С. 40.

хами и приобретенным положением между людьми»[1].

С ноября 1827 года и до апреля 1830 года родители почти не упоминаются в письмах Пушкина, и только решение жениться на Н. Н. Гончаровой становится причиной довольно оживленной переписки с ними. При этом обращает на себя внимание следующее обстоятельство.

Как известно, Пушкин сватается к Наталье Николаевне в апреле 1829 года, послав к ее матери в качестве свата Ф. И. Толстого. Получив неопределенный ответ, он пишет будущей теще 1 мая этого же года письмо, где выражает надежду на положительное решение. С этого времени тема его ухаживаний за Натальей Николаевной и сватовства многократно встречается в письмах Пушкина к С. Д. Киселеву, П. А. Вяземскому, Н. И. Гончаровой. Но родителям он сообщает о своих сердечных делах только между 6 и 11 апреля 1830 года, когда был уже получен положительный ответ от Гончаровых[2]. Интересно отмстить, что почти одновременно с этим (16 апреля 1830 года) Пушкин пишет о своей предстоящей женитьбе генералу А. Х. Бенкендорфу.

Письмо к родителям дошло до нас в виде чер-

---

[1] Вересаев В. Пушкин в жизни.— С. 127.

[2] Надо, правда, оговорить следующее. В письме Вяземского Пушкину от 26 апреля 1830 года сказано: «Я сей час с обеда Сергея Львовича, и твои письма, которые я там прочел, убедили меня, что жена меня не мистифицирует и что ты точно жених». Эта фраза дает основание предполагать, что, помимо письма родителям от 6—11 апреля 1830 года, были, возможно, и какие-то другие письма, в которых шла речь о его предстоящем браке или сватовстве.

новика. Беловой подлинник, видимо, не сохранился. Текст письма свидетельствует, что, помимо радости, которой поэт делится с родителями, он вынужден просить их о материальной помощи. Вполне понятно, что и в ответе Сергея Львовича, в котором он благословляет сына, заметное место занимают материальные дела. Читая их переписку, мы остаемся под впечатлением, что даже предстоящий брак Пушкина не снял той напряженности, которая существовала между ним и родителями.

В период сватовства Пушкину удается каким-то образом подключить родителей к своим делам. Известно, например, что по его просьбе Сергей Львович писал деду Натальи Николаевны, о чем Александр Сергеевич сообщал невесте не позднее 29 июля 1830 года[1].

В августе этого года произошла ссора Пушкина с будущей тещей, чуть не закончившаяся полным разрывом с Гончаровыми. Об этом Пушкин сообщил В. Ф. Вяземской, П. А. Плетневу, но ни слова в письмах родителям. Однако они об этом, без сомнения, знали, были убеждены, что разрыв произошел, и продолжали так думать даже тогда, когда после сентябрьского письма Натальи Николаевны стало ясно, что все пришло в норму.

4 ноября 1830 года Александр Сергеевич писал невесте: «9-го (октября.— *Г. Д.*) вы еще были в Москве! Об этом пишет мне отец; он пишет мне также, что моя свадьба расстроилась. Не достаточно ли этого, чтобы повеситься?» Из этих слов ясно, что было еще письмо или письма от родителей между 3 мая и 4 ноября 1830 года, которые

---

[1] Письмо С. Л. и Н. О. Пушкиных А. Н. Гончарову впервые опубликовано в журнале «Огонек» № 46 за 1983 г.

до нас не дошли. (Любопытная деталь. 4 ноября Пушкин в письме к А. А. Дельвигу сообщает: «Отец мне ничего про тебя не пишет. А это беспокоит меня, ибо я все-таки его сын — т. е. мнителен и хандрлив (каково словечко?)». Фраза эта лишний раз доказывает факт пропажи писем Сергея Львовича сыну, и, кроме того, в ней приводится важная деталь для портрета отца, да и автопортрета тоже).

Наконец, о своей переписке с отцом Пушкин упоминает и в письме П. А. Осиповой в начале ноября: «Очень рад, что благодаря вам отец мой легко перенес известие о смерти Василия Львовича. Я очень, признаться, боялся за его здоровье и ослабевшие нервы. Он прислал мне несколько писем, из которых видно, что страх перед холерой заслонил в нем скорбь».

18 ноября Пушкин сообщает невесте: «Отец продолжает писать мне, что свадьба моя расстроилась».

О пропаже писем Сергея Львовича сыну, в которых он утверждает, что свадьба с Гончаровой расстроилась, известно из письма Пушкина Е. М. Хитрово от 11 декабря 1830 года, которое начинается так: «Мой отец только что переслал мне письмо, которое вы адресовали мне в деревню... Что до известия о моем разрыве с невестой, то оно ложно и основано лишь на моем долгом отсутствии и на обычном моем молчании по отношению к друзьям».

Из сказанного явствует, что только за период между 6—11 апреля и 11 декабря 1830 года пропало не менее шести писем Сергея Львовича сыну.

С конца 1830 года наступает длительный перерыв в переписке с родителями, но имена их

часто встречаются в письмах к другим лицам. Эти упоминания иногда помогают выяснить некоторые детали в истории их отношений.

Буквально накануне свадьбы, 16 февраля, Пушкин в письме Плетневу спрашивает, заплатил ли Сергей Львович долг Дельвигу. Это дает основание думать, что Александр Сергеевич поручал отцу какие-то финансовые дела.

В письме Вяземскому от 3 июля 1831 года читаем: «Отец мой горюет у меня в соседстве, в Павловском...», а 29 июля этого года в письме П. А. Осиповой: «Я сам доставил ваши письма в Павловск, умирая от желания знать их содержание; но матери моей не оказалось дома. Вы знаете о том, что у них произошло, о выходке Ольги, о карантине и т. д. Теперь, слава богу, все кончено. Родители мои уже не под арестом». Эти фразы требуют дальнейшего исследования и комментария.

Остается загадкой история о переписке «Авраама» с Игнатием Петровым — крепостным Василия Львовича Пушкина, о котором идет речь в письме Вяземского Пушкину от 24 августа 1831 года и ответном письме его от 3 сентября. Комментаторы Полного собрания сочинений считают, что под «Авраамом» подразумевается Сергей Львович. Если это так, то выходит, что Вяземский и Пушкин вели речь о том, чтобы опубликовать в журнале какую-то переписку Сергея Львовича. Так ли это?

После сентября 1831 до февраля 1832 года имена родителей в переписке Пушкина фигурируют редко, затем, вплоть до 1833 года, иногда мелькают в письмах пушкинских корреспондентов в связи с хозяйственными делами по нижегородскому имению.

Сохранилась лишь записка Сергея Львовича сыну, которую исследователи датируют концом декабря 1832 — апрелем 1833 года. В ней он передает Пушкину привет от поэта И. И. Дмитриева.

В письме Осиповой (около 15 мая 1833 года) Александр Сергеевич пишет: «Родители мои только что приехали из Москвы. Они собираются к июлю быть в Михайловском. Мне очень хотелось бы поехать вместе с ними».

Поездка его не состоялась. Что же касается родителей, то 28 июня они туда еще не приехали.

В письме к жене из Болдина от 8 октября этого года есть непонятная фраза: «Что такое 50 р., присланных тебе моим отцом? уж не проценты ли 550, которых он мне должен? Чего доброго?»

6 ноября 1833 года он сообщает ей же из Болдина: «При сем письмо к отцу. Вероятно, уже он у вас». Следовательно, было письмо Сергею Львовичу, написанное где-то в начале ноября, которое до нас не дошло.

20 ноября Пушкин возвратился в Петербург, а 24-го писал П. В. Нащокину: «Отца видел, он очень рад моему предположению взять Болдино. Денег у него нет».

С весны 1834 года в отношениях между отцом и сыном все большее место начинают занимать финансовые дела. Сам Александр Сергеевич следующим образом описывает ситуацию в письме к Нащокину от середины марта 1834 года: «Обстоятельства мои затруднились еще вот по какому случаю: на днях отец мой посылает за мною. Прихожу — нахожу его в слезах, мать в постеле — весь дом в ужасном беспокойстве. *Что такое? Име-*

ние описывают.— Надо скорее заплатить долг.— Уж долг заплачен. Вот и письмо управителя.— О чем же горе?— Жить нечем до октября.— Поезжайте в деревню.— Не с чем.— Что делать? Надобно взять имение в руки, а отцу назначить содержание. Новые долги, новые хлопоты. А надобно: я желал бы и успокоить старость отца, и устроить дела брата Льва...»

Из письма Пушкина к управляющему имением его отца И. М. Пеньковскому от 13 апреля этого года видно, что к этому времени он уже взял управление имением в свои руки, что послужило поводом постоянного обращения к поэту Н. И. Павлищева — мужа сестры — о доле доходов в пользу Ольги Сергеевны. Письма эти вызывали недовольство Пушкина, которому приходилось заниматься разными расчетами и другими хозяйственными делами. Полное запустение дел по имению и связанные с этим хлопоты невольно усиливали его раздражение и по отношению к Сергею Львовичу. Около 5 мая 1834 года он пишет жене: «Лев Сергеевич и отец меня очень сердят». 8 июня Пушкин сообщает Наталье Николаевне: «Принужден был снарядить в дорогу своих стариков. Теребят меня без милосердия. Вероятно, послушаюсь тебя и скоро откажусь от управления имением».

В письме жене от 11 июня этого же года мы читаем: «Сегодня едут мои в деревню, и я их иду проводить, до кареты, не до Царского Села... Уж как меня теребили; вспомнил я тебя, мой ангел. А делать нечего. Если не взяться за имение, то оно пропадет же даром, Ольга Сергеевна и Лев Сергеевич останутся на подножном корму, а придется взять их мне же на руки, тогда-то

напла́чусь и наплачу́сь, а им и горя мало. Меня же будут цыганить. Ох, семья, семья!»

Тем временем дела в Болдине шли плохо, пришлось менять управляющего; начались споры и дрязги вокруг этого. А тут еще возникла необходимость заложить имение, и не было уверенности, что это удастся сделать. Сообщая об этом жене в самом конце июня, Пушкин писал: «Но можно ли будет его заложить? Как ты права была в том, что не должно мне было принимать на себя эти хлопоты, за которые никто мне спасибо не скажет, а которые испортили мне столько уж крови, что все пиявки дома нашего ее мне не высосут».

Родители приехали в Михайловское в первой половине июня 1834 года. У нас нет сведений о том, говорил ли Пушкин с ними о необходимости пожить некоторое время в деревне, чтобы хоть немного привести в порядок денежные дела. Но что такая мысль у него была, свидетельствует следующее место его письма к П. А. Осиповой от 29 июня этого года (с припиской 13 июля): «Я принял имение, которое не принесет мне ничего, кроме забот и неприятностей. Родители мои не знают, что они на волос от полного разорения. Если б только они решились прожить несколько лет в Михайловском, дела могли бы поправиться; но этого никогда не будет».

Не позднее 25 августа Пушкин выехал по делам отца в Болдино, заехав по дороге в Москву, Полотняный завод и другие места. Н. И. Павлищев сообщает, что до этой поездки в Болдино Пушкин написал родителям несколько писем (в конце июля и середине августа), но они нам неизвестны. Известны же следующие строки из письма Осиповой Пушкину от 1 ноября 1834 го-

да: «Где вы?.. что вы поделываете, мой дорогой Александр; хочу надеяться, что с вами не случилось ничего;— но ваши родители очень беспокоятся о вас — ибо как же объяснить более чем трехмесячное молчание».

Далее Прасковья Александровна просит поэта уплатить ей долг родителей и добавляет: «Вот письмо вашей матери, которое прилагаю к моему, ваш отец слег в постель — и только от беспокойства. Бога ради, напишите нам, ибо иначе — иначе, право!! ваш отец этого не вынесет,— поспешите же сообщить ему, что вы и все ваши здоровы,— и что вы *его не забыли* — мысль, которая его мучает и доводит до слез вашу мать».

Мы не беремся судить, что тут правда, а что преувеличение, кто прав и кто виноват. Одно ясно: дела шли скверно, и отношения были напряженными. Письмо Н. О. Пушкиной, о котором упоминает Осипова, нам неизвестно.

За время с конца 1834 года до мая—июня 1835 года не сохранилось ни одного письма Пушкина к родителям и от них к нему. В переписке с другими лицами они упоминаются лишь в связи с чисто денежными делами. До нас дошел только черновик денежных расчетов, которые Пушкин адресовал отцу в конце мая или июне 1835 года. В беловом варианте, видимо, было и письмо, о котором нет никаких сведений.

С сентября 1835 года в письмах Пушкина к жене все чаще звучит мысль о том, что Сергей Львович не оставит ему в наследство свое нижегородское имение.

21 сентября: «А о чем я думаю? Вот о чем: чем нам жить будет? Отец не оставит мне имения; он его уже вполовину промотал...»

29 сентября: «Отец мотает имение без удовольствия, как без расчета...»

В это время в семье Пушкиных назревала беда: начала тяжело болеть Надежда Осиповна. Перед тем как рассказать о ее кончине, уместно напомнить об отношениях Пушкина с матерью.

Старшая сестра поэта Ольга Сергеевна вспоминала, что в отличие от отца — человека «нрава пылкого и до крайности раздражительного... мать, напротив, при всей живости характера, умела владеть собою и только не могла скрывать предпочтения, которое оказывала сперва к дочери, а потом меньшему сыну Льву Сергеевичу; всегда веселая и беззаботная, с прекрасною наружностью креолки, как ее называли, она любила свет»[1].

Мы можем добавить, что это предпочтение сохранилось до конца ее жизни. Это, как известно, не мешало Надежде Осиповне близко принимать к сердцу дела старшего сына и всячески стараться ему помогать, когда это было нужно и возможно. Однако некоторая холодность в их отношениях сохранялась до последнего года жизни Надежды Осиповны.

Тяжелая болезнь матери вызвала сильное беспокойство Александра Сергеевича. 23—24 апреля 1835 года он сообщает брату о том, что матери «было очень худо». 2 мая ему же: «Мать у нас умирала, теперь ей легче, но не совсем. Не думаю, чтоб она долго могла жить». Об этом же он сообщает в тот же день Н. И. Павлищеву.

А в обществе в это время стали распространяться слухи, что Пушкины, особенно Наталья

---

[1] А. С. Пушкин в воспоминаниях современников.— Т. 1.— С. 35.

Николаевна, проявляют к родителям полное равнодушие и чуть ли не виноваты в их бедственном положении. В связи с этим Александр Сергеевич писал не позднее 26 октября 1835 года Осиповой: «Бедную мать мою я застал почти при смерти, она приехала из Павловска искать квартиру и вдруг почувствовала себя дурно у госпожи Княжниной, где остановилась. Раух и Спасский (врачи.— *Г. Д.*) потеряли всякую надежду. В этом печальном положении я еще с огорчением вижу, что бедная моя Натали стала мишенью для ненависти света. Повсюду говорят: это ужасно, что она так наряжается, в то время как ее свекру и свекрови есть нечего и ее свекровь умирает у чужих людей. Вы знаете, как обстоит дело. Нельзя, конечно, сказать, чтобы человек, имеющий 1200 крестьян, был нищим. Стало быть, у отца моего кое-что есть, а у меня нет ничего. Во всяком случае Натали тут ни при чем, и отвечать за нее должен я. Если бы мать моя решила поселиться у нас, Натали, разумеется, ее бы приняла. Но холодный дом, полный детворы и набитый гостями, едва ли годится для больной. Матери моей лучше у себя. Я застал ее уже перебравшейся. Отец мой в положении, всячески достойном жалости. Что до меня, я исхожу желчью и совершенно ошеломлен. Поверьте мне, дорогая госпожа Осипова, хотя жизнь и сладкая привычка, однако в ней есть горечь, делающая ее в конце концов отвратительной, а свет — мерзкая куча грязи. Тригорское мне милее...»

Получив ответ на письмо, Пушкин пишет 26 декабря этого года ей же: «Матери моей лучше, но до выздоровления еще далеко. Она слаба, однако ж болезнь утихла. Отец всячески достоин жалости».

Есть известие, что 18 февраля 1836 года Пушкин навестил мать и сестру.

15 марта 1836 года П. А. Вяземский сообщал И. И. Дмитриеву: «Теперь бедный Пушкин печально озабочен тяжкою и едва ли не смертельною болезнью матушки своей», а 29 марта Надежда Осиповна скончалась в Петербурге. До недавнего времени было известно очень мало об этой печальной странице биографии поэта. 8 апреля 1836 года П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу: «У Пушкина умерла мать его, он все это время был в печальных заботах, а сегодня отправился в псковскую деревню, где будет похоронена его мать». Эти сведения дополняются сообщением соседа и хорошего знакомого Пушкиных Бориса Александровича Вревского в «Вседневном журнале» за 1836 год, из чего ясно, что 11 апреля, в субботу, Пушкин и А. Н. Вульф приехали к нему в деревню Голубово Псковской губернии, а 13-го, в понедельник, они похоронили Надежду Осиповну в Святогорском монастыре. 14 апреля Пушкин вместе с Б. А. Вревским выехал в Петербург, куда и прибыл 16 апреля. 29 апреля Пушкин отправился из Петербурга в Москву.

В свете этих данных несомненный интерес представляет обнаруженная нами запись в описи архива канцелярии министра внутренних дел о бывшем там и уничтоженном деле «О перевозе тела Пушкиной, скончавшейся в С. Петербурге, для погребения в Псковской губернии в Свято-Горском монастыре», о котором упоминалось в очерке «Документы Пушкиных в канцелярии министра внутренних дел». Помета о том, что дело это было начато и закончено в один день — 31 марта 1836 года, дает основание утверждать,

что просьба о разрешении Пушкину перевезти тело матери была оформлена его старым знакомым Д. Н. Блудовым без всякой проволочки. Поскольку Александр Сергеевич (вместе с верным слугой Никитой Козловым) должен был сопровождать тело, можно думать, что он же писал прошение Блудову. Во всяком случае теперь можно твердо внести в хронику жизни Пушкина запись: «29—31 марта 1836 года — Пушкин хлопочет в министерстве внутренних дел о разрешении сопровождать в Псковскую губернию тело умершей матери — Надежды Осиповны Пушкиной для погребения в Святогорском монастыре».

Изучение многочисленных сохранившихся дел подобного рода, в том числе и дела № 23 (267) канцелярии министра внутренних дел за 1837 год «О перевозе тела камер-юнкера Пушкина для погребения в Псковскую губернию», дает возможность предполагать, что в уничтоженном деле о погребении Надежды Осиповны были следующие документы: 1) Прошение на имя Блудова, написанное, вероятно, Александром Сергеевичем, с просьбой разрешить перевоз тела. 2) Распоряжение Блудова петербургским и псковским властям по этому поводу. 3) Ответное письмо Блудова Пушкину о своих распоряжениях. 4) «Открытый лист» для беспрепятственного провоза тела.

Приведем в заключение ценное воспоминание об этом печальном событии в жизни Пушкина близкой знакомой семьи поэта — баронессы Е. Н. Вревской:

«Пушкин чрезвычайно был привязан к своей матери, которая, однако, предпочитала ему второго своего сына *(Льва)*, и притом до такой степени,

что каждый успех старшего делал ее к нему равнодушнее и вызывал с ее стороны сожаление, что успех этот не достался ее любимцу. Но последний год ее жизни, когда она была больна несколько месяцев, Александр Сергеевич ухаживал за нею с такою нежностью и уделял ей от малого своего состояния с такой охотой, что она узнала свою несправедливость и просила у него прощения, сознаваясь, что она не умела его ценить. Он сам привез ее тело в Святогорский монастырь, где она похоронена. После похорон он был чрезвычайно расстроен и жаловался на судьбу, что она и тут его не пощадила, дав ему такое короткое время пользоваться нежностью материнскою, которой до того времени он не знал. Между тем, как он сам мне рассказывал, нашлись люди в Петербурге, которые уверяли, что он при отпевании тела матери неприлично весел был»[1].

После смерти Надежды Осиповны сильно осложнилось положение отца Пушкина. Некоторое представление об этом дает следующий отрывок из письма управляющего болдинским имением И. М. Пеньковского к Александру Сергеевичу от 28 апреля 1836 года: «Вчерашнего числа получил письмо Сергея Львовича, из которого понял, что находится в ужасном расстройстве после покойной Вашей матушки, а моей благодетельницы Надежды Осиповны, и в оном прописывает — *не знаю, куда приклонить голову*. Я на сие решился предложить Сергею Львовичу, дабы оставил Петербург и переехал в Болдино, что там может найти по сельскому хозяйству разного роду приятности и что может жить спокойно,

---

[1] Вересаев В. Пушкин в жизни.— С. 434—435.

ни в чем не нуждаясь. Так как мне известны все обстоятельства Сергея Львовича, по моему мнению, одно только средство и остается, которым может поправить свое состояние, со временем может быть полезным и для Вас. Преданность моя к Вам и Сергею Львовичу заставила меня решиться на сие предложение. Не оставляйте, Александр Сергеевич, сего без внимания, употребите все средства уговорить Сергея Львовича переездом в Болдино... Намеревается Сергей Львович переехать в Москву и жить с зятем господином Сонцевым (Солнцевым.— *Г. Д.*), и это к лучшему, но не столько полезно, и в Болдине не в пример меньше будет издержек, и более найдет развлечения и приятности».

План поездки Сергея Львовича к К. Л. Солнцевой, родной своей сестре, действительно существовал. Во всяком случае 11 мая 1836 года Пушкин писал Наталье Николаевне из Москвы: «Был я у Солнцевых. Его здесь нет, он в деревне. Она зовет отца к себе в деревню на лето».

Через месяц с лишним Пушкин сообщает Пеньковскому: «Батюшка намерен нынешний год побывать у вас; но вряд ли сберется. Жить же в Болдине, вероятно, не согласится. Если не останется он в Москве, то, думаю, поселится в Михайловском. Очень благодарен Вам за Ваши попечения о нашем имении. Знаю, что в прошлом году Вы остановили батюшку в его намерении продать это имение и тем лишить если не меня, то детей моих последнего верного куска хлеба. Будьте уверены, что я никогда этого не забуду».

13 июля 1836 года Александр Сергеевич пишет Н. И. Павлищеву, что отец уехал из Петербурга 1 июля и что он пока не получил известий о нем.

Из письма Сергея Львовича Александру Сергеевичу от 7 августа этого года видно, что он жил в это время в семье Солнцевых в селе Коровино Зарайского уезда Рязанской губернии и тяжело переживал болезнь Ольги Сергеевны, находившейся тогда с мужем в Михайловском. Ругая Павлищева за его жадность, некомпетентность и равнодушие к жене, Сергей Львович просил сына сообщить все, что ему известно о сестре. (Заметим, что Павлищев платил Сергею Львовичу такой же неприязнью, шантажировал его и стремился урвать лишние деньги. Яркое свидетельство тому — письмо Павлищева Пушкину от 28 августа 1836 года да и последующие его письма). В этих столкновениях отца с Павлищевым Александр Сергеевич был, скорее, на стороне отца, к которому, однако же, не изменил своего отношения, о чем говорит его письмо к Сергею Львовичу от 20 октября 1836 года: «Дорогой отец, прежде всего — вот мой адрес: (...). Я вынужден был покинуть дом Баташева, управляющий которого негодяй.

Вы спрашиваете у меня новостей о Натали и о детворе. Слава богу, все здоровы. Не получаю известий о сестре, которая уехала из деревни больною. Ее муж, выводивший меня из терпения совершенно никчемными письмами, не подает признаков жизни теперь, когда нужно устроить его дела. Пошлите ему, пожалуйста (доверенность), на ту часть, которую вы выделили Ольге; это необходимо. Лев поступил на службу и просит у меня денег; но я не в состоянии содержать всех: я сам в очень расстроенных обстоятельствах, обременен многочисленной семьей, содержу ее своим трудом и не смею заглядывать в будущее. Павлищев упрекает меня за то, что я трачу деньги, хотя

я не живу ни на чей счет и не обязан отчетом никому, кроме моих детей. Он утверждает, что они все равно будут богаче его сына; не знаю, но я не могу и не хочу быть щедрым за их счет.

Я рассчитывал побывать в Михайловском — и не мог. Это расстроит мои дела по меньшей мере еще на год. В деревне я бы много работал; здесь я ничего не делаю, а только исхожу желчью.

Прощайте, дорогой отец, целую ваши руки и обнимаю вас от всего сердца. 20 окт. 1836.».

В конце 1836 года и начале 1837 года Сергей Львович долго жил в Москве. Его отношения с сыном, и без того сложные, еще более осложнились вопросом о судьбе Михайловского, которое Александр Сергеевич то собирался купить, то отказывался от этой мысли.

24 декабря 1836 года Павлищев в письме Пушкину сообщает об отсутствии писем от Сергея Львовича, а в конце декабря этого года Александр Сергеевич написал отцу письмо, которое пока считается последним. Вот его текст: «Уже довольно давно не получал я от вас известий. Веневитинов сказал мне, что вы показались ему грустным и встревоженным и что вы собирались приехать в Петербург. Так ли это? мне нужно съездить в Москву, во всяком случае я надеюсь вскоре повидаться с вами. Вот уж наступает новый год — дай бог, чтоб он был для нас счастливее, чем тот, который истекает. Я не имею никаких известий ни от сестры, ни от Льва... У нас свадьба. Моя свояченица Екатерина выходит за барона Геккерена, племянника и приемного сына посланника короля голландского. Это очень красивый и добрый малый, он в большой моде и 4 годами моложе своей нареченной. Шитье приданого сильно

занимает и забавляет мою жену и ее сестру, но приводит меня в бешенство. Ибо мой дом имеет вид модной и бельевой мастерской... Я получил письмо от Пещуровского повара, который предлагает взять назад своего ученика. Я ему ответил, что подожду на этот счет ваших приказаний. Хотите вы его оставить? и каковы были условия ученичества? Я очень занят. Мой журнал и мой Петр Великий отнимают у меня много времени; в этом году я довольно плохо устроил свои дела, следующий год будет лучше, надеюсь. Прощайте, мой дорогой отец. Моя жена и все мое семейство обнимают вас и целуют ваши руки. Мое почтение и поклоны тетушке и ее семейству».

Можно в заключение еще добавить, что 6 января 1837 года Осипова написала Пушкину о том, что ее зять Борис Александрович Вревский получил от Сергея Львовича письмо, в котором тот сообщает о выделении седьмой части имения в Михайловском дочери Ольге Сергеевне. В связи с этим Осипова рекомендует Александру Сергеевичу выплатить сестре и брату их долги и приобрести в собственность это любимое поэтом имение. Как известно, Пушкин не успел уже воспользоваться этим советом.

«ПОЗВОЛЬ ДУШЕ МОЕЙ ОТКРЫТЬСЯ...»

(Переписка Пушкина с сестрой)

Ольга Сергеевна Пушкина была на два года старше поэта. В детстве она очень дружила с ним и была первой слушательницей и ценительницей его литературных опытов.

После отъезда Пушкина в Лицей дружба между ними сохранилась и началась переписка, которая с перерывами продолжалась до гибели поэта.

В настоящее время известно и опубликовано лишь пять писем Пушкина к сестре и только одно ее к нему.

Обращают на себя внимание два обстоятельства: в четырех из пяти случаев Александр Сергеевич делал приписки к письмам брату Льву или родителям и лишь одно письмо (от 10—15 августа) послано непосредственно Ольге Сергеевне; все письма относятся к 1821—1830 годам. Возникает естественный вопрос: вся ли переписка между братом и сестрой дошла до нас? Ученые давно уже ответили на этот вопрос: нет, не вся. Выяснилось, в частности, что пропали письма Пушкина сестре, написанные в лицейский период.

В 1851 году Ольга Сергеевна по просьбе П. В. Анненкова написала воспоминания о брате, где, например, говорилось о нескольких письмах на французском языке, полученных от Александра Сергеевича в лицейские годы. По ее утверждению, письма эти много лет хранились у нее, а затем были переданы Наталье Николаевне Пушкиной. Достоверность этого рассказа полностью подтверждается тем, что одно время письма находились у братьев П. В. и И. В. Анненковых.

19 марта 1851 года И. В. Анненков, помогавший брату собирать материалы для биографии Пушкина, писал ему: «Генеральша (то есть Н. Н. Ланская (Пушкина).— *Г. Д.*) по возвращении из заграницы дает мне переписку Пушкина с сестрою, когда ему было 13 лет». К сожа-

лению, дальнейшая судьба этих писем неизвестна.

О нежном отношении к сестре в эти годы свидетельствует также стихотворение «К сестре», написанное в апреле 1814 года и опубликованное впервые уже после смерти поэта.

После окончания Пушкиным Лицея и до его ссылки брат и сестра жили вместе, и переписки между ними, очевидно, не было. Об их общении в эти годы имеются лишь отрывочные сведения. Известно, например, что летом 1817 года они вместе с родителями ездили в Михайловское, где на томике басен Лафонтена, подаренном ему сестрой еще в 1811 году, поэт сделал надпись: «13 июля 1817 года, Михайловское». Сохранились также известия об их совместном посещении церкви в 1818 году.

В 1819 году Пушкин посвятил сестре стихотворение «Позволь душе моей открыться пред тобою...» Есть основания утверждать, что в период южной ссылки между братом и сестрой велась переписка, от которой до нас дошло лишь несколько писем.

27 июля 1821 года он писал ей по-французски: «Вернулась ли ты из своего путешествия? Посетила ли снова подземелья, замки, Нарвские водопады? Развлекло ли это тебя? Любишь ли ты попрежнему одинокие прогулки? Какие собаки твои любимицы? Забыла ли ты трагическую смерть Омфалы и Бизара? Чем ты развлекаешься? Что читаешь? Виделась ли ты снова с соседкой, Анетой Вульф? Ездишь ли верхом? Когда возвращаешься в Петербург? Что поделывают Корфы? Не вышла ли ты замуж? Не собираешься ли выйти? Сомневаешься ли в моей дружбе? Прощай, мой добрый друг».

Не касаясь здесь содержания этого письма, отметим лишь одно — оно не оставляет сомнений в том, что это не первое письмо после отъезда Пушкина на юг в 1820 году.

Следующее письмо сестре датировано 22 июля 1822 года и является припиской к письму Льву Сергеевичу. Оно также по-французски: «Добрый и милый мой друг, мне не нужно твоих писем, чтобы быть уверенным в твоей дружбе,— они необходимы мне единственно как нечто, от тебя исходящее. Обнимаю тебя и люблю — веселись и выходи замуж».

Этот текст также не создает впечатления, что в продолжение года, прошедшего с 27 июля 1821 года, между ними не было переписки. Еще более сомнительно отсутствие се между июлем 1822 и декабрем 1824 года. Правда, с конца августа и до ноября 1824 года они вместе жили в Михайловском, но все же нельзя допустить, чтобы более двух лет не переписывались.

В период совместного пребывания в Михайловском брат и сестра были очень близки между собой. Дельвиг, хорошо знавший об их отношениях, неоднократно упоминает об этом. Утешая друга, которому предстояло жить в ссылке в Михайловском, он подчеркивал, что присутствие сестры скрасит его одиночество.

Во время ссоры Пушкина с родителями в октябре 1824 года Ольга Сергеевна безоговорочно приняла сторону брата. Жуковскому он сообщал, что сестре приходится терпеть притеснения от отца из-за того, что она поддержала брата.

Ольга Сергеевна уехала из Михайловского в Петербург в ноябре 1824 года, а уже 4 декабря Александр Сергеевич писал ей: «Милая Оля,

благодарю за письмо, ты очень мила, и я тебя очень люблю, хоть этому ты и не веришь. Если то, что ты сообщаешь о завещании Анны Львовны, верно, то это очень мило с ее стороны. В сущности, я всегда любил тетку, и мне неприятно, что Шаликов обмочил ее могилу. Няня исполнила твою комиссию, ездила в Святые горы и отправила панихиду или что было нужно. Она целует тебя, я также. Твои троегорские приятельницы несносные дуры, кроме матери. Я у них редко. Сижу дома да жду зимы».

Следующее из дошедших до нас писем Пушкина сестре датируется 10—15 августа 1825 года. Вот его текст: «Милый друг, думаю, что ты уже приехала. Сообщи мне, когда рассчитываешь выехать в Москву, и дай мне свой адрес. Я очень огорчен тем, что со мной произошло, но я это предсказывал, а это весьма утешительно, сама знаешь. Я не жалуюсь на мать, напротив, я признателен ей, она думала сделать мне лучше, она горячо взялась за это, не ее вина, если она обманулась. Но вот мои друзья — те сделали именно то, что я заклинал их не делать. Что за страсть — принимать меня за дурака и повергать меня в беду, которую я предвидел, на которую я же им указывал? Раздражают его величество, удлиняют мою ссылку, издеваются над моим существованием, а когда дивишься всем этим нелепостям — хвалят мои прекрасные стихи и отправляются ужинать. Естественно, что я огорчен и обескуражен,— мысль переехать в Псков представляется мне до последней степени смешной; но так как кое-кому доставит большое удовольствие мой отъезд из Михайловского, я жду, что мне предпишут это. Все это отзывается легкомыслием, жестокостью

невообразимой. Прибавлю еще: здоровье мое требует перемены климата, об этом не сказали ни слова его величеству. Его ли вина, что он ничего не знает об этом? Мне говорят, что общество возмущено; я тоже — беззаботностью и легкомыслием тех, кто вмешивается в мои дела. О господи, освободи меня от моих друзей! (...)».

Явное раздражение и жалоба на родных и друзей объясняется тем, что к этому времени Пушкин наметил планы бегства за границу, о чем мы уже говорили в очерке «Ох, семья, семья!». Сохранилось известие, что Осипова еще 22 ноября 1824 года написала Жуковскому о намерении Пушкина ехать за границу[1]. Позднее он был просто одержим идеей уехать из России под предлогом лечения. Хлопоты друзей и матери о том, чтобы ему разрешили поездки в Псков или Ригу для лечения, путали его планы.

Обратим особое внимание на то, что письмо сестре было отправлено, очевидно, с оказией, а не по почте. В нем имеется фраза «Сообщи мне, когда рассчитываешь выехать в Москву, и дай мне свой адрес», которая дает основание говорить о регулярной переписке между ними.

Это письмо брата очень огорчило Ольгу Сергеевну. Она показывала его Вяземскому, который писал Пушкину 28 августа: «Спасибо за два твоих письма ко мне, но за письмо к сестре деру тебя за уши и не шутя, а сериозно и больно... Бедная сестра твоя только слез, а не толку добилась из твоего письма. Она целый день проплакала и в слезах поехала в Москву».

---

[1] Русский архив.— 1872.— № 10.— С. 2358—2363; Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина.— Т. 1.— М., 1951.— С. 537.

Точно установлено, что на свое письмо Пушкин получил ответ от Ольги Сергеевны, написанный в сентябре 1825 года. К сожалению, до сих пор он не разыскан.

Судя по переписке Вяземского с женой и Ольгой Сергеевной, на сестру возлагались большие надежды в плане примирения Пушкина с родителями. Еще между 10 и 30 ноября 1824 года Вяземский просит ее написать Пушкину и «умолять его сделать первому шаги к примирению с отцом». Такие попытки предпринимались и впоследствии.

Из переписки брата и сестры видно, что между ними существовали тайны, которые они скрывали от родителей.

Сохранившееся письмо Ольги Сергеевны брату от 31 июля 1826 года дает основание предполагать, что в конце 1825 — первой половине 1826 года были одно или два письма Пушкина к ней, которые до нас не дошли.

Некоторое представление об их содержании можно получить, читая, например, письмо Вяземского Пушкину от 31 июля 1826 года, где имеются такие слова: «Сестра твоя сказывала, что ты хотел прислать мне извлечения из записок своих относительно до Карамзина. Жду их с нетерпением. Сказывала она также, что Дельвиг имеет ко мне письмо от тебя».

В письме Ольги Сергеевны от того же числа читаем: «Вчера Лев переслал твое письмо ко мне, но ничего не сообщил о письме, которое я должна получить через Дельвига... Прощай! Надеюсь, что мы скоро увидимся. Будь здоров, береги себя, бога ради».

После отъезда Пушкина в Москву, а затем в

Петербург его переписка с сестрой, естественно, уменьшилась уже хотя бы потому, что они часто жили вместе.

Из письма Арины Родионовны поэту от 30 января 1827 года ясно, что Ольга Сергеевна через какую-то даму передала Пушкину письмо, которое до нас не дошло.

В январе 1828 года Ольга Сергеевна вышла замуж за литератора, издателя и чиновника Н. И. Павлищева (1802—1879). Брак этот вызвал много толков. Лицейский товарищ Пушкина М. А. Корф, критически относившийся ко всему семейству Пушкиных, писал по этому поводу: «Сестра поэта Ольга в зрелом уже девстве сбежала и тайно обвенчалась, просто из романтической причуды, без всяких существенных препятствий к ее союзу, с человеком гораздо моложе ее»[1].

Воспоминания А. П. Керн об этом совсем иного толка: «В этом доме, в квартире Дельвига, мы с Александром Сергеевичем имели поручение матери, Надежды Осиповны, принять и благословить и хлебом новобрачных Павлищева и сестру Пушкина Ольгу. Надежда Осиповна сказала, отпуская меня туда в своей карете: «Заместите меня, дорогой друг, вот я доверяю вам эту икону — благословить дочь мою от моего имени»[2].

Об отношении Пушкина к этому событию мы знаем мало: в эпистолярном его наследии оно не нашло отражения. Укажем здесь, что письмо к Пушкину Дельвига, написанное не позднее

---

[1] А. С. Пушкин в воспоминаниях современников.— Т. 1.— С. 118.

[2] Там же.— С. 400 и примеч. 5.

18 февраля 1828 года, было послано на адрес Ольги Сергеевны, проживавшей по Владимирской улице в доме Кувшинникова. Туда же Пушкин просил писать также и Вяземского в 1831 году. В письме Пушкина Дельвигу есть следующая фраза: «Сестра просит для своего Голубчика моего Ворона; как ты думаешь. Пускай шурин гравирует, а ты печатай» (ноябрь 1828 года). Учитывая, что письмо это отправлено из Малинников, где поэт находился с 20-х чисел октября по 3 декабря 1828 года, можно думать, что просьба Ольги Сергеевны была изложена в письме к брату. Отметим, кстати, что стихотворение «Два ворона» («Ворон к ворону летит...») было опубликовано в альманахе Н. И. Павлищева («Голубчика») «Лирический альбом» за 1829 год в сопровождении нот М. Ю. Виельгорского.

В письмах Пушкина за 1829 год о сестре упоминается лишь однажды — в черновике, написанном в конце декабря и адресованном неизвестной: «Напишите Ольге, не помня зла. Она вас очень любит и будет тронута этим знаком памяти с вашей стороны». К сожалению, смысл этой фразы не расшифрован.

В письме Пушкина родителям между 6 и 11 апреля 1830 года сохранился черновик (беловик подлинника не разыскан), он сообщает о предстоящей женитьбе поэта.

В ответе Сергея Львовича от 16 апреля есть такая фраза: «Оленька как раз была у нас, когда пришло твое письмо. Ты легко можешь представить себе, какое впечатление произвело это на нее».

Вскоре после этого известия Ольга Сергеевна написала брату письмо, которое он получил не

позднее 3 мая 1830 года. К сожалению, оно до нас не дошло; о нем известно из ответного письма Александра Сергеевича, в котором он писал: «Спасибо, милая Ольга, за дружбу и поздравления. Я прочел твое письмо Натали — она много смеялась, читая его, и обнимает тебя».

Больше года прошло, прежде чем имя Ольги Сергеевны вновь появилось в переписке брата. В письме Осиповой от 29 июля 1831 года имеется сообщение о какой-то «выходке Ольги» — факт этот не расшифрован.

Семейные дела Пушкиных сложились так, что денежные и прочие материальные заботы о родителях, брате и сестре легли на плечи Александра Сергеевича и приняли настолько серьезный характер, что в конце концов ему пришлось взять на себя управление имением — нижегородским (мы об этом уже писали). Ситуация осложнялась мотовством Льва Сергеевича, а также необоснованными требованиями, претензиями и придирками мужа сестры, вызывавшими досаду и раздражение Пушкина. Вольно или невольно натянутые отношения с Павлищевым сказывались и на переписке с сестрой. Надо думать, что отсутствие ее в течение многих месяцев в определенной мере объясняется и этим.

При всем том известно, что Александр Сергеевич был в курсе того, что происходило у сестры, жившей вместе с мужем долгое время в Варшаве. В середине марта 1834 года он, например, писал П. В. Нащокину: «Сестра Ольга Сергеевна выкинула и опять брюхата. Чудеса да и только». Есть основания считать, что примерно в это время он получил не дошедшее до нас письмо от сестры «денежного» характера, вызвавшее такую фразу

в письме жене, написанном около 5 мая 1834 года: «Лев Сергеевич и отец меня очень сердят, а Ольга пачинает уже сердить».

Для характеристики отношений Пушкина с семьей сестры несомненный интерес представляет следующий отрывок из письма Павлищева к поэту от 25 октября 1834 года из Варшавы: «В последнем письме вы спрашивали, скоро ли родит Ольга? 8 (20) октября она разрешилась сыном Львом благополучно; не пишет сама к вам потому, что глаза у нее еще очень слабы. Вы были так добры, что обещали прислать что-нибудь к ее родам; теперь, более нежели когда-нибудь, вы сделаете доброе дело исполнением благого вашего намерения». Письмо это интересно еще и тем, что из него мы узнаем о существовании пушкинского письма, которое до нас не дошло.

Читая другие письма Павлищева к Пушкину, можно сделать вывод, что некоторые из них он посылал без ведома Ольги Сергеевны.

Хлопоты по имению и неприятные разговоры вокруг этого настолько надоели Пушкину, что 2 мая 1836 года он написал Павлищеву: «Я до сих пор еще управляю имением, но думаю к июню сдать его».

Между тем вскоре Пушкин узнал о болезни сестры и очень встрсвожился. 13 июля 1836 года он писал Павлищеву: «Письмо сестры перешлю к нему (Сергею Львовичу.— *Г. Д.)*, коль скоро узнаю, куда к нему писать. Что ее здоровье? От всего сердца обнимаю ее».

Письмо сестры он действительно переслал отцу и получил от него ответ из села Коровина Зарайского уезда Рязанской губернии. (Оно доставлено 7 августа 1836 года и, помимо всего

прочего, содержит указание на пропажу еще одного письма Александра Сергеевича сестре.) Вот его текст:

«Дорогой Александр. Я получил только что несколько строк от Оленьки. Она опасно больна, а в письме г-на Павлищева он мне так прямо и говорит, что осталась одна надежда на божье милосердие. Я в отчаянии. Письмо г-на Павлищева, наполненное подробностями об управлении Михайловским и о разделе жениного наследства, растерзало мне душу и разбило сердце — я провел бессонную ночь. Оно так неприлично и написано так (даже) чрезвычайно невежливо, без малейшего внимания ни к моему положению, ни к тому, что так мало времени прошло с моего несчастья.— Это человек очень жадный, очень корыстный и весьма мало понимающий то, что берет на себя.

Не можешь ли ты сообщить мне более утешительные вести об Оленьке. Она тебе писала, она мне говорит даже, что вложила туда письмо для меня. Получил ли ты мое и 100 руб. для горничной?

Прощай, дорогой друг, обнимаю вас обоих, а также деток. Я теряю голову. С. П.

Подумав, я посылаю тебе письмо г-на Павлищева в подлиннике. Имей терпение прочесть его. Ты увидишь, как он жаден, как он преувеличивает ценность Михайловского и как он мало понимает в управлении имением.— Счеты с управляющим тоже преувеличены, и потом — какая холодность!.. Он говорит о болезни Оленьки только вскользь и притом так, точно он сообщает о здоровье лица, ему постороннего, человеку, которому оно еще более чуждо».

21 августа Павлищев сообщил Пушкину о

том, что здоровье Ольги Сергеевны улучшилось, а 7 сентября Осипова написала ему, что она вновь заболела.

Последнее упоминание об Ольге Сергеевне мы находим в письме Александра Сергеевича отцу от конца декабря 1836 года. В нем он жалуется на отсутствие известий от сестры.

Анализ дошедшей до нас переписки Пушкина с сестрой позволяет сделать вывод, что не менее полутора десятков их писем до сих пор не обнаружено.

ДВА АРХИВНЫХ ДЕЛА О Л. С. ПУШКИНЕ

Из всех родных Пушкина ближе других ему был младший брат Лев Сергеевич, оказавший заметное влияние на его жизнь и творчество. Этим объясняется то внимание, которое уделяли современники и последующие исследователи личности Льва Сергеевича и его отношениям с братом. К сожалению, и здесь еще есть много «белых пятен». Одним из них является, например, вопрос об их переписке.

К настоящему времени опубликовано 40 писем Александра Сергеевича брату и всего 4 Льва Сергеевича к нему[1]. Давно установлено, что это лишь часть их переписки. По данным М. А. Цяв-

[1] В некоторых изданиях приводится не 40, а 39 писем Александра Сергеевича. Объясняется это тем, что до 1937 года письмо-записка брату, написанная карандашом в ноябре или декабре 1824 года, впервые опубликованная С. А. Соболевским в 1858 году в подстрочной сноске, не учитывалась. Оригинал этого письма-записки хранится в Пушкинском Доме (фонд № 244, № 1182).

ловского, пропало не менее 12 писем Льва Сергеевича и не менее 9 Александра Сергеевича к брату только за период с 1815 по сентябрь 1826 года. Есть основание думать, что и за последующие годы также не вся переписка найдена. Далеко не все известно и о той ее части, которая уже обнаружена. Например, четыре письма Льва Сергеевича брату опубликованы сравнительно недавно: в 1903, 1904 и 1928 годах.

Большой интерес представляет судьба этих 40 писем Александра Сергеевича брату. Не менее 34 из них Лев Сергеевич, несмотря на «ветреный» свой характер, бережно хранил в своем личном архиве, доказывая тем самым особую любовь к старшему брату.

После смерти Льва Сергеевича в 1852 году значительная часть его архива, в том числе и письма Александра Сергеевича, были переданы его наследниками Соболевскому, избранному опекуном этой семьи. Понимая громадную ценность этих писем, Соболевский составил из них особый альбом «Письма Александра Пушкина», снабдив его многочисленными пометками, которые не потеряли своего источниковедческого значения по сию пору.

До смерти С. А. Соболевского в 1870 году альбом хранился у него, а затем попал в знаменитый Румянцевский музей, преобразованный в 1925 году в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина в Москве. С 40-х годов альбом находится в Рукописном отделе Пушкинского Дома в Ленинграде, где и числится под номером 1182.

Еще при жизни Соболевского многие письма Александра Сергеевича брату были опубликованы,

но не с оригиналов, а с копий, сделанных Соболевским. Не желая предавать гласности «некоторые шуточки или намеки на лица семейственные или живущие», Соболевский изъял из писем ряд мест. Вот как случилось, что уже в первой половине XIX века пушкинские письма брату в отрывках или с купюрами начали появляться в печати. Особенно часто их использовал П. В. Анненков.

В 1858 году в Москве начал выходить журнал «Библиографические записки», издававшийся на высоком научном уровне, в котором Соболевский принял самое активное участие. Там он впервые опубликовал в наиболее полном виде имевшиеся у него письма Пушкина брату. И хотя по этическим соображениям Соболевский изъял из публикации ряд «неуместных и неприличных» мест, она вызвала сильное негодование некоторых современников. Резкий протест выразили, в частности, Наталья Николаевна и Григорий Александрович Пушкины. Решительно осудили публикацию и некоторые друзья поэта. Вот, например, что писал П. А. Вяземский известному критику и историку С. П. Шевыреву 16 февраля 1858 года: «Кто это печатает в «Библиографических записках» письма Пушкина? В них много неуместного и неприличного. Пушкин еще слишком современен, чтобы выносить сор из его избы. Многие выходки его личные, родственные, несколько кощунские, оскорбляют чувства приличия и уважения к самой памяти его. Мало ли что мог брат говорить наедине с братом, но из того не следует, что он то же сказал на площади, а печать та же площадь. Жена его, дочери, сыновья его еще живы: к чему раздевать его при них наголо?

Боюсь, чтобы не вышло тут новой цензурной тревоги. Сделайте одолжение, передайте это Соболевскому или кому подобает и предостерегите от меня цензора Крузе». Вяземский занимал в это время важный пост товарища министра народного просвещения, в ведении которого находилась цензура. Однако его угрозы не возымели своего действия, и письма в журнале продолжали печататься, а затем Соболевский издал их еще отдельной брошюрой. Как уже было сказано, в публикациях Соболевского были купюры. Целиком подлинные письма Пушкина к брату вошли в полные собрания сочинений поэта в конце XIX— начале XX века.

Однако многое еще предстоит сделать для обнаружения документов о Льве Сергеевиче Пушкине и его отношениях с братом.

В Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде хранятся два дела о Льве Сергеевиче Пушкине, которые сообщают подробности биографии младшего брата поэта, освещают их взаимоотношения.

История появления этих дел такова. В 1823 году Лев Сергеевич решил поступить на военную службу, для чего ему необходимо было представить свидетельство о своем дворянском происхождении. Хлопоты о свидетельстве предпринял его отец — Сергей Львович, который обратился с соответствующим прошением к царю Александру I, приложив к нему разнообразные документы. По существовавшим тогда правилам, подобные дела решались в Департаменте Герольдии Сената. В его архиве оно и сохранилось под № 7680а и заголовком «Дело о выдаче свидетельства на дворянство 5 класса Пушкина сыну Льву.

Началось 17 января 1823 года. Решено 17 сентября 1823 года»[1]. Не имея возможности привести полностью все документы дела, отметим лишь содержание некоторых из них.

Согласно свидетельству Московской духовной консистории, данному С. Л. Пушкину, Лев Сергеевич Пушкин родился 17 апреля 1805 года в доме графа Александра Львовича Санти, крещен был 20 апреля в Харитоньевской (в Огородниках) церкви, восприемниками были генерал-майор Павел Иванович Глебов и подполковница Мария Алексеевна Ганнибалова.

В другом свидетельстве, выданном ему департаментом 23 января 1823 года, говорится, что он «происходит от древнего дворянского рода Пушкиных, коего герб находится в высочайше утвержденном общем дворянских родов всероссийския империи гербовнике». Из документов выясняется, что «герб рода Пушкиных внесен в гербовник 5-й части в 1-е отделение на странице 18 и с оного в 1802 году гвардии порутчику Василию Львовичу выдана копия» и что свидетельство о рождении Л. С. Пушкина было затребовано также в 1817 году «для отдачи к наукам в Новоустановленный дворянский институт господином действительным статским советником Кавелиным»[2].

Хотя в заголовке дела № 7680а сказано, что оно было закончено 17 сентября 1823 года, в нем имеется еще несколько документов, относящихся

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 27, д. 7680а.

[2] Имеется в виду Д. А. Кавелин — директор Главного педагогического института в Петербурге (позднее — университета) и пансиона при нем, в котором в 1817—1821 годах учился Л. С. Пушкин.

к 1826 году, в том числе прошение Сергея Львовича Пушкина от 5 июня этого года на имя императора Николая I о том, что свидетельство о дворянстве Льву Сергеевичу, выданное ему в 1823 году, осталось в университетском пансионе, «а как он ныне имеет желание поступить в военную службу, то нужно ему иметь таковое же свидетельство о его дворянстве». В том же деле сохранился и такой документ:

«Аттестат

Дан сей служащему в Департаменте Главного управления духовных дел иностранных исповеданий дворянину Льву Пушкину в том, что он из дворян, в службу его императорского величества вступил в Департамент духовных дел 1823 года генваря 27 дня; ныне же, согласно прошению его, уволен из Департамента. В продолжении службы своей вел себя добропорядочно и к службе был рачителен. Во уверение чего и дан ему сей аттестат за подписанием моим и приложением печати Департамента. С. Петербург. Июня 19, 1826 года.

Подлинное подписал статский советник Директор Департамента Главного управления духовных дел иностранных исповеданий и ордена св. Владимира 3 степени кавалер Григорий Карташевский».

Второе дело называется «О дворянстве Пушкиных». Оно также хранится в сенатском фонде Герольдии и проходит по описи 27 1857 года (№ 7674). Дело это возникло в связи с тем, что жена Льва Сергеевича Пушкина — Елизавета Александровна Пушкина (в девичестве Загряжская) вместе с сыном Анатолием и дочерью Ольгой возбудили в Нижегородском дворянском

собрании ходатайство о том, чтобы их внесли в дворянскую родословную книгу Нижегородской губернии, и обратились с соответствующим ходатайством в Сенат. На обложке дела отмечено, что оно началось 14 января 1858 года и закончилось в мае 1859 года, но в нем имеются документы и за более раннее время.

В деле сохранилось (оригиналы или копии) полтора десятка документов, в том числе краткая родословная Л. С. Пушкина, его формулярный (служебный) список, свидетельство о браке с Е. А. Загряжской и о рождении и крещении сына Анатолия и дочери Ольги, переписка Нижегородского дворянского собрания и другие, всего на 18 листах.

Для истории взаимоотношений Льва Сергеевича с Александром Сергеевичем особый интерес представляет подробнейший формулярный список Льва Сергеевича, составленный, вероятно, в конце 40-х или в начале 50-х годов. Не имея возможности привести все данные этого документа, отметим лишь некоторые из них.

Ко времени составления формулярного списка Лев Сергеевич Пушкин служил в Одесской портовой таможне и имел чин надворного советника, получая 1227 рублей 55 копеек в год. Имения у него не было, но за его отцом числились в Лукояновском уезде Нижегородской губернии 1500 крепостных крестьян. Из параграфа УП формулярного списка видно, что воспитание он получил в пансионе при Царскосельском лицее и, не окончив курса, поступил на службу в Департамент духовных дел иностранных исповеданий. (Об учебе в пансионе при Главном педагогическом институте (университете) нет

упоминания.) В Департаменте духовных дел он служил с 1824 года по 26 октября 1826 года (в аттестате этого учреждения, хранящемся в деле № 7680а, сказано, что он вступил в службу 27 января 1823 года) и уволен «по прошению» 26 октября 1826 года.

14 марта 1827 года определен в Нижегородский драгунский полк и за отличие в сражении произведен в прапорщики 2 октября того же года. 20 мая 1829 года получил чин поручика со старшинством. 20 мая 1831 года перемещен в Финляндский драгунский полк. 28 ноября 1831 года за отличие произведен в штабс-капитаны со старшинством, а 17 декабря 1832 года уволен со службы капитаном; 14 апреля 1834 года определен чиновником особых поручений по министерству внутренних дел, откуда уволен по прошению 30 июля того же года. 13 июля 1836 года определен на военную службу при отдельном Кавказском корпусе в чине штабс-капитана по кавалерии, а 26 декабря того же года прикомандирован к Гребенскому казачьему полку. 26 апреля 1838 года за отличие в борьбе против горцев произведен в капитаны.

27 апреля 1840 года прикомандирован к Ставропольскому казачьему полку, а 10 октября того же года за отличие произведен в майоры. 5 мая 1842 года по прошению уволен с военной службы. 25 октября 1843 года определен чиновником С.-Петербургской таможни с прикомандированием к Одесской таможне, а 11 ноября того же года переименован в коллежские асессоры. 15 июня 1848 года произведен в надворные советники. Умер 19 июля 1852 года. К этому времени был женат, имел дочь Ольгу 1844 года рождения, сы-

на Анатолия 1846 года рождения и дочь Марию — 1849 года рождения.

Выяснив из архивных дел некоторые данные о Л. С. Пушкине, мы можем сопоставить их с теми штрихами к его портрету, которые встречаются в письмах А. С. Пушкина и других его сочинениях. Но сначала немного о переписке между братьями.

Из всех 40 обнаруженных и опубликованных писем Александра Сергеевича брату 34 относятся к 1820—1825 годам и только 6 написаны за следующие 10 лет (последнее из них от 3 июля 1836 года). Такая неравномерность приводит к мысли, что после 1825 года в отношениях между братьями произошли какие-то перемены.

П. В. Анненков, уделивший большое место в своей монографии «Материалы для биографии А. С. Пушкина» отношениям между братьями, делил их на периоды до и после 1825 года. Он указывает, что после 1825 года «открылась совершенная неспособность Льва Сергеевича к обязанности комиссионера, которую он исполнял с 1821 года. Дальнейшее описание сношений между братьями уже не может относиться к нашему труду, так как в них, по большей части, уже нет ничего, касающегося литературы, и много такого, что исключительно принадлежит к семейному кругу»[1]. Не будучи согласен с некоторыми утверждениями биографа Пушкина, автор солидарен с ним в том, что после 1825 года отношения между братьями заметно изменились.

В письмах и других бумагах Пушкина можно встретить прямые или косвенные сведения о

---

[1] Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина.— М., 1984.— С. 231.

многих событиях, о которых идет речь в архивных делах. Так, например, в известной автобиографической «Программе записок», сообщая о рождении Льва Сергеевича, Александр Сергеевич добавляет: «Мои неприятные воспоминания»; смысл этой фразы полностью не расшифрован. Если она связана с рождением Льва Сергеевича, то, может быть, Александр Сергеевич имел в виду два обстоятельства, упоминаемые в воспоминаниях Ольги Сергеевны Пушкиной. Она сообщает, что после рождения младшего брата к нему была приставлена любимая няня Александра — Арина Родионовна. Она же пишет, что после рождения Льва Надежда Осиповна «не могла скрывать предпочтения, которое оказывала сперва к дочери, а потом к меньшему сыну Льву Сергеевичу».

В деле № 7680а есть также весьма интересный материал по поводу рождения младшего брата, который важен и для биографии поэта. Так, в литературе не совсем точно было установлено, когда семья Пушкиных переехала из дома графа Санти на другую квартиру. Теперь мы можем сказать, что произошло это позднее апреля 1805 года.

Более или менее регулярные сведения об общении братьев начинаются с 1814 года, когда Лев Сергеевич был определен в Благородный пансион при Царскосельском лицее, где пробыл до 1817 года. Из документов видно, что решение о поступлении его в Благородный пансион при Главном педагогическом институте в Петербурге было принято не позднее октября 1817 года, в связи с чем и получено свидетельство от 16 октября этого года.

В здании пансиона у Калинкина моста в Петербурге А. С. Пушкин неоднократно бывал у брата, познакомился там со многими его соучениками, в том числе с М. И. Глинкой, Н. А. Маркевичем, С. А. Соболевским, поручал ему денежные и литературные дела, в том числе приготовление к печати поэмы «Руслан и Людмила» (1820 г.).

В январе 1821 года в пансионе института (университета) произошло скандальное событие: группа учеников побила одного из учителей «за невежество в русской литературе». Директор пансиона Д. А. Кавелин, известный своим недоброжелательным отношением к ряду воспитанников, в том числе к близкому другу Пушкина С. А. Соболевскому и Л. С. Пушкину, «напал», по выражению одного из современников, на Льва Сергеевича и потребовал изгнания его из пансиона.

Решительная защита Льва Сергеевича его товарищами не позволила Кавелину сделать это тогда, но 26 февраля он все же добился своего и исключил Л. С. Пушкина с третьего курса пансиона. Трудно сказать, когда Александр Сергеевич узнал о неприятностях брата, но, возможно, именно они заставили его написать А. А. Дельвигу 23 марта 1821 года следующие строки: «Друг мой, есть у меня до тебя просьба — узнай, напиши мне, что делается с братом — ты его любишь, потому что меня любишь, он человек умный во всем смысле слова — и в нем прекрасная душа. Боюсь за его молодость, боюсь воспитания, которое дано будет ему обстоятельствами его жизни и им самим — другого воспитания нет для существа, одаренного душою. Люби его, я знаю, что будут стараться из-

гладить меня из его сердца,— в этом найдут выгоду.— Но я чувствую, что мы будем друзьями и братьями не только по африканской нашей крови. Прощай. А. Пушкин».

На протяжении всей южной ссылки Пушкина между ним и братом ведется, хотя и не очень частая, регулярная переписка, из которой до нас дошло 13 писем поэта и не обнаружено ни одного письма от Льва Сергеевича. Александр Сергеевич постоянно тревожился о службе брата, старался помочь ему советом.

После изгнания из университетского пансиона Лев Сергеевич долго не мог себя определить, метался в поисках дальнейшего своего пути и спрашивал совета старшего брата. 21 июля 1822 года Александр Сергеевич писал ему из Кишинева: «...что ты делаешь? в службе ли ты? пора, ей-богу пора. Ты меня в пример не бери — если упустишь время, после будешь тужить — в русской службе должно непременно быть 26 лет полковпиком, если хочешь быть чем-нибудь, когда-нибудь;— следственно, разочти; — тебе скажут: учись, служба не пропадет. А я тебе говорю: служи — учение не пропадет. Конечно, я не хочу, чтобы ты был такой же невежда, как В. И. Козлов, да ты и сам не захочешь. Чтение — вот лучшее учение — знаю, что теперь не то у тебя на уме, но все к лучшему.

Скажи мне — вырос ли ты? Я оставил тебя ребенком, найду молодым человеком; скажи, с кем из моих приятелей ты знаком более? что ты делаешь, что ты пишешь?»

Мысль о том, чтобы брат пошел на военную службу, видимо, прочно овладела Пушкиным. Об этом можно судить уже по одному тому, что

4 сентября того же года он писал Льву Сергеевичу тоже из Кишинева: «Во-первых, о службе. Если б ты пошел в военную — вот мой план, который предлагаю тебе на рассмотрение. В гвардию тебе незачем; служить 4 года юнкером вовсе не забавно. К тому же тебе нужно, чтоб о тебе немножко позабыли. Ты бы определился в какой-нибудь полк корпуса Раевского — скоро был бы ты офицером, а потом тебя перевели бы в гвардию — Раевский или Киселев — оба не откажут. Подумай об этом, да, пожалуйста, не слегка: дело идет о жизни».

То обстоятельство, что 17 января 1823 года Сергей Львович обратился к императору Александру I с приведенным выше прошением, дает основание думать, что мысль Александра Сергеевича нашла поддержку в семье Пушкиных.

Случилось, однако, так, что план этот не осуществился, и Лев Сергеевич поступил на службу в Департамент духовных дел иностранных исповеданий министерства внутренних дел, возглавляемый А. И. Тургеневым. Непосредственным начальником его был К. С. Сербинович, с которым он, кажется, не очень ладил. Известно, что службой Лев Сергеевич не дорожил, вызывая недовольство Сербиновича и прочего начальства. Этим, вероятно, можно объяснить постоянное стремление Льва Сергеевича ее оставить.

Еще до поступления его в департамент А. С. Пушкин, находясь в ссылке в Михайловском, куда прибыл 8 августа 1824 года, особенно много общался с младшим братом, к неудовольствию Сергея Львовича.

В Петербург Лев Сергеевич уехал между 3 и 5 ноября 1824 года. Судя по формулярному списку, к своим служебным обязанностям он

приступил 13 ноября. Можно думать, что вскоре после этого Лев Сергеевич сообщил брату в Михайловское о том, что он тяготится службой и хочет подать в отставку. В связи с этим Александр Сергеевич писал ему 14 марта 1825 года: «Ради бога, погоди в рассуждении отставки. Может быть, тебя притесняют без ведома царя. Просьбу твою могут почесть следствием моего внушения. Погоди хоть Дельвига». Лев Сергеевич послушал старшего брата и продолжал служить с грехом пополам до июня 1826 года, о чем мы узнаем из дела № 7680а (в формулярном списке сказано, как мы упоминали, что он уволен по прошению 26 октября 1826 года).

Между тем в отношениях братьев в 1825 году произошел явный разлад. П. В. Анненков, мы уже говорили, объясняет его тем, что Лев Сергеевич перестал удовлетворять брата как комиссионер, то есть посредник, помощник в литературных делах, которые он якобы выполнял с 1821 года (говорим «якобы», так как в действительности он помогал А. С. Пушкину в этих делах еще в 1819—1820 гг.), но дело, конечно, не только в этом. Разлад был в первую очередь результатом «ветрености», легкомыслия, мотовства и необязательности Льва Сергеевича. Несомненно, свою роль здесь сыграли также те (в том числе и отец), кто старался «изгладить из сердца» Льва Сергеевича привязанность к брату. Косвенным свидетельством разлада является их переписка, но есть и прямые доказательства.

Между 15 марта и 19 июля 1825 года А. С. Пушкин написал два письма П. А. Плетневу, в которых, вероятно, очень бранил брата. До нас они не дошли, но их содержание частично раскры-

вается в ответном письме Плетнева от 19 июля этого года, где имеются такие строки: «Льву я не показывал твоих последних двух писем и не говорил, что ты писал ко мне. Он, может быть, по молодости лет и рассеян, но тебя очень любит. Твое ожесточение огорчило бы его. Что ж за радость мне быть причиной вашей ссоры, которая произошла от недоразумения? Напиши ему просто, чтобы он скорее кончил переписку разных стихотворений».

Сильное раздражение по отношению к брату чувствуется и в письме Пушкина к Дельвигу из Михайловского в Петербург от 23 июля 1825 года, где сказано: «С братом я в сношения входить не намерен. Он знал мои обстоятельства и самовольно затрудняет их. У меня нет ни копейки денег в минуту нужную, я не знаю, когда и как я получу их. Беспечность и легкомыслие эгоизма извинительны только до некоторой степени. Если он захочет переписать мои стихи, вместо того чтоб читать их на ужинах и украшать ими альбом Воейковой, то я буду ему благодарен, если нет, то пусть отдаст он рукопись мою тебе, а ты уж похлопочи с Плетневым».

Наконец, 28 июля того же года Пушкин отправил письмо Льву Сергеевичу, в котором, в частности, писал: «Словом, мне нужны деньги или удавиться. Ты знал это, ты обещал мне капитал прежде году — а я на тебя полагался. Упрекать тебя не стану, а благодарить ей-богу не за что».

Размолвка продолжалась и позднее, о чем свидетельствует переписка Пушкина с Плетневым, Вяземским, а также отсутствие переписки между братьями до самого 1827 года.

При всем своем легкомыслии Лев Сергеевич, конечно, знал и чувствовал недовольство брата. 10 ноября 1825 года он писал С. А. Соболевскому: «Ты меня против брата поставил в очень неприятное положение. Теперешние наши отношения, тебе неизвестные, требуют чрезвычайной деликатности, а ты заставляешь меня ее нарушать»[1].

Размолвка между братьями сильно огорчала их друзей, которые старались наладить их отношения. Во второй половине декабря 1825 года Е. А. Баратынский писал А. С. Пушкину: «За что ты Левушку называешь Львом Сергеевичем? Он тебя искренне любит и ежели по ветрености (в чем) как-нибудь провинился пред тобою — твое дело быть снисходительным. Я знаю, что ты давно на него сердишься, но долго сердиться нехорошо. Я вмешиваюсь в чужое дело, но ты простишь это моей привязанностью к тебе и твоему брату». 14 апреля 1826 года П. А. Плетнев писал А. С. Пушкину: «Твое письмо брату убийственное. У меня бы рука не поднялась так отвечать».

У нас нет сведений о том, как отразились на взаимоотношениях братьев события 14 декабря 1825 года, которые их обоих потрясли. О том, как воспринял восстание декабристов Пушкин, написано уже много. Некоторые данные сохранились и об отношении к этим событиям Льва Сергеевича. В воспоминаниях М. И. Осиповой имеется такой рассказ: «Кстати, брат Пушкина Лев, как рассказывал потом отец его, в день ареста Рылеева поехал к нему, отец случайно узнал об этом, стал усердно молиться, страшась, чтобы

[1] Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина.— Л., 1951.— С. 649.

сын его также не был взят; и что ж, Льва Пушкина понесли лошади, он очутился на Смоленском, и когда добрался до Рылеева — тот был уже взят».

Из показаний В. К. Кюхельбекера известно, что Л. С. Пушкин участвовал в событиях 14 декабря на Сенатской площади, но пришел туда, по выражению Кюхельбекера, «из одного ребяческого любопытства». И хотя он был в это время вооружен палашом, отнятым у жандармов, его не привлекли к следствию по делу декабристов.

Есть сведения, что еще раньше А. С. Пушкин посвятил брата в свой план тайно поехать в Петербург в декабре 1825 года.

Не позднее лета 1826 года Лев Сергеевич, запутавшись в своих амурных и денежных делах, угнетенный недовольством его поведением со стороны родных и в особенности Александра Сергеевича, решил разом разрубить сложившийся узел, бросить службу в департаменте и уйти юнкером в армию. Как следует из дела № 7680а, 5 июня 1826 года Сергей Львович обратился к царю Николаю I с просьбой выдать его сыну нужные документы. Хлопоты эти заняли много времени, и вопрос о поступлении в армию был решен только к весне 1827 года.

Точное время вступления Льва Сергеевича юнкером в Нижегородский драгунский полк установить трудно. В его формулярном списке сказано, что произошло это 14 марта 1827 года. В письме Пушкина к Дельвигу от 2 марта этого года читаем: «Лев был здесь — малый проворный, да жаль, что пьет. Он задолжал у вашего Андрие (ресторатор.— *Г. Д.*) 400 рублей и ублудил жену гарнизонного майора. Он воображает, что имение

его расстроено и что истощил всю чашу жизни. Едет в Грузию, чтоб обновить увядшую душу. Уморительно».

Вступление Л. С. Пушкина в армию совпало с внезапным нападением персов на Россию и ожесточенной русско-персидской войной. Его непосредственным начальником был близкий друг Пушкина Н. Н. Раевский-младший, а общее руководство военными действиями находилось в руках знаменитого впоследствии графа И. Ф. Паскевича-Эриванского. Пришлось ему служить и под командованием барона Розена. В действующей армии Л.С. Пушкин принял участие в ряде сражений и был неоднократно награжден орденами и другими знаками отличия.

А. С. Пушкин сильно тревожился о брате. 18 мая 1827 года он писал ему из Москвы в Тифлис: «Что ты мне не пишешь, и что не пишет ко мне твой командир? (Н. Н. Раевский.— *Г. Д.*) Завтра еду в Петербург увидаться с дражайшими родителями, как говорится, и устроить свои денежные дела. Из Петербурга поеду или в чужие края, то есть в Европу, или восвояси, т. е. во Псков, но вероятнее в Грузию, не для твоих прекрасных глаз, а для Раевского... Кончилась ли у вас война? видел ли ты Ермолова, и каково вам после его?»

В 1827 году Александр Сергеевич не сумел выбраться к брату на Кавказ, но сделал это в 1829 году, в мае. К этому времени Лев Сергеевич успел принять участие во многих стычках и сражениях с персами, турками, а потом и горцами.

На Кавказе Пушкин не только встретился с Львом Сергеевичем, но даже сам принял участие в боевых действиях, описав их в «Путешествии

в Арзрум». Ценные детали об этом же имеются в формулярном списке Л. С. Пушкина.

Интересное и подробное описание пребывания А. С. Пушкина в гостях у брата на Кавказе, а также его участия в стычке с противником можно найти в воспоминаниях И. И. Пущина, М. В. Юзефовича и других, поэтому мы не будем их здесь повторять. Обратим внимание на другое обстоятельство.

Поездка и действия Пушкина вызвали сильное недовольство властей и самого Николая I. Дело могло получить плохой оборот, и потому Пушкин был вынужден 10 ноября 1829 года обратиться с письмом к А. Х. Бенкендорфу:

«Генерал, с глубочайшим прискорбием я только что узнал, что его величество недоволен моим путешествием в Арзрум... По прибытии на Кавказ я не мог устоять против желания повидаться с братом, который служит в Нижегородском драгунском полку и с которым я был разлучен в течение 5 лет. Я подумал, что имею право съездить в Тифлис. Приехав, я уже не застал там армии. Я написал Николаю Раевскому, другу детства, с просьбой выхлопотать для меня разрешение на приезд в лагерь. Я прибыл туда в самый день перехода через Саган-Лу и, раз я уже был там, мне показалось неудобным уклониться от участия в делах, которые должны были последовать; вот почему я проделал кампанию в качестве не то солдата, не то путешественника.

Я понимаю теперь, насколько положение мое было ложно, а поведение опрометчиво; но, по крайней мере, здесь нет ничего, кроме опрометчивости. Мне была бы невыносима мысль, что моему поступку могут приписать иные побуждения».

Из переписки А. С. Пушкина 1829—1831 годов известно, что в это время он неоднократно общался с братом и оказывал ему помощь деньгами и покровительством. Он, в частности, рекомендует его своей влиятельной приятельнице Е. М. Хитрово. Поручает ему также и некоторые литературные дела. Возникает вопрос: каким образом офицер Нижегородского полка в разгар военных действий мог оказаться в столице и заниматься сугубо штатскими делами? Ответ мы находим в параграфе XIII формулярного списка Льва Сергеевича, который гласил: «Был ли в отпусках, когда и на сколько именно времени, являлся ли на срок и если просрочил, то когда именно явился и была ли причина просрочки признана уважительной». В этом параграфе сказано: «Был в 1829 г. на 4 месяца, потом высочайше продолжен этот отпуск на 2 м-ца и 14 дней, но по болезни, засвидетельствованной местным медицинским и военным начальством, просрочил 10 месяцев 15 дней».

В 1830 году в Польше вспыхнуло мощное восстание против русского царизма. Далеко не все в России правильно оценили характер этого восстания и потому резко его осудили. Среди них оказался и Лев Сергеевич, который начал просить старшего брата помочь ему перевестись из Нижегородского полка в Финляндский драгунский полк, воевавший против восставших поляков. Пушкин в связи с этим обратился с письмом к Бенкендорфу. До нас оно не дошло, но содержание его вполне проясняется благодаря ответному письму Бенкендорфа от 7 апреля 1831 года:

«Милостивый государь Александр Сергеевич.

Письмо Ваше, в коем Вы просите о переводе в действующую армию брата Вашего, поручика Нижегородского драгунского полка, я имел счастие докладывать государю императору, и его величество, приняв благосклонно просьбу Вашу, высочайше повелеть мне соизволил спросить графа Паскевича-Эриванского, может ли таковой перевод брата Вашего последовать. Приятным долгом поставляя Вас, милостивый государь, о сем уведомить, пребываю с совершенным почтением и преданностью. Ваш, милостивый государь, покорнейший слуга А. Бенкендорф. 7 апреля 1831 г.».

Можно думать, что с просьбой о содействии брату А. С. Пушкин обратился также и к Е. М. Хитрово. В его письме к ней от 8 мая 1831 года есть такое место: «Брат мой ветрогон и лентяй. Вы слишком добры, слишком любезны, принимая в нем участие. Я уже написал ему отеческое письмо, в котором, не знаю собственно за что, намылил ему голову. В настоящее время он должен быть в Грузии. Не знаю, следует ли переслать ему ваше письмо; я предпочел бы оставить его у себя».

Не без старания А. С. Пушкина Лев Сергеевич был переведен в Польскую армию. В формулярном списке это событие отмечено одной фразой: «20 мая 1831 года перемещен в Финляндский драгунский полк». Сообщая об этом П. В. Нащокину, Александр Сергеевич писал 21 июля 1831 года: «Брат мой переведен в Польскую армию. Им были недовольны за его пьянство и буянство; но это не будет иметь следствия никакого».

Не успев еще прибыть в действующую армию, Лев Сергеевич обратился к брату со следующей запиской: «Пишу тебе только два слова, да и то

лишь для того, чтобы снова докучать тебе относительно денег.— Я занял у генерала Раевского 300 рублей, которые прошу тебя уплатить ему или подателю сего. Лев Пушкин. 1831. Сего 24 июля».

В Польскую армию Л. С. Пушкин попал в самый разгар ее борьбы против восставших поляков, которую те вели, начиная с ноября 1830 года. Из формулярного списка Льва Сергеевича видно, что он принимал активное участие в битвах под Пултусском, местечком Несельским, Плонском и во время преследования остатков повстанцев, отступавших к границе с Пруссией. За участие в этой кампании он был произведен в чин штабс-капитана и награжден специальным знаком отличия военного достоинства 4-й степени.

А. С. Пушкин следил за деятельностью брата и был, вероятно, в курсе событий. В письме к Е. М. Хитрово, написанном после 10 сентября 1831 года и впервые опубликованном в 1927 году, он сообщал: «Полагаю, что мой брат участвовал в штурме Варшавы, я не имею от него известий».

В формулярном списке Л. С. Пушкина сказано, что он «уволен от службы капитаном» 17 декабря 1832 года. Есть основание полагать, что увольнение это было вызвано очередными легкомысленными поступками Льва Сергеевича. В воспоминаниях Н. И. Павлищева (иногда, правда, не очень достоверных) есть указание на то, что в конце декабря 1832 года Лев Сергеевич обратился к Александру Сергеевичу с просьбой заступиться за него перед властями в связи «с исключением его из службы». Подлинник этого письма не дошел до нас, и некоторые исследователи выражают сомнение в том, что оно было, но анализ событий

вполне допускает это. Возможность такого письма подтверждается и тем, что имеется письмо Льва Сергеевича брату от 21 февраля 1833 года, в котором он просит его похлопотать перед князем И. Ф. Паскевичем по случаю исключения его из службы.

Судя по всему, хлопоты эти не дали желаемых результатов. В отчаянии Лев Сергеевич решил поступить на гражданскую службу. Такой вывод можно сделать из следующего места письма А. С. Пушкина жене, посланного из Болдина в Петербург 6 ноября 1833 года:

«Что делает брат? я не советую ему идти в статскую службу, к которой он так же неспособен, как и к военной, но у него по крайней мере (...) здоровая, и на седле он все-таки далее уедет, чем на стуле в канцелярии. Мне сдается, что мы без европейской войны не обойдемся. Этот Луи-Филипп у меня как бельмо на глазу. Мы когда-нибудь да до него доберемся — тогда Лев Сергеич поедет опять пожинать, как говорит у нас заседатель, лавры и мирты. Покамест советую ему бить баклуши, занятие приятное и здоровое».

Лев Сергеевич, однако, не послушал брата, о чем свидетельствует следующая запись в его формулярном списке: «1834 г., апреля 14. Определен чиновником особых поручений по министерству внутренних дел. Июля 30-го. По прошению уволен». Как видим, служебного рвения ему хватило только на три месяца.

О последних днях служебной карьеры Льва Сергеевича в качестве чиновника особых поручений можно судить по письму А. С. Пушкина жене, отправленному из Петербурга в Полотняный завод 14 июля 1834 года: «Лев Сергеевич очень

себя дурно ведет. Ни копейки денег не имеет, а в домино проигрывает у Дюме по 14 бутылок шампанского. Я ему ничего не говорю, потому что, слава богу, мужику 30 лет; но мне его жаль и досадно. Соболевский им руководствует, и что уж они делают, то господь ведает. Оба довольно пусты».

Был ли какой-нибудь разговор между братьями в это время, мы сказать не можем, но 26 июля того же года Александр Сергеевич лаконично сообщает жене: «Льва Сергеевича выпроваживаю в Грузию».

Что делал Лев Сергеевич в Грузии ровно два года, нам установить не удалось. Одно несомненно: он продолжал беспечно тратить деньги, которых не имел, и платить за него приходилось Александру Сергеевичу. Бесспорным доказательством этого являются его четыре холодных деловых письма, написанных в это время, в которых речь идет только о денежных тратах. Показав с цифрами в руках трудное материальное положение всей семьи и непомерные расходы брата, Александр Сергеевич, между прочим, писал ему 23—24 апреля 1835 года: «Надо надеяться, что тогда ты займешься собственными делами и потеряешь свою беспечность и ту легкость, с которой ты позволял себе жить изо дня в день. С этого времени обращайся к родителям. Я не уплатил твоих мелких карточных долгов, потому что не трудился разыскивать твоих приятелей — это им следовало обратиться ко мне».

Поняв, видимо, свое плачевное материальное положение, огорченный справедливыми упреками брата, Лев Сергеевич решил вновь вступить в военную службу. Было ли это сделано при со-

действии Александра Сергеевича или без его участия, мы сказать не можем, но так или иначе в формулярном списке Льва Сергеевича появляется такая запись: «1836 г., июля 13 — Определен в военную службу с чином штабс-капитана по кавалерии, с состоянием при отдельном Кавказском корпусе».

Последний раз имя Льва Сергеевича упоминается в письмах его старшего брата в конце декабря 1836 года. В письме к отцу Александр Сергеевич, в частности, писал: «Я не имею никаких известий ни от сестры, ни от Льва. Последний, вероятно, участвовал в экспедиции, и одно несомненно — что он ни убит, ни ранен. То, что он писал о генерале Розене, оказалось ни на чем не основанным. Лев обидчив и избалован фамильярностью прежних своих начальников. Генерал Розен никогда не обращался с ним, как с собакой, как он говорил, но как с штабс-капитаном, что совсем другое дело».

Это письмо к отцу дает возможность прокомментировать следующую запись в формулярном списке Льва Сергеевича: «1836 г., декабря 26. Прикомандирован к Гребенскому казачьему полку».

Можно думать, что первоначально Лев Сергеевич служил под непосредственным началом генерал-адъютанта барона Григория Владимировича Розена, но затем, повздорив с ним, был переведен в Гребенский казачий полк.

В графе X этого же формулярного списка («Был в походах против неприятеля и в самих сражениях и когда именно») нет упоминания об участии Льва Сергеевича в экспедиции 1836 года, но есть такая запись: «1837 г. в экспедиции

под начальством генерал-лейтенанта Фезии, с 20 по 21 января при движении отряда из крепости Грозный и взятии аула Селим-Гирей и окрестных хуторов, в экспедиции большой Чечни; с 23 февраля по 1 апреля в движении отряда к Шамах-Юрту и Урус-Мартену и истреблении оных». Эта запись объясняет отсутствие Льва Сергеевича при погребении брата. Имеется указание, что об этих печальных событиях он узнал только в марте 1837 года.

П. А. Вяземский в воспоминаниях пишет: «После смерти брата Лев, сильно огорченный, хотел ехать во Францию и вызвать на роковой поединок барона Геккерна, урожденного Дантес, но приятели отговорили его от этого намерения»[1].

Укажем в заключение, что приведенные архивные дела дают возможность заметно расширить наши знания о жизни и деятельности Льва Сергеевича после гибели брата, о его боевых подвигах и наградах, о службе, получении чинов и прочем, вплоть до его смерти 19 июля 1852 года.

Большую ценность представляют эти дела для родословной жены Льва Сергеевича — Елизаветы Александровны и его детей Анатолия, Ольги и Марии.

Считаем целесообразным привести здесь несколько отрывков из воспоминаний современников о братьях Пушкиных.

М. А. Корф в своей «Записке о Пушкине» писал: «Брат Лев — добрый малый, но тоже довольно пустой, как отец, и рассеянный и взбалмошный, как мать, в детстве воспитывался во всех

---

[1] А. С. Пушкин в воспоминаниях современников.— Т. 1.— С. 157.

возможных учебных заведениях, меняя одно на другое чуть ли не каждые две недели, чем приобрел себе тогда в Петербурге род исторической известности, наконец, не кончив курса ни в одном, записался в какой-то армейский полк юнкером, потом перешел в статскую службу, потом опять в военную, был и на Кавказе, и помещиком, кажется — и спекулятором, а теперь не знаю где». (Написано до смерти Л. С. Пушкина.)

Из «Старой записной книжки» П. А. Вяземского: «16 июня 1853 года узнал я о смерти Льва Пушкина. С ним, можно сказать, погребены многие стихотворения брата его, неизданные, может быть, даже и незаписанные, которые он один знал наизусть. Память его была та же типография, частию потаенная и контрабандная. В ней отпечаталось все, что попадало в ящик ее. С ним сохранились бы и сделались бы известными некоторые драгоценности, оставшиеся под спудом...

Пушкин иногда сердился на брата за его стихотворческие нескромности, мотовство, некоторую невоздержанность и распущенность в поведении; но он нежно любил его родственною любовью брата, с примесью родительской строгости...

Лев, или, как слыл он до смерти, Левушка, питал к Александру некоторое восторженное поклонение. В любовь его входила, может быть, и частичка гордости. Он гордился тем, что был братом его, и такая гордость не только простительна, но и естественна и благовидна. Он чувствовал, что лучи славы брата невольно отсвечивают и на нем, что они освещают и облегчают путь ему...

Не будь он таким гулякою, таким гусаром

коренным или драгуном... может быть, и он внес бы имя свое в летописи пашей литературы...»

Из воспоминаний об А. С. Пушкине А. П. Керн:

«В тот же вечер говорили о Льве, который в то время служил на Кавказе, и я, припомнив стихи, написанные им ко мне, прочитала их Пушкину... Пушкин остался доволен стихами брата и сказал очень наивно: «И он тоже очень умен...»

Из дневника А. Н. Вульф: «30 декабря (1830 г.). ...Пушкин все еще не женился, а брат его Лев уверяет, что если Гончарова не выйдет замуж за Александра, то будет его невестою...

21 марта (1842 г.). Первым удовольствием для меня была неожиданная встреча с Львом Пушкиным. На пути с Кавказа в Петербург... заехал он к нам в Тригорское навестить нас да взглянуть на могилы своей матери и брата, лежащих теперь под одним камнем, гораздо ближе друг к другу после смерти, чем были в жизни. Обоих он не видел перед смертью и, в 1835 году расставаясь с ними, никак не думал, что так скоро в одной могиле заплачет над ними...»

О НЕРАЗЫСКАННЫХ ПИСЬМАХ НАТАЛЬИ НИКОЛАЕВНЫ ПУШКИНУ

Никто из близких поэта не вызывал и не вызывает столь жгучего интереса и не привлекает столь пристального внимания, как его жена. Еще в 30-х годах прошлого века появились апологеты и порицатели Натальи Николаевны. Спор между ними продолжается до наших дней. В пылу полемики, к сожалению, иногда затрагиваются

такие вопросы, которые не имеют отношения к исследованиям, а касаются того, что сам поэт называл «семейственной неприкосновенностью».

Несомненный интерес, однако, представляют письма Натальи Николаевны к мужу, в частности, число и содержание пропавших писем. Не касаясь здесь всевозможных рассуждений, предположений и утверждений, имеющихся в многочисленных книгах, брошюрах и статьях, напомним лишь о некоторых твердо установленных документами фактах.

Сразу же после смерти поэта Николай I приказал В. А. Жуковскому опечатать кабинет покойного, а затем поручил ему же и начальнику штаба корпуса жандармов генерал-лейтенанту Л. В. Дубельту разобрать все бумаги Пушкина.

Сохранилось письмо В. А. Жуковского А. Х. Бенкендорфу, написанное между 25 февраля и 8 марта 1837 года, которое начинается так: «Генерал Дубельт донес, и я, с своей стороны, почитаю обязанностию также донести вашему сиятельству, что мы кончили дело, на нас возложенное, и что бумаги Пушкина все разобраны. Письма партикулярные прочтены одним генералом Дубельтом и отданы мне для рассылки по принадлежности; рукописные сочинения, оставшиеся по смерти Пушкина, по возможности приведены в порядок... Всем нашим действиям был веден протокол, извлечения из коего, содержащие в себе полный реестр бумагам Пушкина, генерал Дубельт представил вашему сиятельству...

Но я услышал от генерала Дубельта, что ваше сиятельство получили известие о похищении трех пакетов от лица доверенного (высокого полета). Я тотчас догадался, в чем дело. Это доверенное

лицо могло подсмотреть за мною только в гостиной, а не в передней, в которую вела запечатанная дверь из кабинета Пушкина, где стоял гроб его и где бы мне трудно было действовать без свидетелей. В гостиной же точно в шляпе моей можно было подметить не три пакета, а пять; жаль только, что неизвестное мне доверенное лицо не подумало если не объясниться со мною лично, что, конечно, не в его роли, то хотя для себя узнать какие-нибудь подробности, а поспешило так жадно убедиться в похищении и обрадовалось случаю выставить перед правительством свою зоркую наблюдательность насчет моей чести и своей совести. Эти пять пакетов были просто оригинальные письма Пушкина, писанные им к его жене, которые она сама вызвалась дать мне прочитать; я их привел в порядок, сшил в тетради и возвратил ей».

Таким образом, письма Пушкина к жене и ее к нему оказались у Натальи Николаевны, где и хранились.

Незадолго до своей смерти Наталья Николаевна передала письма Пушкина к ней младшей дочери Наталье Александровне, а та отдала И. С. Тургеневу, который частично их опубликовал.

Что же касается писем самой Натальи Николаевны Александру Сергеевичу, то их судьба и до настоящего времени является предметом неустанных поисков и загадок. Ходили слухи, что они в свое время попали в Румянцевский музей, но потом исчезли неизвестно куда. Эта версия отрицается самими сотрудниками музея (архива). Существует мнение, что Наталья Николаевна их лично уничтожила. Раздавались

голоса, что они каким-то образом оказались за границей и находятся там до сих пор. Однако все это лишь догадки и предположения. Достоверно можно лишь утверждать, что в 1837 году они были у самой Натальи Николаевны.

В очерке сделана попытка определить количество пропавших писем, их примерную датировку и частично содержание.

Особенность работы состоит в том, что в ее основу положен, главным образом, один источник: письма Александра Сергеевича. Все остальные документы привлекаются лишь в той мере, в какой они помогают их понять, разъяснить или прокомментировать.

В течение многих десятилетий удалось обнаружить и опубликовать 78 писем Александра Сергеевича к Наталье Николаевне. Из них 14 были написаны до их свадьбы, а остальные во все последующие годы. Последние два из известных нам писем датированы 14 (с припиской 16) мая и 18 мая 1836 года. Установлено, что существовало несколько десятков писем Натальи Николаевны мужу, но за все эти годы удалось найти и опубликовать лишь одно ее письмо (вернее, приписку к письму своей матери — Натальи Ивановны) от 14 мая 1834 года. (Обратим внимание, что приписка эта была впервые опубликована П. Е. Щеголевым в 1928 году.)

Есть ли возможность выяснить хотя бы приблизительно число этих писем и примерное их содержание? Есть, говорят ученые, если тщательно проанализировать письма Пушкина к жене и другим лицам.

Не вдаваясь в глубины источниковедческого анализа пушкинских писем, укажем лишь, что

имеющиеся в них доказательства существования писем Натальи Николаевны можно (несколько условно) разделить на три группы: прямые, косвенные и предположительные.

Примером прямого доказательства могут служить следующие строки из письма Александра Сергеевича жене от 27 сентября 1832 года из Москвы: «Вчера только успел отправить письмо на почту, получил от тебя целых три. Спасибо, жена».

В качестве косвенного доказательства мы бы назвали следующее место из письма Пушкина к П. А. Плетневу из Болдина, написанного не позднее 29 октября 1830 года: «Отправляясь в путь, писал я своим, чтоб они меня ждали через 25 дней. Невеста и перестала мне писать, и где она, до сих пор не ведаю. Каково?»

В этом случае можно предположить, что до 29 октября Наталья Николаевна ему писала, а затем перестала; но было ли одно ее письмо или несколько — сказать трудно.

Самыми сложными являются предположительные или логические доказательства. Не позднее 29 мая 1834 года Пушкин писал жене из Петербурга: «Благодарю тебя, мой ангел, за добрую весть о зубке Машином. Теперь надеюсь, что и остальные прорежутся безопасно». Логика говорит о том, что эти строки появились в ответ на какое-то письмо Натальи Николаевны, полученное им до этого числа. Однако абсолютной уверенности нет: ведь она могла сообщить о «зубке Машином» и не письмом, а через кого-то устно.

Для установления количества писем Натальи Николаевны к мужу определенную роль могут сыграть имеющиеся в письмах Пушкина указания

о периодичности их переписки. Примерно 5 мая 1834 года он сообщал жене: «...Вот уже 5 дней как я не имею о тебе известия». Не позднее 30 июля того же года: «Вот уже более недели, как я не получаю от тебя писем». Не позднее 25 сентября он сетует, что не имеет от нее писем две недели. Эти и подобные места в письмах Пушкина позволяют думать, что нормальным он считал еженедельное получение писем от жены. Зная точное время их разлуки, можно приблизительно определить число писем.

Учитывая эти и другие данные, следует сказать, что писем Натальи Николаевны Александру Сергеевичу, позднее исчезнувших, было не менее 50. Вот основания для такого вывода.

Первое из писем Натальи Николаевны Пушкину, о существовании которого известно, написано до 9 сентября 1830 года и послано в Болдино. Оно явилось ответом на его письмо от конца августа, в котором он сообщал, что готов отказаться от брака, если она решила подчиниться воле своей матери — Натальи Ивановны Гончаровой. Само письмо Натальи Николаевны до нас не дошло, но его содержание стало известно благодаря письму к ней Александра Сергеевича от 9 сентября, которое начинается так: «Моя дорогая, моя милая Наталья Николаевна, я у ваших ног, чтобы поблагодарить вас и просить прощения за причиненное вам беспокойство. Ваше письмо прелестно, оно вполне меня успокоило».

В тот же день Пушкин написал письмо своему другу П. А. Плетневу, в котором имеются некоторые подробности содержания письма невесты: «Сегодня от своей получил я премиленькое письмо; обещает выйти за меня и без приданого. При-

даное не уйдет. Зовет меня в Москву — я приеду не прежде месяца...»

Принято считать, что следующее письмо Натальи Николаевны послано Пушкину 1 октября 1830 года, но есть основание думать, что еще до него было другое письмо. 30 сентября Пушкин писал ей: «Я уже почти готов сесть в экипаж, хотя дела мои еще не закончены и я совершенно пал духом. Вы очень добры, предсказывая мне задержку в Богородске лишь на 6 дней...» Из этого следует, что до 30 сентября он получил письмо от невесты с предсказанием, что его задержат в Богородске на 6 дней. Впрочем, это предположение еще требует доказательства.

О существовании письма Натальи Николаевны от 1 октября 1830 года известно из следующей фразы в ответном письме поэта, написанном не позднее 29 октября: «Письмо Ваше от 1 октября получил я 26-го». Из этого же письма видно, что письмо невесты было «короче визитной карточки» и что она, видимо, сердилась на Александра Сергеевича. Можно думать, что именно об этом письме Натальи Николаевны Пушкин писал Вяземскому 5 ноября: «Она мне пишет очень милое, хотя бестемпераментное письмо».

Наличие еще одного письма и какой-то записки Натальи Николаевны подтверждает письмо к ней Пушкина от 26 ноября 1830 года, которое начинается так: «Из вашего письма от 19 ноября вижу, что мне надо объясниться...» Есть там и такая фраза: «Вдруг я получаю от вас маленькую записку, в которой вы сообщаете, что и не думали об отъезде». Содержание письма и записки нам неизвестно, но из ответа Пушкина ясно, что Наталья Николаевна упрекала его в том, что он бывал

в деревне Абрамово у княгини Анны Сергеевны Голицыной (Всеволожской), жившей « в разъезде» с мужем,— ее имение находилось в 30 верстах от Болдина.

Поводом для такого упрека могла послужить просьба Пушкина в письме невесте от 4 ноября 1830 года о том, чтобы она ему писала на Абрамово, откуда ему доставят письмо в Болдино. Наталья Николаевна почему-то решила, что Абрамово принадлежит Голицыной, и это обстоятельство вызвало у нее недоверие к жениху и ревность. В связи с этим Пушкин писал ей 26 ноября: «Я должен был выехать из Болдина 1-го октября. Накануне я отправился верст за 30 отсюда к кн. Голицыной, чтобы точнее узнать количество карантинов, кратчайшую дорогу и пр. Так как имение княгини расположено на большой дороге, она взялась разузнать все доподлинно... Итак, вы видите (если только вы соблаговолите мне поверить), что мое пребывание здесь вынужденное, что я не живу у княгини Голицыной, хотя и посетил ее однажды... и что вы несправедливо смеетесь надо мной». В письме этом есть такая приписка: «Абрамово вовсе не деревня княгини Голицыной, как вы полагаете, а станция в 12-ти верстах от Болдина, Лукоянов от него в 50-ти верстах. Так как вы, по-видимому, не расположены верить мне на слово, посылаю вам два документа о своем вынужденном заточении».

Создается впечатление, что Наталью Николаевну не убедили доводы жениха, и она продолжала его упрекать поездкой к Голицыной. Именно это обстоятельство объясняет появление следующего письма ее Пушкину, написанного между 19 ноября и 4 декабря 1830 года. Оно до нас также

не дошло, но о его существовании и частичном содержании становится ясно из ответного письма Александра Сергеевича невесте, написанного 2 декабря: «...наконец ваше последнее письмо, повергшее меня в отчаяние. Как у вас хватило духу написать его? Как могли вы подумать, что я застрял в Нижнем из-за этой проклятой княгини Голицыной? Знаете ли вы эту кн. Голицыну? Она одна толста так, как все ваше семейство вместе взятое, включая и меня. Право же, я готов снова наговорить резкостей».

Вряд ли у Натальи Николаевны были серьезные основания укорять жениха интересом к княгине А. С. Голицыной, которой, кстати, в то время было уже 56 лет, но что какие-то колебания в отношении невесты и ее родни у него все же были, можно предположить.

Пушкин возвратился из Болдина в Москву 5 декабря 1830 года, а 26-го этого месяца он совместно с С. Д. Киселевым написал письмо их общему приятелю Н. С. Алексееву. О своей предстоящей свадьбе он лишь сообщил: «... я сговорен, душа моя, сговорен и женюсь! и непременно дам тебе знать, что такое женатая жизнь». Очень резко о предстоящей свадьбе Пушкина писал Алексееву Киселев: «Пушкин женится на Гончаровой; между нами сказать, на бездушной красавице, и мне сдается, что он бы с удовольствием заключил отступной трактат!..» Сам Пушкин вряд ли читал эти строки из письма своего приятеля, но что разговоры с ним дали повод Киселеву написать эти слова — факт очевидный.

После свадьбы супруги жили неразлучно вместе, и вполне понятно, что переписка между

ними бывала только во время поездок Александра Сергеевича или Натальи Николаевны. Так, 3 декабря 1831 года Пушкин уехал в Москву, где пробыл до 20-х чисел этого месяца. За эти дни он написал жене не менее пяти писем, из которых известно, что от нее он получил не менее двух; не позднее 16 декабря он писал: «Оба письма твои получил я вдруг и оба меня огорчили и осердили». Из дальнейшего становится ясным, что Наталья Николаевна жаловалась мужу на его слуг Алексея и Василия, на долги, которые ей надо платить, на книгопродавца и литератора Н. И. Фомина, досаждавшего ей какими-то делами. Сообщала о получении в его отсутствие письма от А. Х. Бенкендорфа, которое переслала ему в Москву, о светских новостях и встречах. Есть в письме фраза, дающая право думать, что, помимо двух писем жены, о каких говорится в начале письма, он получил еще одно: «Распечатываю письмо мое, мой милый друг, чтобы отвечать на твое». Можно предполагать, что, уже написав и запечатав свое письмо, Пушкин получил еще одно письмо от жены и решил распечатать неотправленное письмо, чтобы ответить на ее вопросы. Разумеется, это только предположение.

Есть все основания говорить еще об одном письме Натальи Николаевны, в котором она сообщала мужу о своем недомогании в связи с беременностью. Значительная часть письма Александра Сергеевича от 16 декабря 1831 года посвящена именно этой теме.

В середине сентября 1832 года Пушкин вновь уехал из Петербурга в Москву, где пробыл до 10 октября. За это время он написал жене не менее четырех писем и от нее получил тоже

не менее четырех. Первое из них Наталья Николаевна написала вскоре после отъезда мужа (он получил его не позднее 25 сентября), и содержание его касалось чисто хозяйственных вопросов: о поваре, о ее намерении съездить по делам к Плетневу и т. п. Были там сообщения о дочери Маше и разговоре с наблюдавшей за ней петербургской акушеркой Уткиной. Надо думать, что этим не исчерпывается содержание письма, так как, по словам Пушкина, оно было очень длинное. Но о чем еще говорилось в нем, мы не знаем.

Буквально через два дня Пушкин получил от жены сразу три письма, содержание которых практически остается неизвестным. Из ответа Пушкина от 27 сентября видно лишь, что речь в них шла о светских развлечениях Натальи Николаевны, которыми Александр Сергеевич был явно недоволен. Особое неудовольствие вызвало сообщение жены о том, что она в его отсутствие принимала своего двоюродного дядю Федора Матвеевича Мусина-Пушкина (в переписке он фигурирует под фамилией Пушкин). Наталья Николаевна, в свою очередь, журила мужа за его увлечения. По этому поводу Пушкин писал ей не позднее 30 сентября: «Грех тебе меня подозревать в неверности тебе и в разборчивости к женам друзей моих. Я только завидую тем из них, у коих супруги не красавицы, не ангелы прелести, не мадонны...» В одном из своих писем Наталья Николаевна, видимо, сообщила Пушкину, что начала учиться играть в шахматы. Он отвечал: «Благодарю, душа моя, за то, что в шахматы учишься. Это непременно нужно во всяком благоустроенном семействе: докажу после».

Можно думать, что, кроме четырех писем, о которых речь шла выше, было еще письмо, полученное Пушкиным от жены после 30 сентября 1832 года. Об этом свидетельствует начало его письма к ней, написанного не позднее 3 октября: «По пунктам отвечаю на твои обвинения». Далее идут объяснения о том, почему он несвоевременно ей писал, говорится о пакете Бенкендорфа, о ее жалобах на свое положение, об отношениях с прислугой и пр. Надо думать, что, если бы обвинения жены были изложены в письмах до 30 сентября, Пушкин бы не откладывал ответа на них до 3 октября.

18 августа 1833 года Пушкин выехал из Петербурга в Нижний Новгород, Казань, Симбирск, Оренбург, Берды, Уральск и другие места для сбора материалов о восстании Пугачева. В Петербург он возвратился в 20-х числах ноября этого года. За эти три месяца он написал жене не менее 16 писем, получив от нее, по существующим данным, всего шесть. Уже само такое соотношение вызывает мысль о том, что имеющиеся сведения неполны. Эта мысль подкрепляется анализом хронологии полученных Пушкиным писем: до 12 сентября — одно, 8 октября — два, 21 октября (от 4-го этого месяца) — одно. 30 октября — два. Выходит, что весь последний месяц Наталья Николаевна ему не писала.

Что касается содержания упомянутых шести писем, то в них шла речь о нарывах, которыми страдала Наталья Николаевна, о ее братьях Иване и Сергее, о доме Оливье на Пантелеймоновской улице, где жили Пушкины, о денежных делах. Заметное место в них занимают светские новости: рассказывается о женитьбе Безобразова

на княжне Хилковой, о Краевской (кто она — не установлено), Н. А. Огареве, Вяземской, Вигеле, о развлечениях Натальи Николаевны. Не совсем ясно, из каких соображений она так подробно освещает последнюю тему: для того ли, чтобы возбудить ревность мужа, или по простодушию. Во всяком случае эти строки волновали Пушкина и вызывали его недовольство, о чем он ей написал. Наталья Николаевна сообщала о перемене своей прически, о встречах с разными людьми, передавала приветы от Карамзиных, Вяземских и др. Можно предполагать, что в этих письмах были и сведения о ее и его родных. Так, например, именно от нее он узнал о намерениях Льва Сергеевича поступить в гражданскую службу.

В середине апреля 1834 года Пушкин отправил жену и детей в Ярополец — имение Гончаровых в Калужской губернии. В разлуке с ними он пробыл до конца августа — начала сентября, затем провел вместе две недели в Полотняном заводе, после чего отправился в Болдино, куда прибыл 13 сентября. В Петербург возвратился только 18 октября этого года.

В течение всех этих месяцев Пушкин вел регулярную переписку с женой — до нас дошло не менее 27 писем Александра Сергеевича. Установлено, что за это время Наталья Николаевна написала ему не менее 15—17 писем. Из Бронниц она сообщала (до 22 апреля) о том, что устала с дороги, и обещала написать из Торжка. К этому письму было приложено другое — к ее тетке Екатерине Ивановне Загряжской. Его Пушкин должен был передать по назначению. Свое обещание написать из Торжка Наталья Николаевна сдержала, о чем известно из письма к ней мужа от 24 апреля.

В другом письме (до 28 апреля) Наталья Николаевна писала о болезни сына Саши и, видимо, о том, что ее мать не хочет приехать к ней в Ярополец, поэтому самой Наталье Николаевне придется отправиться к ней. Известно, что Пушкин опасался этой поездки, боясь «семейственных сцен». Вероятно, в этом письме Натальи Николаевны содержалось также какое-то высказывание ее о русском народе, по поводу́ которого муж писал ей: «...твое замечание о просвещении русского народа очень справедливо и делает тебе честь, а мне удовольствие».

В письме до 30 апреля 1834 года Наталья Николаевна писала о своем времяпрепровождении и, в частности, о посещении бала у жены московского военного генерал-губернатора Т. В. Голицыной, чем вызвала сильное недовольство Пушкина. «Одно худо,— писал он ей 30 апреля,— не утерпела ты, чтоб не съездить на бал княгини Голицыной. А я именно об этом и просил тебя. Я не хочу, чтоб жена моя ездила туда, где хозяйка позволяет себе невнимание и неуважение... Ты говоришь: я к ней не ездила, она сама ко мне подошла. Это-то и худо. Ты могла и должна была сделать ей визит, потому что она штатс-дама, а ты камер-пажиха; это дело службы. Но на бал к ней нечего было тебе являться. Ей-богу, досада берет — и письма не хочу продолжать».

Наталья Николаевна, в свою очередь, была недовольна тем, что Пушкин находится «в лапах Соболевского». В письме от 1 мая 1834 года (Пушкин получил его около 5 мая) она, по-видимому, упрекала мужа в том, что он ухаживает за графиней Н. Л. Соллогуб и за А. О. Смирновой (Россет), в связи с чем он писал: «За Соллогуб я не

ухаживаю, вот те Христос; и за Смирновой тоже. Смирнова ужасно брюхата, а родит через месяц».

Вопрос об ухаживании Пушкина за Смирновой и Соллогуб, очевидно, был затронут и в другом письме Натальи Николаевны, которое он получил до 12 мая. В его ответе за это число читаем: «Письмо твое очень мило; а опасения насчет истинных причин моей дружбы к Софье Карамзиной очень приятны для моего самолюбия. Отвечаю на твои запросы: Смирнова не бывает у Карамзиных, ей не встащить брюха на такую лестницу... графиня Соллогуб там также не бывает, но я видел ее у княгини Вяземской. Волочиться я ни за кем не волочусь».

Единственное дошедшее до нас письмо Натальи Николаевны мужу (точнее, приписка в письме Н. И. Гончаровой) датируется 14 мая 1834 года. Поскольку оно дает представление о характере и стиле писем Натальи Николаевны вообще, приведем его полностью:

«С трудом я решилась написать тебе, так как мне нечего сказать тебе и все свои новости я сообщила тебе с оказией, бывшей на этих днях. Даже мама едва не отложила свое письмо до следующей почты, но побоялась, что ты будешь несколько беспокоиться, оставаясь некоторое время без известий от нас; это заставило ее побороть сон и усталость, которые одолевают и ее и меня, так как мы целый день были на воздухе. Из письма мамы ты увидишь, что мы все чувствуем себя очень хорошо, оттого я ничего не пишу тебе на этот счет; кончаю письмо, нежно тебя целуя, я намереваюсь написать тебе побольше при первой возможности. Итак, прощай, будь здоров и не забывай нас».

Не комментируя эту приписку по содержанию, отметим лишь две детали источниковедческого характера. Во-первых, она написана без обращения и начинается прямо с существа дела. Во-вторых, из нее следует также, что незадолго до 14 мая Наталья Николаевна послала мужу еще одно неизвестное нам письмо с оказией.

Между 14 и 29 мая, несомненно, написано также письмо Натальи Николаевны, в котором она сообщала мужу о появлении зуба у дочери Маши и упрекала в том, что его не интересуют сведения о ней, что вызвало сердитый ответ Александра Сергеевича. Не позднее 29 мая он ей писал: «Что ты путаешь, говоря: о себе не пишу, потому что не интересно. Лучше бы ты о себе писала, чем о Соллогуб, о которой забираешь в голову всякий вздор — на смех всем честным людям и полиции, которая читает наши письма. Ты спрашиваешь, что я делаю. Ничего путного, мой ангел... Ты зовешь меня к себе прежде августа. Рад бы в рай, да грехи не пускают».

В этом же письме Наталья Николаевна спрашивала мужа, как идет его работа над Петром I.

Есть основание думать, что было и письмо Натальи Николаевны, написанное между 29 мая и 8 июня, в котором шла речь об имении в Болдине. Известно, что в силу сложившихся обстоятельств Пушкин был вынужден взять на себя управление имением в Нижегородской губернии. Создается впечатление, что Наталья Николаевна не советовала это делать. 8 июня Пушкин писал ей: «Вероятно, послушаюсь тебя и скоро откажусь от управления имением. Пускай они его коверкают как знают...»

В переписке супругов этого времени тема

Болдина встречается неоднократно. 11 июня Пушкин написал жене письмо, дающее основание считать его ответом на еще одно письмо жены, в котором она упрекала его за прогулки в Летнем саду и дружбу с Соболевским. Оно начинается словами: «Нашла за что браниться!.. за Летний сад и за Соболевского. Да ведь Летний сад мой огород. Я, вставши от сна, иду туда в халате и туфлях. После обеда сплю в нем, читаю и пишу. Я в нем дома. А Соболевский? Соболевский сам по себе, я сам по себе».

В письме к мужу Наталья Николаевна делилась своими планами поездки в Калугу. Пушкин решительно возражал, неоднократно подчеркивая: «Прошу тебя, мой друг, в Калугу не ездить... Пожалуйста, мой друг, не езди в Калугу». (Несмотря на это, она все же поехала в Калугу.) Наконец, в этом же письме, по всей вероятности, затрагивался вопрос о том, как пристроить сестер Натальи Николаевны ко двору. Пушкин был против этого: «Охота тебе думать о помещении сестер во дворец. Во-первых, вероятно, откажут; а во-вторых, коли и возьмут, то подумай, что за скверные толки пойдут по свинскому Петербургу. Ты слишком хороша, мой ангел, чтоб пускаться в просительницы... Мой совет тебе и сестрам быть подале от двора; в нем толку мало. Вы же не богаты».

После 11 июня Пушкин получил новое письмо от жены и ответил на него не позднее 19 июня. Наталья Николаевна сообщала о своей болезни и болезни детей, чем сильно его расстроила.

Вслед за этим последовали два ее письма, на которые Пушкин ответил не позднее 27 июня. Совершенно очевидно, что в одном из них Наталья

Николаевна опять упрекала его в ухаживании за графиней Соллогуб. Кроме того, делилась своими планами выдать замуж своих сестер Александру (Александрину) и Екатерину Гончаровых — за лицеиста III курса С. П. Убри и соседа Гончаровых по калужскому имению С. С. Хлюстина. Кстати, Хлюстин сообщил Наталье Николаевне, что, по его сведениям, Пушкин не собирается возвращаться к жене в августе месяце, о чем она, естественно, также ему написала. Пушкин явно скептически отнесся к матримониальным планам своей жены и оказался прав: Александрина впоследствии вышла замуж за барона Фризенгофа, а Екатерина, как известно,— за Дантеса-Геккерна.

В конце июня 1834 года Наталья Николаевна написала мужу письмо, на которое тот ответил 30 июня. По его ответу можно судить о содержании ее письма: она упрекала Пушкина в ухаживании за Полиной (Прасковьей) Шишковой; обещала не кокетничать; сообщала, что отняла от груди Сашку, бранилась с няней, которая «напилась пьяной». Письмо Александра Сергеевича кончается так: «Пожалуйста, не требуй от меня нежных, любовных писем. Мысль, что мои распечатываются и прочитываются на почте, в полиции, и так далее — охлаждает меня, и я поневоле сух и скучен. Погоди, в отставку выйду, тогда переписка нужна не будет». Была ли эта концовка ответом на претензии жены или она написана по собственной инициативе — сказать трудно.

Для характеристики переписки Пушкина с женой и определения примерного содержания писем Натальи Николаевны значительный интерес

представляет его письмо от 11 июля 1834 года.

«Ты, женка моя, пребезалаберная (насилу слово написал). То сердишься на меня за Соллогуб, то за краткость моих писем, то за холодный слог, то за то, что я к тебе не еду. Подумай обо всем и увидишь, что я перед тобой не только прав, но чуть не свят. С Соллогуб я не кокетничаю, потому что и вовсе не вижу, пишу коротко и холодно по обстоятельствам, тебе известным, не еду к тебе по делам, ибо и печатаю Пугачева, и закладываю имения, и вожусь и хлопочу — а письмо твое меня огорчило, а между тем порадовало; если ты поплакала, не получив от меня письма, стало быть ты меня еще любишь, женка».

Между тем Наталья Николаевна продолжала писать мужу «лукавые», по его выражению, письма, не без умысла возбуждая его ревность. В одном из них, написанном до 14 июля, она сообщала о каком-то «обожателе». В связи с этим Александр Сергеевич писал: «А о каком соседе пишешь мне лукавые письма? кем это меня ты стращаешь? отселе вижу, что такое. Человек лет 36; отставной военный или служащий по выборам. С пузом и в картузе. Имеет 300 душ и едет их перезакладывать — по случаю неурожая. А накануне отъезда сентиментальничает перед тобою. Не так ли? А ты, бабенка, за неимением того (имеется в виду Николай I.— *Г. Д.*) и другого, избираешь в обожатели и его: дельно. Да как балы тебе не приелись, что ты и в Калугу едешь для них. Удивительно!»

Из письма Пушкина не позднее 30 июля видно, что он получил еще одно письмо от жены, которое она ему послала в начале 20-х чисел этого месяца. К сожалению, его содержание не уда-

ется установить. Следующее ее письмо было послано не позднее конца июля и получено мужем не позднее 3 августа. Наталья Николаевна сообщала о своей поездке в Калугу, о посещении там театра и фейерверка, визитах к знакомым. Целый лист этого письма был посвящен уже упоминавшемуся соседу. Пушкин был недоволен женой, о чем откровенно писал ей.

После 3 августа нет сведений о переписке между супругами до поездки Пушкина к Наталье Николаевне в конце августа. Можно думать, что в этот промежуток времени были письма, которые до нас не дошли.

Пробыв две недели с семьей в Калужской губернии, Пушкин 13 сентября приехал в Болдино для решения хозяйственных вопросов. Первое письмо жене оттуда он написал 15 (с припиской 17) сентября, не позднее 25-го этого месяца — второе. Сведений об ответных письмах Натальи Николаевны нет.

Почти год супруги прожили неразлучно в Петербурге, чем можно объяснить отсутствие переписки между ними с сентября 1834 года до сентября 1835 года.

7 сентября 1835 года Пушкин уехал в Михайловское и Тригорское, где пробыл до 12 октября. За это время известно пять его писем жене.

Из письма от 29 сентября видно, что к этому времени он получил от нее два письма, в которых она сообщала о болезни Екатерины Ивановны Загряжской и о том, что в доме произошел небольшой пожар. В одном из писем Наталья Николаевна переслала мужу записку к нему Анны Петровны Керн с просьбой похлопотать перед издателем Смирдиным о публикации ее перевода сочинений Жорж Занд.

Было еще письмо Натальи Николаевны, которое Пушкин получил до 2 октября, где она за что-то бранила мужа, но подробности его неизвестны.

Сохранилось важное известие о ее письмах этого времени. Не позднее 26 октября 1835 года Пушкин писал П. А. Осиповой в Тригорское: «Вот я, сударыня, и прибыл в Петербург. Представьте себе, что молчание моей жены объяснялось тем, что ей взбрело на ум адресовать письма в Опочку. Бог знает откуда она это взяла. Во всяком случае умоляю вас послать туда кого-нибудь из наших людей сказать почтмейстеру, что меня нет больше в деревне и чтобы он переслал все у него находящееся обратно в Петербург». Следовательно, кроме уже известных нам писем Натальи Николаевны, были еще и другие.

С октября 1835 года по апрель 1836 года Пушкин жил безвыездно с семьей и лишь 8 апреля 1836 года на короткий срок выезжал в Псковскую губернию для погребения умершей матери. Возвратился он в Петербург в 20-х числах этого месяца. Известий о переписке с женой за это время нет.

Вскоре Пушкин отправился в Москву для работы в архиве. Решение об этом было принято еще в феврале 1836 года, но поездка неоднократно откладывалась по разным причинам, в том числе в связи со смертью матери. В Москве Пушкин пробыл меньше месяца и 24 мая возвратился домой. За этот период он написал жене не менее шести писем, из которых следует, что от нее получено не менее двух. Первое было написано вскоре после его отъезда и доставлено 10 мая. Создается впечатление, что часть письма носила деловой

характер и касалась переговоров с книгопродавцами, которые Наталья Николаевна вела по поручению мужа. Спрашивала она также, как быть со стихотворением поэта А. В. Кольцова «Урожай», предназначавшимся для «Современника». Второе письмо Пушкин получил 16 мая. В нем, видимо, жена просила скорее возвратиться домой (напомним, что 23 мая Н. Н. Пушкина родила дочь Наталью), сообщала о денежных делах. Были там и петербургские новости.

С мая 1836 года и до конца своих дней Александр Сергеевич жил безотлучно с семьей и, естественно, никакой переписки с женой больше не вел.

В письмах Натальи Николаевны мало затрагивались вопросы общественно-политического характера и преобладали личные, семейные, материальные, светские. Создается впечатление, что она редко писала о творческой и в особенности поэтической работе мужа.

Не преувеличивая значения писем Натальи Николаевны как источника творческой биографии поэта, следует, конечно, выразить большое сожаление, что они до сих пор не обнаружены и не введены в научный оборот.

«ЛИЦЕЙСКОЙ ЖИЗНИ МИЛЫЙ ДРУГ...»

Вильгельм Карлович Кюхельбекер принадлежал к числу самых близких Пушкину людей. Их дружба началась в лицейские годы, и они пронесли ее через всю жизнь.

О взаимоотношениях друзей написано мно-

жество книг и статей, среди которых особое место занимает замечательный роман Ю. Тынянова «Кюхля». При всем том детали этой дружбы до сих пор не выяснены и требуют дальнейших исследований.

Ниже пойдет речь о переписке друзей и о документах, обнаруженных в конце 40-х годов в Государственном архиве Псковской области.

До недавнего времени были известны всего одно письмо Пушкина к Кюхельбекеру от 1—6 декабря 1825 года и приписка к нему в письме к поэту В. И. Туманскому от 11 декабря 1823 года. Оба эти документа опубликованы в 13-м томе полного собрания сочинений поэта.

В последние годы высказано предположение о существовании еще одного письма Пушкина Кюхельбекеру, написанного в апреле — первой половине мая 1824 года. Оно было перехвачено полицией, снявшей с него копию, и до адресата, видимо, не дошло. В письме Пушкина нашли отражение его атеистические взгляды, что и послужило одним из оснований для изгнания его со службы в Коллегии иностранных дел и ссылки в Михайловское. В десятитомном собрании сочинений Пушкина 1979 года оно публикуется с двумя вопросительными знаками: кому адресовано и когда написано. Известный пушкинист В. В. Томашевский высказал предположение, что адресатом являлся Кюхельбекер.

Итак, даже если учесть приписку Пушкина в письме к Туманскому и отрывок из перехваченного полицией письма, выходит, что всего Пушкиным написано Кюхельбекеру три письма. Что же касается писем Кюхельбекера, то нам известно пять: от 10 июля 1828 года, 20 октября

1830 года, 12 февраля, 3 августа и 18 октября 1836 года.

Зная о той дружбе, которая связывала Пушкина и Кюхельбекера со времени совместного обучения в Лицее и до самой смерти поэта, можно усомниться, что только этим и ограничилась их переписка. Ряд фактов подтверждает эти сомнения. В июле—августе 1822 года А. А. Дельвиг писал Кюхельбекеру: «Ты страшно виноват перед Пушкиным. Он поминутно о тебе заботится. Я ему доставил твою греческую оду, посланье Грибоедову и Ермолову, и он желает знать что-нибудь о Тимолеоне (герое трагедии Кюхельбекера «Аргивяне».— *Г. Д.*). Откликнись ему, он усердно будет отвечать. На него охота пришла письма писать, и он так и сыплет ими». Вполне естественно думать, что в связи с этим письмом Дельвига Кюхельбекер запросил адрес Пушкина у своего знакомого В. А. Глинки, который сообщил ему 29 ноября 1822 года: «К г. Пушкину адресуйте ваши письма: Бессарабской области в город Кишинев, где его теперешнее пребывание». Возможно, Кюхельбекер написал Пушкину письмо, которое до нас не дошло. 13 мая 1823 года Пушкин писал Н. И. Гнедичу: «Кюхельбекер пишет мне четырестопными стихами, что он был в Германии, в Париже, на Кавказе и что он падал с лошади».

Есть основание думать, что, кроме этого пропавшего письма, было еще одно, о котором Туманский писал Кюхельбекеру 11 декабря того же года из Одессы: «Два поклона твои в письме Пушкину принимаю с благодарностью...» Следовательно, было письмо Кюхельбекера Пушкину, написанное до 11 декабря 1823 года.

О том, что переписка между Пушкиным и Кюхельбекером существовала и в 1824 году, можно сделать вывод из следующих косвенных данных. 8 февраля 1824 года Пушкин писал А. А. Бестужеву, просившему новые стихи для своего издания, что не может прислать их по ряду причин, добавляя при этом: «...к тому же я обещал Кюхельбекеру, которому верно мои стихи нужнее, нежели тебе». Следовательно, между Пушкиным и Кюхельбекером велась переписка о стихах для сборника «Мнемозина», который Вильгельм Карлович готовил совместно с поэтом В. Ф. Одоевским.

В начале апреля этого года Пушкин писал П. А. Вяземскому: «Кюхельбекеру, Матюшкину, Верстовскому усердный мой поклон, буду немедленно им отвечать». Значит, было не только письмо Кюхельбекера Пушкину, но и, вероятно, ответное письмо Александра Сергеевича.

Известно, что летом 1824 года Кюхельбекер собирался в Одессу для свидания с Пушкиным и устройства па службу. В связи с этим представляет интерес следующее место из письма Пушкина тому же Вяземскому от 15 июля: «Кюхельбекер едет сюда — жду его с нетерпением. Да и он ничего ко мне не пишет; что он не отвечает на мое письмо?»

Ссылка в Михайловское не нарушила контакты Пушкина с Кюхельбекером. После появления в «Мнемозине» стихотворения Пушкина «Демон» он писал 4 декабря 1824 года младшему брату: «Не стыдно ли Кюхле напечатать ошибочно моего «Демона»! моего «Демона»! после этого он и «Верую» напечатает ошибочно. Не давать ему за то ни «Моря», ни капли стихов от меня».

Несмотря на такое раздражение, Пушкин про-

должал любить друга и ждал его приезда в Михайловское. 18 февраля 1825 года И. И. Пущин, незадолго до того посетивший Пушкина в Михайловском, писал ему из Москвы: «Кюхельбекера здесь нет. Он в деревне у матери и вероятно будет у тебя». Из переписки Александра Сергеевича с братом весной 1825 года видно, что он ждет к себе в гости Кюхельбекера. Поездка, однако, не состоялась, но переписка между ними продолжалась. Свидетельство тому — письмо Пушкина Кюхельбекеру от 1—6 декабря 1825 года, в котором он детально анализирует присланную другом комедию «Шекспировы Духи». (Это и есть то единственное письмо Пушкина Кюхельбекеру, которое дошло до нас полностью.) Но Кюхельбекер, видимо, не успел его получить из-за событий 14 декабря и бегства из Петербурга.

Кюхельбекер принял самое активное участие в восстании на Сенатской площади. Первоначально его осудили на 20 лет каторги, затем этот срок сократили до 15 лет. Из Петербургской крепости Кюхельбекер был отправлен не прямо в Сибирь, а в арестантские роты сначала при Динабургской, а затем Свеаборгской крепости.

Об участии Кюхельбекера в восстании 14 декабря Пушкин, вероятно, узнал не ранее 29 декабря, когда в газетах появилось «Подробное описание происшествия, случившегося в Санкт-Петербурге 14-го декабря 1825 года», в котором в числе главнейших виновников события назван и Кюхельбекер.

Никаких сведений о местонахождении Кюхельбекера Пушкин не знал. Между тем именно в эти дни его несчастный товарищ, скрываясь от царских властей, был почти рядом с Михайлов-

ским. Изучая в конце 40-х годов в псковском архиве материалы о Пушкине, я обнаружил в фонде псковского губернатора «Дело об отыскании коллежского асессора Кюхельбекера, участвовавшего в злонамеренном бунте». И хотя в этом деле имя Пушкина ни разу не упоминается, оно имеет, на наш взгляд, прямое отношение к биографии Александра Сергеевича. Именно это обстоятельство побуждает привести несколько документов из дела, хотя часть из них была уже опубликована в 1952 году в 58-м томе «Литературного наследства».

После разгрома восстания декабристов на Сенатской площади в Петербурге Кюхельбекер бежал вместе со своим камердинером Семеном Балашовым из Петербурга, чтобы перебраться за границу. В течение нескольких дней Кюхельбекер скрывался в поместье Горки Великолуцкого уезда, принадлежавшем его родственнику П. С. Лаврову. Затем отправился дальше — в смоленское поместье своей сестры Ю. К. Глинки.

Ниже публикуется часть документов о розыске Кюхельбекера в Псковской губернии. Остальные документы этого дела ничего существенно нового о Кюхельбекере не сообщают и потому нами опускаются. Можно лишь отметить, что, судя по ним, для поимки Кюхельбекера псковский губернатор Б. А. фон Адеркас мобилизовал все уездное начальство, а сам губернатор, в свою очередь, получал непрерывные указания из Петербурга и из Риги (от псковского и рижского военного губернатора маркиза Ф. О. Паулуччи) о необходимости найти «злоумышленника» Кюхельбекера.

Кюхельбекер был арестован в Варшаве 19 ян-

варя 1826 года и препровожден в Петербург, в Петропавловскую крепость.

«Дело об отыскании коллежского асессора Кюхельбекера, участвовавшего в злонамеренном бунте» хранится в Государственном архиве Псковской области (ф. № 20., оп. I, 1825—1826 гг., д. 725, л. 1—18).

«27 декабря 1825 г. № 222

Секретно

Господину псковскому гражданскому губернатору

В числе людей, дерзнувших на происшествие, о котором известно уже Вашему превосходительству из высочайшего его императорского величества манифеста, в 19 день сего декабря изданного, находился и, по словам очевидцев, даже участвовал в произведенном мятеже коллежский асессор Кюхельбекер.

Он 14 декабря при наступлении ночи скрылся и по всем изысканиям местопребывание его ни в столице, ни в уездах здешней губернии, равно как и на родине его в Смоленской губернии, не открыто.

По некоторым следам предполагается возможным, что Кюхельбекер, чтоб укрыть себя от поисков, отправился в Великолуцкий уезд, где в шести или семи верстах от станции Бежанец, живет родственница его, находящаяся в замужестве за некоим Петром Степановичем Лавровым.

Имея высочайшее повеление преследовать сего мятежника как одного из главных зачинщиков, признал я нужным отнестись к Вашему превосходительству, дабы Вы, милостивый государь мой, благоволили поручить, кому следует, скромным образом, без потери времени, разведать

со всей точностью, не укрывается ли Кюхельбекер у родственницы своей в Великолуцком уезде и ежели он будет найден, то прикажите, взяв его под стражу, отправить сюда под крепким караулом, скованного.

Приметы Кюхельбекера: росту высокого, сухощав, глаза навыкате, волоса коричневые, рот при разговоре кривится. Бакенбарды не растут, борода мало зарастает. Сутуловат, ходит немного искривившись, говорит протяжно, от роду ему около 30 лет.

С.-Петербургский военный генерал-губернатор П. Кутузов».

«Его превосходительству
Псковскому гражданскому губернатору господину
действительному статскому советнику
и кавалеру
Борису Антоновичу фон Адеркасу
Псковского квартального надзирателя
Спегальского

РАПОРТ

Во исполнение секретного предписания Вашего превосходительства от 29-го декабря прошлого 1825 года за № 105-м того же декабря 29 числа отправился я из города Пскова и, не найдя близ Бежанец жительства помещика Петра Степановича Лаврова, приехал в город Великие Луки, где, взяв дворянского заседателя Лучанинова, отправился в имение помещика Лаврова, отстоящее в трех верстах от большой дороги, на половине между станциями Прискухою и Михайловым погостом; на повороте с большой дороги остановился я на постоялом дворе помещика Жеребцова, называемом Валуевской, для узнания, не выехал

ли куда из села помещик Лавров, и между разговорами содержательница оного постоялого двора, жена Петрова, объявила мне, что как-то в рождественском посту был у ней остановившись какой-то господин или купец в ватной одежде с человеком и, отправивши извозчика своего, сам пошел пешком к упомянутому помещику (нрзб.) в село Горки, и как она приметы его могла упомнить, то точно он сам был Кюхельбекер. По приезде моем к упомянутому Лаврову в село Горки требовал я от него укрывающегося от поисков Кюхельбекера по доказательству открытых мною следов, что Кюхельбекер еще в рождественском посту к нему в дом прибыл, на что он мне господин Лавров объявил, что действительно был у него родственник Кюхельбекер, но 26-го еще декабря 1825 года отправил он его на своих лошадях к сестре его родной Устинье Карловне Глинкиной, жительствующей в Смоленской губернии, уезда Духовщины, в селе Закуп, во удостоверение чего и дал мне письменное объяснение.

Получа я от него, господина Лаврова, оное, тотчас отправился (в) упомянутую Смоленскую губернию в Духовщину, в село Закуп, к г-же Глинкиной. Приехавши в город Духовщину и для скорейшего отыскания жительства госпожи Глинкиной, в силу данного мне от Вашего превосходительства открытого предписания городским и земским полицейским, взял я сельского заседателя Тимофея Карницкого, которого там же и нашел в городе, с которым по известной ему дороге и прибыли мы 3-го января в вечеру в село Закуп. Наперед старался я узнать от людей г-жи Глинкиной, попавшихся мне на-

встречу, но все, которых я спрашивал, сказывали, что брата госпожи их Глинкиной, Кюхельбекера, в селе не бывало и нет; потом явился я лично (к) Глинкиной и требовал от нее по данному мне от г-на Лаврова объяснению, что его люди отвезли к ней ее брата, но она, госпожа Глинкина, тоже мне объяснила, что она своего брата Кюхельбекера от господина Лаврова людей не получала и его в ее доме не было и нет, и где он находится, ей неизвестно, и о том, что она не скрывает у себя своего брата, дала мне расписку.

По получении сего известия, что Кюхельбекера помещика Лаврова люди не привезли к сестре его, Глинкиной, предпочел я, что он, Кюхельбекер, на тех лошадях направил свой путь куда в другую сторону, и потому и отправился я с города Духовщины по тракту к губернскому городу Смоленску и оттуда по С.-Петербургскому тракту обратно к Великим Лукам, разыскивая следов по всем постоялым дворам о проезде его, но нигде оных не оказалось.

Доехав я до города Поречья, узнал на почте, что сестра Кюхельбекера, госпожа Глинкина, по подорожной проехала в С.-Петербург по тракту на Великие Луки, почему поехал я за нею и, приезжая вторично к господину Лаврову, требовал людей, которые возили Кюхельбекера, на что господин Лавров мне объявил, что госпожа Глинкина, проезжая из дому своего в С.-Петербург, была заехавши к нему, Лаврову, и сказала, что она меня обманула, а брат ее, Кюхельбекер, к ней был доставлен, но коль скоро он приехал, то она, Глинкина, в то же время отправила его, Кюхельбекера, из двора на своих лошадях с своими людьми и куда он, Кюхельбекер, поехал и где он ныне

находится — ей неизвестно, в удостоверение чего она, госпожа Глинкина, Лаврову собственной ее руки дала расписку, которую Лавров и вручил мне.

Почему я, видя, что от госпожи Глинкиной в приезде к ней брата ее, Кюхельбекера, обманут и через то она, госпожа Глинкина, скрыв следы Кюхельбекера, дала повод ему скрыться, решил я возвратиться в город Псков, в который 8-го сего января по полудни в 10-м часу прибыл и о том с представлением объяснения г. Лаврова, равно расписки г-жи Глинкиной о том, что она не скрывает у себя Кюхельбекера и таковые же ей госпожой Глинкиной данные господину Лаврову в привозе от него Кюхельбекера и уезде неизвестно куда, Вашему превосходительству почтеннейше честь имею донести.

Псковский квартальный надзиратель Спегальский».

«1-й.

10 января 1826 года.

К рапорту приложены нижеследующие документы:

Копия

№ 1. Получ[ено] 2 января 1826 года

Командированному по именному (повелению) его императорского величества псковскому квартальному надзирателю г-ну Спегальскому

Гвардии от подпоручика

Петра Степановича Лаврова

ОБЪЯСНЕНИЕ

На требование Ваше по открытым следам Вами, якобы скрывается от поисков у меня Кюхельбекер, объяснить имею, что означенный

Кюхельбекер был проездом у меня, который и отправился от меня, прошлого 1825 года декабря 26-го числа на моих лошадях к родной своей матери Кюхельбекерше, живущей у дочери своей статской советницы, г-жи Глинки, Смоленской губернии в Духовском уезде, в сельце Закуп.

Подписал гвардии подпоручик Петр Лавров. 1826 года января 2 дня».

«№ 2. Получ[ено] 3 января 1826 года

Я сим свидетельствую перед богом и государем, что я несчастного брата своего в своем доме и селении не скрываю.

Подписала статская советница Юстина Глинкина

Января 3 дня 1826 года».

«№ 3. Получ[ено] 6 января 1826 года

Я, нижеподписавшаяся, даю сие свидетельство Петру Степановичу Лаврову, что его люди и лошади довезли несчастного моего брата Кюхельбекера ко мне в Закуп, но я в свой дом его не приняла и отослала, но мне неизвестно куда он направил путь свой.

Подписала статская советница Глинкина

Января 5 дня 1826 года».

«По секрету

(ОТПУСК ОТНОШЕНИЯ ПСКОВСКОГО ГУБЕРНАТОРА Б. А. АДЕРКАСА ТИТУЛЯРНОМУ СОВЕТНИКУ М. МЯГКОВУ)

Господину титулярному советнику и кавалеру Мягкову

По высочайшему его императорского величества повелению, объявленному мне господином С.-Петербургским генерал-губернатором и кавалером Павлом Васильевичем Голенищевым-Куту-

зовым об отыскании участвовавшего в бунте 14-го декабря прошлого года и скрывшегося из столицы коллежского асессора Кюхельбекера отправлен был мною чиновник Спегальский для узнания под рукою, не скрывается ли он у сестры своей в Великолукском уезде, которая в замужестве за помещиком Петром Степановичем Лавровым, и если он, Кюхельбекер, где найден будет, взять его, заковав, и за строгим караулом представить.

Г-н Спегальский открыл след, но не отыскал его и даже не спросил Лаврова людей, которые возили Кюхельбекера в Смоленскую губернию к госпоже Глинке, которая якобы не приняла его к себе в дом и ее же лошадьми отправила его.

Люди г. Лаврова должны знать, куда они отвезли Кюхельбекера от госпожи Глинки.

Предписываю Вашему благородию немедленно отправиться в Великолукский уезд, взять людей г-на Лаврова, которые возили Кюхельбекера, снять с них показания, куда отвезли они его от госпожи Глинки и следом сим непременно отыскать Кюхельбекера, взять его, сковать и представить мне.

Приметы Кюхельбекера[1]:

С Вами отправляю надежного жандарма и прилагаю при сем предписание Торопецкому г-ну предводителю дворянства майору Кутузову, который Вам доставит возможность действовать в Смоленской и Тверской губернии, по известности местоположения оных. Из Казенной палаты предложил я Вам отпустить примерно пятьсот руб., в коих по возвращении отдадите отчет. Подорожная и открытый лист при сем прилагается».

Выше упоминалось о том, что в начале 1825 года Кюхельбекер собирался навестить опального

[1] Приметы Кюхельбекера в тексте отсутствуют.

друга в Михайловском, но поездка эта не состоялась, и переписка между ними продолжалась почти до самого дня восстания. Читая документы о поиске Кюхельбекера в Псковской губернии, невольно приходишь к соблазнительной мысли о том, что Кюхельбекер подумывал найти временное укрытие в Михайловском. Впрочем, если такая мысль даже и мелькала у Кюхельбекера, то он должен был ее отбросить не только потому, что было бессмысленно искать убежище в местах, находящихся под наблюдением властей, но и потому, что это могло поставить под удар Пушкина.

Ничего не зная о друге, Пушкин в то же время постоянно думал о нем. Об этом свидетельствуют сделанные им в январе 1826 года рисунки декабристов, в том числе и Кюхельбекера.

Известие об аресте Кюхельбекера в Варшаве появилось в газетах в самом конце января, а в начале февраля 1826 года Дельвиг писал Пушкину: «Наш сумасшедший Кюхля нашелся, как ты знаешь по газетам, в Варшаве. Слухи в Петербурге переменились об нем, как должно было ожидать всем знающим его коротко. Говорят, что он совсем не был в числе негодных Славян, а просто был воспламенен, как длинная ракета... Как от сумасшедшего от него можно всего ожидать, как от злодея ничего». 20 февраля Пушкин отвечал Дельвигу: «Очень благодарен за твои известия, радуюсь, что тевтон Кюхля не был Славянин — а охмелел в чужом пиру». (Как известно, и Пушкин, и Дельвиг ошиблись в своей оценке роли Кюхельбекера в движении декабристов.)

В октябре 1827 года по дороге в Динабургскую

крепость Пушкин неожиданно встретился с Кюхельбекером на станции Залаза. Попытка поэта поговорить с закованным в кандалы другом и передать ему деньги окончилась неудачей: конвоиры насильно растащили их и даже грозили Пушкину карой. Событие это оставило неизгладимый след в сердцах друзей.

Первое из известных писем Кюхельбекера Пушкину и Грибоедову было передано им из Динабургской крепости в июле 1828 года. Сообщая о своей жизни и планах, Кюхельбекер между прочим писал: «Свидание с тобою, Пушкин, вовек не забуду». Вместе с письмом Кюхельбекеру удалось переправить друзьям несколько своих произведений. Сведений об ответе Пушкина на это письмо нет, хотя можно думать, что он был.

Следующее письмо Кюхельбекера Пушкину из Динабургской крепости датировано 20 октября 1830 года. Судя по всему, в течение прошедших двух лет ему не удавалось переправить Пушкину свои письма. Обращаясь к Александру Сергеевичу с просьбой написать ему, Кюхельбекер добавляет: «Напиши, говорю, разумеется не по почте, а отдать моим, авось они через год, через два или десять найдут случай мне передать».

Ответил ли Пушкин на это письмо, также неизвестно, но в том, что всячески старался помочь другу, нет никакого сомнения. 19 июля 1831 года, например, он писал их общему лицейскому товарищу М. Л. Яковлеву: «Еще просьба: у Дельвига находились готовые к печати две трагедии нашего Кюхли и его же «Ижорский», также и моя баллада *о рыцаре, влюбленном в деву*. Не может ли это все Софья Михайловна (речь идет о жене Дельвига.— *Г. Д.*) оставить у тебя? Плетнев и я, мы бы

постарались что-нибудь из этого сделать». 23 июля того же года Яковлев ответил Пушкину, что вдова Дельвига обещала передать названные произведения.

27 мая 1832 года Пушкин обратился к Бенкендорфу с письмом, которое начинается так: «Генерал, девица Кюхельбекер просила узнать у меня, не возьму ли я на себя издание нескольких рукописных поэм, оставленных ей ее братом. Я подумал, что дозволения цензуры для этого недостаточно, а необходимо разрешение вашего превосходительства. Осмеливаюсь выразить надежду, что разрешение, о котором я ходатайствую, не может повредить мне: я был школьным товарищем Кюхельбекера, и вполне естественно, что его сестра в этом случае обратилась ко мне, а не к кому-либо другому». Известно, что разрешения на это Пушкин не получил. Однако несмотря на неизбежные неприятности, он все же добился публикации «Ижорского». Сохранилось письмо поэту цензора В. И. Семенова от 15 июня 1833 года, в котором сообщалось о просмотре и подготовке к печати двух первых частей этого произведения Кюхельбекера.

В мае 1834 года Пушкин добился через III Отделение разрешения послать Кюхельбекеру экземпляр своих сочинений.

Не успело правительство сообщить о некотором послаблении в отношении декабристов (14 декабря 1835 года), как Пушкин пишет 26 декабря П. А. Осиповой: «Государь только что оказал свою милость большей части заговорщиков 1825 г., между прочим и моему бедному Кюхельбекеру. (.....). Край прекрасный, но мне бы хотелось, чтобы он был поближе к нам; и, может быть, ему

позволят поселиться в деревне его сестры, г-жи Глинки». Эти надежды Пушкина не осуществились: Кюхельбекеру пришлось поселиться в Баргузине. Пользуясь некоторым послаблением режима, Кюхельбекер написал Пушкину 12 февраля 1836 года письмо с глубокой благодарностью за все, что он сделал для него. В письме содержится просьба писать ему.

Очень скоро друзья должны были с горечью убедиться, что их надежды на «милость» правительства были наивными. 28 апреля 1836 года управляющий III Отделением А. Н. Мордвинов писал Пушкину: «Его сиятельство граф Александр Христофорович просит Вас доставить к нему письмо, полученное вами от Кюхельбекерга (так в подлиннике.— *Г. Д.*), и с тем вместе желает непременно знать, через кого Вы его получили». В тот же день Пушкин ответил Мордвинову: «Спешу препроводить к Вашему превосходительству полученное мною письмо. Мне вручено оное тому с неделю, по моему возвращению с прогулки, оно было просто отдано людям безо всякого словесного препоручения неизвестно кем. Я полагал, что письмо доставлено мне с Вашего ведома».

Несмотря на явное шпионство и шантаж, Пушкин все же ответил другу. Об этом свидетельствует следующий отрывок из письма к нему Кюхельбекера от 3 августа 1836 года: «Признаюсь, любезный друг, что я, было, уже отчаялся получить от тебя ответ на письмо мое: но тем более я ему обрадовался; жаль только, что при нем не было первой книжки твоего журнала; я ее не получил». Само письмо Пушкина не обнаружено.

Анализ приведенных данных дает основание

сделать вывод о том, что до сих пор не обнаружено не менее четырех писем Пушкина Кюхельбекеру и столько же его писем к поэту. Тот факт, что на протяжении последних десятилетий удалось представить читателю часть переписки Пушкина, вселяет надежды, что возможно будет найти остальную переписку его с Кюхельбекером или хотя бы выяснить ее судьбу.

«ТУРГЕНЕВ, ВЕРНЫЙ ПОКРОВИТЕЛЬ...»

В Центральном государственном историческом архиве СССР хранится свыше 10 000 дел Государственной канцелярии, ведавшей личным составом высшего законосовещательного органа Российской империи Государственного совета. Одно из них под № 1133 называется: «О службе Действительного статского советника А. И. Тургенева»[1]. Оно состоит из 111 листов и содержит множество документов, касающихся старшего современника и близкого друга Пушкина Александра Ивановича Тургенева.

Особое внимание привлекает послужной список Тургенева, в котором прекрасным писарским почерком записаны все важнейшие служебные перемены в его жизни, начиная с 1800 года и кончая 20-ми годами XIX века. Наибольшую ценность документ этот представляет, разумеется, для биографии самого Тургенева, но, как нам кажется, он может быть полезен и для выяснения его отношений с Пушкиным.

Известно, что Тургенев сыграл важную роль в определении Пушкина в Царскосельский лицей.

[1] ЦГИА СССР, ф. 1162, 1812 г., оп. 7, д. 1133.

Об этом Пушкин упоминает в своей программе записок 1830 года: «Меня везут в П(етер)Б(ург). Езуиты. Тургенев. Лицей». Из послужного списка Тургенева видно, что в сентябре 1810 года он был «высочайше определен» директором Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий, а 28 ноября того же года получил чин коллежского советника. Занимая столь высокое положение, Александр Иванович имел возможность оказать большую помощь своему подопечному.

В течение всего лицейского периода Пушкин общался с Тургеневым, посвящая его в свои творческие планы. Записи в послужном списке дают основания сказать, что и Тургенев сообщал своему молодому другу не только о литературных, но и служебных делах. Доказательством тому служат строки из знаменитого послания Тургеневу, написанного Пушкиным 8 ноября 1817 года:

Тургенев, верный покровитель
Попов, евреев и скопцов,
Но слишком счастливый гонитель
И езуитов, и глупцов.

Здесь прямое указание на служебную деятельность Тургенева, решавшего по характеру своей службы многочисленные вопросы об «иноверцах», которыми ведал возглавляемый им департамент.

Отдельные записи в послужном списке Тургенева могут быть полезными при определении времени написания пушкинских строк, а также их комментировании. Исследователи до сих пор не могут установить, когда Пушкин написал свое послание Тургеневу, которое начинается так:

В себе все блага заключая,
Ты, наконец, к ключам от рая
Привяжешь камергерский ключ...

В формулярном списке Тургенева имеется запись, что 22 февраля 1819 года он произведен в придворный чин камергера. Как известно, знаком придворного чина был ключ. Следовательно, Пушкин поздравляет друга с камергерством, которое он получил 22 февраля, а значит, послание не могло быть написано раньше этой даты.

Немаловажную помощь может оказать послужной список при исследовании переписки Пушкина с Тургеневым. В Полном собрании сочинений Пушкина опубликовано всего 9 писем и записок поэта к Тургеневу и три от него к Александру Сергеевичу. Есть все основания утверждать, что часть их переписки пока не разыскана.

21 августа 1821 года Тургенев сообщал о том, что он получил письмо Пушкина. «Письмо невелико, но ноготок остер»,— комментировал он[1]. До нас оно не дошло.

8 октября 1823 года Ф. Ф. Вигель писал Пушкину: «Посылаю вам, любезнейший Александр Сергеевич, письмо Тургенева, более вам, чем мне, принадлежащее». Следовательно, было письмо Тургенева, написанное до 8 декабря, которое тоже до нас не дошло.

15 марта 1825 года А. И. Тургенев писал Вяземскому из Петербурга в Москву: «Василию Львовичу отдал расписку... Я получил письмо со вложением от племянника». И это письмо не сохранилось.

О пропаже еще одного письма Тургенева Пушкину свидетельствует письмо поэта от 1 декабря 1823 года, в котором он благодарит за помощь,

---

[1] Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина.— С. 312.

оказанную ему при переводе из Кишинева в Одессу.

Эти и другие сведения не оставляют сомнений в том, что часть переписки пропала, но сколько писем и за какое время — пока сказать не можем.

Есть ли вероятность выяснить еще что-либо об этой переписке? Нам кажется, есть. Обратим внимание на хронологию опубликованных писем.

Пушкин — Тургеневу

1) 9 июля 1819 года
2) 7 мая 1821 года
3) 1 декабря 1823 года
4) 14 июля 1824 года
5) 9 сентября 1834 года
6) 10 сентября 1834 года
7) 11 декабря 1834 года
8) 16 января 1837 года
9) 26 января 1837 года

Тургенев — Пушкину

1) 14—15 июля 1831 года
2) 29 октября 1831 года
3) 15 декабря 1836 года

Даже беглый взгляд на эти данные заставляет усомниться в их полноте. Трудно себе представить, что на 9 писем и записок Пушкина было получено всего три ответа Тургенева. Вызывает сомнение тот факт, что Пушкин начал писать Тургеневу только в 1819 году, а Тургенев Пушкину — вообще лишь с 1831 года.

Обращает на себя внимание и отсутствие писем Пушкина Тургеневу в течение 10 лет, между 1824—1834 годами. Эти и другие сведения, а также анализ отношений между Пушкиным и Тургеневым в разные годы, и в частности в 1824—1834-е, дают основание думать, что поиск их переписки следует продолжать. Это утверждение, как нам кажется, подкрепляется и тем, что пять из девяти

пушкинских писем были обнаружены и опубликованы только в 1911 году.

Несмотря на то что перед нами предстала лишь часть переписки Пушкина с Тургеневым, именно эти письма, а также письма третьим лицам, в которых есть многочисленные упоминания Пушкина о Тургеневе, являются важнейшим источником для выяснения отношений между этими людьми.

Широко известна характеристика Тургенева, данная отцом Пушкина после гибели сына: «Да узнает Россия, что она Тургеневу обязана любимым ей поэтом». Можно ли согласиться с такой оценкой роли Тургенева в жизни и творчестве Пушкина? Попробуем ответить на этот вопрос, читая и анализируя их эпистолярное наследие.

Известен литературный портрет Тургенева, нарисованный Пушкиным в двух стихотворениях, ему посвященных,— «Тургенев, верный покровитель...» (1817) и «В себе все блага заключая...» (1819).

В письмах Пушкина разных лет находим ценнейшие дополнения к портрету Тургенева. Если в стихах он представлен как «верный покровитель попов, евреев и скопцов», то в письмах фигурирует как «милый наш муфти», «его преосвященство», «отче». Встречаются там и чисто внешние описания друга: 11 июня 1831 года Пушкин пишет Вяземскому: «Видел я Тургенева и нашел в нем мало перемены: кой-где седина, впрочем, та же живость, по крайней мере при первом свидании».

Зная любовь и стремление Тургенева оказывать помощь людям, Пушкин нередко обращался к нему с просьбами. Уже в первом из дошедших до нас писем его к Тургеневу от 9 июля 1819 года чита-

ем: «...когда вы увидите белоглазого Кавелина, поговорите ему, хоть ради вашего Христа, за Соболевского, воспитанника Университетского пансиона. Кавелин притесняет его за какие-то теологические мнения и достойного во всех отношениях молодого человека вытесняет из пансиона, оставляя его в нижних классах, несмотря на успехи и великие способности». Позднее Пушкин неоднократно обращался к Тургеневу с просьбой помочь ему лично.

Занимая с 1810 года важный пост директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий министерства внутренних дел, Тургенев, вероятно, раньше других узнал о доносе Каразина на Пушкина министру внутренних дел В. П. Кочубею и грозящей поэту опасности. Приехав 16 апреля 1820 года из Москвы в Петербург, он писал 21 апреля Вяземскому в Варшаву о том, что Пушкин «из беды, в которую попал, спасен моим добрым гением и добрыми приятелями». Пушкин и его близкие знали о роли Тургенева во всей этой истории и были ему глубоко благодарны.

Прошел год, и Пушкин вынужден был снова обратиться за помощью к Тургеневу, 7 мая 1821 года он пишет ему: «Мочи нет, почтенный Александр Иванович, как мне хочется недели две побывать в этом пакостном Петербурге: без Карамзиных, без вас двух, да еще без некоторых избранных, соскучишься и не в Кишиневе, а вдали камина княгини Голицыной замерзнешь и под небом Италии. В руце твои предаюся, отче! Вы, который сближены с жителями Каменного острова, не можете ли вы меня вытребовать на несколько дней (однако ж не более) с моего острова Памфоса? Я привезу вам за то сочинение во вкусе Апока-

липсиса»[1]. Письмо кончается так: «Верьте, что, где б я ни был, душа моя, какова ни есть, принадлежит вам и тем, которых умел я любить».

О том, что Тургенев получил это письмо, свидетельствует уже тот факт, что оно хранилось в архиве братьев Тургеневых и было впервые опубликовано только в 1911 году. Сделал ли Александр Иванович попытку выполнить просьбу друга, и, если да, почему из этого ничего не вышло, неизвестно. Впрочем, можно высказать предположение, что Тургенев не успел принять меры для выполнения этой просьбы, так как узнал об отказе от нее Пушкина. В пользу такого мнения говорят следующие строки из письма Пушкина брату Александра Ивановича — Сергею Ивановичу от 21 августа 1821 года: «...его преосвященству (т. е. А. И. Тургеневу.— *Г. Д.*) писал я письмо, на которое ответа еще не имею. Дело шло об моем изгнании — но если есть надежда на войну, ради Христа, оставьте меня в Бессарабии». Можно добавить для ясности, что речь шла о восстании в Греции против Турции и о возможной войне России в связи с этим. Известно, что Пушкин был на стороне греков и подумывал об участии в военных действиях.

Летом 1823 года Пушкин переезжает в Одессу под начало М. С. Воронцова. Два человека сыграли в этом переезде особенно большую роль: Вяземский и Тургенев. Первому, по-видимому, принадлежала сама идея, но осуществление ее, несомненно, было делом Тургенева. 1 июня 1823 года он сообщал Вяземскому: «Я говорил с Нессельроде

---

[1] Исследователи полагают, что под «сочинением во вкусе Апокалипсиса» имеется в виду «Гавриилиада».

и с графом Воронцовым о Пушкине. Он берет его к себе от Инзова и будет употреблять, чтобы спасти его нравственность, а таланту даст досуг и силу развиться»[1]. Похоже, однако, что уже тогда он не был уверен в том, что переезд под начало Воронцова принесет пользу поэту. 15 июня того же года он писал Вяземскому: «О Пушкине вот как было. Зная политику и опасения сильных сего мира, следовательно и Воронцова, я не хотел говорить ему, а сказал Нессельроде в виде сомнения, у кого он должен быть: у Воронцова или Инзова. Граф Нессельроде утвердил первого, а я присоветовал ему сказать о сем Воронцову. Сказано — сделано. Я после и сам два раза говорил Воронцову, истолковал ему Пушкина и что нужно для его спасения. Кажется, это пойдет на лад. Меценат, климат, море, исторические воспоминания — все есть; за талантом дело не станет, лишь бы не захлебнулся. Впрочем, я одного боюсь: тебя послали в Варшаву, откуда тебя выслали; Батюшкова — в Италию — с ума сошел; что то будет с Пушкиным?»[2] Увы, пророчество Тургенева полностью оправдалось. Как известно, Пушкин был сослан в Михайловское.

Написал ли Тургенев о своих хлопотах Пушкину, мы сказать не можем. Известно лишь, что 3 июля поэт прибыл из Кишинева в Одессу. Как уже было сказано, в октябре 1823 года Вигель переслал Пушкину письмо Тургенева, которое до нас не дошло. Косвенным подтверждением существования такого письма может служить следующий отрывок из письма Пушкина своему знакомому

---

[1] Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С Пушкина.— С. 385.
[2] Там же.— С. 387.

А. А. Шишкову: «Недавно узнал я, что ты знакомец и родственник почтенному нашему Александру Ивановичу (Тургеневу.— *Г. Д.*). Он доставляет мне случай снестись с тобой, а сам завален бумагами и делами — любить тебя есть ему время, а писать к тебе — навряд».

1 декабря 1823 года Пушкин написал большое письмо Тургеневу. Сохранился его беловой оригинал и черновой набросок, в котором отсутствуют стихи и некоторые строки (находился в архиве братьев Тургеневых, а затем у И. Ф. Золотарева, П. Я. Дашкова, в Лицейском музее, а сейчас — в Пушкинском Доме). Не приводя письмо полностью, обратим внимание на следующий отрывок: «Я обнимаю вас из прозаической Одессы, не благодаря ни за что, но ценя в полной мере и ваше воспоминание и дружеское попечение, которому обязан я переменою своей судьбы... Благодарю вас за то, что вы успокоили меня насчет Николая Михайловича и Катерины Андреевны Карамзиных...»

Отрывок не оставляет сомнений в том, что письмо было ответом на не дошедшее до нас письмо Тургенева, в котором, в частности, речь шла о Карамзиных. Письмо Пушкина свидетельствует о горячей благодарности поэта за участие и помощь Тургенева в переводе его в Одессу. Возникает лишь вопрос: идет ли речь об этом не дошедшем до нас письме Тургенева Пушкину, переданном через Ф. Ф. Вигеля в октябре 1823 года, о котором говорилось выше, или после него Тургенев послал поэту еще одно письмо, также пока не обнаруженное? Вероятнее всего, надо иметь в виду это второе письмо. Об этом говорит дата в пушкинском ответе: трудно поверить, что, получив

письмо Тургенева в октябре, Пушкин написал ему только 1 декабря.

В течение первой половины 1824 года Пушкин держит Тургенева в курсе своих творческих дел. Из его письма брату, относящегося к январю — февралю 1824 года, видно, что у Тургенева находились его «Бахчисарайский фонтан», «Песнь о вещем Олеге» и другие произведения. Возможно, контакты осуществлялись через Льва Сергеевича и родителей поэта. 11 марта, например, Тургенев сообщает Вяземскому: «Завтра обедаем у отца поэта Пушкина».

Насколько Тургенев был осведомлен о других делах Пушкина, можно видеть из следующего примера. Между 1 и 15 апреля у Пушкина должна была состояться дуэль с неизвестным нам лицом. Тургенев не только знал об этом, но и сообщил 2 мая Вяземскому, что противник поэта отказался стрелять и Пушкин «отпускает его с миром»[1].

Из послужного списка Тургенева мы узнаем, что 17 мая 1824 года он был «по высочайшему указу» уволен от должности директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий.

Между тем назревавший конфликт Пушкина с Воронцовым закончился тем, что 2 июня 1824 года поэт написал прошение об отставке. Трудно сказать, от кого и когда Тургеневу стало известно об этом. Мы знаем лишь, что 1 июля 1824 года он написал Вяземскому о своих бесплодных попытках через Нессельроде добиться, чтобы поэта оставили при Воронцове; о переговорах с их общим знакомым Севериным по поводу того, как помочь Пушкину в создавшейся ситуации, и о решении об-

[1] Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина.— С. 454—455.

ратиться за помощью и покровительством к генерал-губернатору прибалтийских и Псковской губерний Ф. О. Паулуччи. Можно, следовательно, утверждать, что Тургенев сыграл свою роль в том, чтобы хоть как-то облегчить участь друга.

14 июля Пушкин отправил Тургеневу письмо, но не по почте, а через княгиню С. Г. Волконскую. Оно напечатано в Полном собрании сочинений под № 92. Приведем из него лишь некоторые отрывки.

Сообщая о полученной им отставке, поэт пишет, что намерен заняться поэзией и собирается послать Тургеневу несколько строф из «Онегина». Из письма видно, что Пушкин уже знал об отставке с поста министра «губителя просвещения» князя А. Н. Голицына и назначении на его место А. С. Шишкова, а также об отставке — стараниями врагов — и самого Тургенева с поста директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий. По этому поводу он пишет: «Последняя перемена министерства обрадовала бы меня вполне, если бы вы остались на прежнем своем месте. Это истинная потеря для нас, писателей; удаление Голицына едва ли может оную вознаградить». Пушкин не просит Тургенева о помощи, понимая, видимо, создавшееся у него трудное положение, но слова «с нетерпением ожидаю решения вашей участи и с надеждой поглядываю на ваш север» говорят о том, что он все же надеется на помощь друга.

В связи с отставкой Тургенева хочется высказать предположение, что в этом деле определенную роль могло сыграть и то, что Александр Иванович неоднократно и деятельно помогал опальному поэту, о чем в правительственных кру-

гах, конечно, знали. Это предположение, разумеется, нужно еще доказать.

Чтобы закончить разговор об отставке Пушкина, отметим еще одну деталь. 5 августа 1824 года Тургенев писал Вяземскому: «Ты уже знаешь, что Пушкин отставлен; ему велено жить в псковской деревне отца его под надзором Паулуччи. Это не по одному представлению графа Воронцова, а по другому делу, о котором скажу после на словах»[1].

О каком деле идет речь? Нам этого не удалось установить.

После отставки того и другого отношения между друзьями не изменились: Пушкин продолжает обращаться за помощью к Тургеневу по литературным и личным делам, например, в связи с незаконным изданием «Кавказского пленника» писателем и переводчиком Е. И. Ольдекопом осенью 1824 года, ссорой с отцом и другими событиями, а Тургенев, сохранивший свое влияние в обществе, делает все, что от него зависит. Можно, однако, предположить, что после высылки Пушкина в Михайловское Тургенев действовал более осторожно. В декабре 1824 года он, например, отговаривал И. И. Пущина ездить к Пушкину из-за того, что тот находится «под двойным надзором — и политическим и духовным». Похоже, что сам Тургенев в это время также не писал Пушкину. Такой вывод можно сделать из того, что не позднее 20 декабря Пушкин просил Льва Сергеевича написать ему о Тургеневе.

Есть основания утверждать, что между 1 и 15 марта 1825 года Пушкин написал Тургеневу

[1] **Цявловский М. А.** Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина.— С. 502.

письмо, которое, однако, до нас не дошло. Ответил ли на него Александр Иванович, сказать трудно, скорее всего, нет. Такой вывод напрашивается из следующего места его письма к Вяземскому от 2 мая 1825 года: «Перестань переписываться с Пушкиным: и себе и ему повредить можешь. Он не унимается: и сродникам и приятелям — всем достается от него».

В связи с неблагоприятной обстановкой, сложившейся для Тургенева в России, он надумал уехать за границу. Об этом огорчительном для всех его друзей решении сообщил Пушкину поэт И. И. Козлов в письме от 31 мая 1825 года, где оценивает это событие как «невознаградимую потерю». Можно думать, что Пушкин разделял такое мнение.

Обратим внимание на следующую деталь. В послужном списке Тургенева (25 июня 1825 года) записано: «Уволен бессрочно за границу к минеральным водам с сохранением при нем получаемых окладов». Из письма же поэта Козлова следует, что друзья Тургенева знали о его отъезде еще раньше.

Со второй половины 1825 года имя Тургенева весьма редко встречается в переписке Пушкина. Складывается впечатление, что они знали друг о друге лишь из информации, которую получали от третьих лиц. Так, например, 13 декабря Вяземский сообщает Тургеневу за границу об окончании «Бориса Годунова» и приводит при этом выдержку из письма к нему Пушкина от 7—9 ноября. 31 июля 1826 года Вяземский пишет Пушкину из Ревеля: «Александр Тургенев ускакал в Дрезден к брату своему Сергею, который сильно и опасно занемог от беспокойства по брате Ни-

колае. (Н. И. Тургенев по делу декабристов был приговорен заочно к смертной казни и стал политическим эмигрантом.— *Г. Д.*) Несчастные!»

Изредка имя Тургенева мелькает в письмах Дельвига. В течение 1827—1830 годов главным информатором Пушкина и Тургенева друг о друге был, как нам представляется, Вяземский.

После долгой разлуки друзья встретились в 1831 году, когда Тургенев вернулся в Россию. С этого времени связь между ними снова становится весьма регулярной.

17 июня 1831 года Вяземский просит Пушкина, с которым совместно редактировал «Литературную газету»: «Высылайте скорее и Тургенева. Боюсь, что он выдохнется в Петербурге и уже не ошибет меня своим европейским запахом». Не позднее 20 июня Пушкин спрашивает Е. М. Хитрово: «Правда ли, что Тургенев покидает нас и притом так внезапно?» 3 июля Пушкин пишет Вяземскому: «По газетам видел я, что Тургенев к тебе отправился в Москву; не приедешь ли с ним назад? это было бы славно. Мы бы что-нибудь и затеяли вроде альманаха, и Тургенева порастрепали бы».

Письмо это было получено Вяземским в Остафьеве, где в это время находился и Тургенев. Этим объясняется появление их писем Пушкину от 14—15 июля из Остафьева.

В письме Тургенева, посвященном почти целиком анализу рукописи П. Я. Чаадаева, обращает на себя внимание следующая деталь. Чаадаев передал Пушкину рукопись «Философических писем» во время их встречи в Москве. 17 июня в письме Пушкину из Москвы в Царское Село он спрашивал о ее судьбе. 6 июля Пушкин в своем

ответе дал глубокий анализ рукописи. Письмо Тургенева Пушкину от середины июля не оставляет сомнений в том, что Чаадаев познакомил Тургенева с ответом поэта. Письмо его Пушкину начинается так: «В письме к Чаадаеву о его рукописи много справедливого». Далее Тургенев дает оценку рукописи и полемизирует с Пушкиным по поводу отдельных положений. О том, что Пушкин получил это письмо, видно из следующей фразы в его письме Вяземскому от 3 августа того же года: «Благодарю Александра Ивановича за его религиозно-философическую приписку».

В течение августа Вяземский неоднократно информирует Пушкина о Тургеневе.

29 октября Тургенев написал Пушкину письмо, в котором называет его «милый Сверчок-поэт» и сообщает о том, что послал ему стихи для издания в пользу семейства недавно умершего Дельвига. Адрес, написанный рукой Александра Ивановича, гласит: «Милостивому государю Александру Сергеевичу Пушкину. В С. Петербурге, а где, не знаю: вероятно, на Парнасе». Это дает основание думать, что оно было послано не по почте, а с оказией.

3 декабря Пушкин выехал в Москву, а уже 8-го сообщает жене, что видел Тургенева.

В первой половине 1832 года Пушкин и Тургенев иногда общались, а в июне этого года Александр Иванович вновь уехал за границу, где жил до мая 1834 года. Пушкин провожал друга. По данным Б. Л. Модзалевского, 6 июля 1832 года Тургенев послал из Любека Пушкину книгу с надписью: «Журналисту Пушкину»[1]. Сведений

[1] Лернер Н. О. Труды и дни Пушкина.— Спб., 1910.— С. 266.

о переписке между ними до 1834 года нет. Есть лишь все основания утверждать, что они постоянно получали информацию друг о друге через третьих лиц. Так, например, от Вяземского Тургенев узнал об избрании Пушкина в члены Российской Академии.

По возвращении Тургенева в Россию в 1834 году он несколько раз встречался с Пушкиным: 8—9 сентября этого года в Москве, а затем в октябре — декабре в Петербурге.

В 1911 году в «Русском библиофиле» (с. 19—20) была впервые опубликована записка Пушкина Тургеневу от 9 сентября 1834 года, хранившаяся многие годы в архиве братьев Тургеневых. Вот ее текст: «Жена выбрала булавки и сердечно Вас благодарит. Само по себе разумеется, что Пугачев явится к Вам первому, как скоро выйдет из печати. Симбирск осажден был не им, а одним из его сообщников, по прозвищу Фирска. Книгу оставлю у жены, которая Вам ее и возвратит. Весь Ваш — до свидания. А. П.». К записке сделана приписка: «Симбирск в 1671 году устоял противу Стеньки Разина, Пугачева того времени».

Известно, что в беседах Пушкина с Тургеневым большое место занимал Пугачев. Из письма очевидно, что и во время их встречи в Москве эта тема продолжала обсуждаться. Письмо интересно и тем, что дает некоторое представление об отношении Тургенева к Наталье Николаевне.

В том же номере «Русского библиофила» также впервые опубликована и другая записка Пушкина Тургеневу от 10 сентября 1834 года: «Это все у меня уже есть — и будет напечатано в приложении. Благодарен Полевому за его доброе расположение к историографу Пугачева, камер-юнкеру

и проч.— Сей час еду, лошади уже заложены». Записка эта написана на клочке писчей бумаги, которая сложена конвертом и запечатана каплей сургуча. Интересна она тем, что проясняет роль Тургенева и Полевого в работе Пушкина над Пугачевым, а также дает основание думать, что явилась ответом на не дошедшее до нас письмо или записку Тургенева.

Наконец, в том же номере «Русского библиофила» впервые было опубликовано письмо Пушкина Тургеневу, написанное 11 декабря 1834 года: «Писца у меня *французского* нет, российских сколько угодно. Завтра же пригоню. Мне покамест из Парижа ничего не надобно; разве «Папу» Мейстера» (речь идет о сочинении Жозефа де Местра «О папе».— *Г. Д.*). И судя по этому можно предположить, что оно является ответом на не обнаруженное пока письмо Тургенева.

В феврале 1835 года Тургенев вновь уехал за границу, где находился до июля 1836 года. О переписке его с Пушкиным в это время сведений нет, но Тургенев, несомненно, очень интересовался им и многое о нем знал.

С самого начала издания журнала «Современник» в 1836 году Пушкин привлек к нему Тургенева, отстаивая его статьи перед властями. Когда в марте 1836 года цензура не пропустила статью Тургенева, Пушкин писал Вяземскому: «Но бедный Тургенев!.. все политические комеражи[1] его остановлены. Даже имя Фиески и всех министров вымараны; остаются одни православные буквы наших русских католичек да дипломаток. Однако я хочу обратиться к Бенкендорфу — не заступит-

[1] Букв.— пересуды, сплетни *(фр.)*.

ся ли он?» Свое намерение Пушкин действительно осуществил и добился пересмотра решения цензуры.

Значительный интерес представляет следующий факт, который стал известен благодаря находке В. В. Ерофеева и публикации им в 1952 году в «Литературном наследстве» (т. 52, с. 284—289) неизданного письма Вяземского к Пушкину от 10—17 марта 1836 года о статье П. Б. Козловского для «Современника». В конце его есть такая фраза: «Что письмо Тургенева?»

Комментируя это место, Ерофеев пишет: «7 марта 1836 года Вяземский сообщил Тургеневу в Париж, что «письмо» его получено справно, прочтено с благодарностью и с жадным вниманием, отдано переписать для «Современника» и скоро будет напечатано». В последующее время статьи Тургенева печатались в журнале неоднократно.

После возвращения Тургенева в Россию в 1836 году он часто общался с Пушкиным. Из их переписки сохранилось всего одно письмо Тургенева и два — Пушкина.

В письме от 15 декабря 1836 года Тургенев просит Пушкина посоветовать, какое издание «Слова о полку Игореве» лучше послать в Париж лингвисту Эйхгофу. И заканчивает его так: «Завтра ввечеру едет курьер, и я бы желал воспользоваться. Что выписать для тебя?» Как видим, Тургенев обращается к Пушкину на «ты», хотя подписывается по-французски: «Весь ваш Тургенев».

В письме Пушкина от 16 января 1837 года он посылает Тургеневу его письма для журнала с просьбой выправить их для цензуры. Предла-

гает для них заглавие: «Труды, изыскания такого-то или А. И. Т. в Римских и Парижских архивах. Статья глубоко занимательная».

Последняя записка Пушкина Тургеневу написана накануне дуэли, 26 января 1837 года: «Не могу отлучиться. Жду Вас до 5 часов». По мнению исследователей, она была связана с тем, что Пушкин ждал секунданта Дантеса — д'Аршиака.

Эпистолярное наследие друзей является важным источником для истории их идейных расхождений.

8 ноября 1817 года Пушкин написал стихотворение «Тургенев, верный покровитель...» 12 ноября Тургенев переслал его Жуковскому и сообщил, что ежедневно бранит Пушкина за его «леность и нерадение о собственном образовании, к чему присоединились и вкус к площадному волокитству и вольнодумство, также площадное, 18 столетия». За этими полушутливыми словами крылось реальное расхождение между Пушкиным и Тургеневым в оценке современного общества, в частности, различный подход к таким жгучим проблемам того времени, как крепостное право и самодержавие.

Пушкин был решительным противником того и другого, тогда как Тургенев не признавал крутые меры борьбы с этим злом. Так, например, осуждение Пушкиным крепостного права и произвола помещиков над крепостными, выраженное им в стихотворении «Деревня», встретило возражение Тургенева, писавшего 26 августа 1819 года Вяземскому: «Прислал ли я тебе «Деревню» Пушкина? Есть сильные и прелестные стихи, но и преувеличение насчет псковского хамства» (так завуалированно называет он крепостное право.— *Г. Д.*).

Еще более резко разошлись взгляды Пушкина и Тургенева по вопросам самодержавия и крепостного права при оценке знаменитого труда Н. М. Карамзина «История государства Российского».

Признавая значение этого замечательного труда, Пушкин тем не менее подверг резкой критике его автора за монархические и крепостнические взгляды. Ярким выражением отношения поэта к этому труду явилась эпиграмма «В его «Истории» изящность, простота...» И хотя позднее сам Пушкин отказывался от резкого и непочтительного тона эпиграммы, в существе своем он оставался на тех же позициях. Известно, что Тургенев был возмущен эпиграммой и не мог простить ее Пушкину вплоть до 1825 года. 4 мая этого года он писал Вяземскому: «Пушкин написал вторую часть «Онегина», которую сегодня буду слушать. Гнев мой на него смягчился, ибо я узнал, что стихи, за кои я на него сердился (то есть эпиграммы на Карамзина.— *Г. Д.*), написаны за пять или за шесть лет перед сим, если не прежде».

Расхождение во взглядах друзей на самодержавный строй сказывается и в их различных оценках Александра I и Николая I. Приведем лишь одну деталь. 28 апреля 1820 года Тургенев, сообщая Вяземскому, что Пушкин едет к Инзову в Крым, добавляет при этом, что, по его мнению, с поэтом поступили по-царски «в хорошем смысле этого слова». Надо думать, что Пушкин был иного мнения об учиненной над ним расправе.

Корни радикальных воззрений поэта Тургенев видел в том, что в лицейские годы он находился рядом с дворцом и стоявшими в Царском Селе гусарами.

Тургенев осуждал Пушкина за его выпады против религии и атеистические стихи. Создается впечатление, что в развитии этих взглядов у Пушкина Тургенев обвинял частично их общего знакомого Н. И. Кривцова — брата декабриста С. И. Кривцова. 28 августа 1818 года, например, Тургенев писал Вяземскому: «Кривцов не перестает развращать Пушкина и из Лондона прислал ему безбожные стихи». Более подробно расхождения между ними по вопросам религии проясняются из их переписки и спора о Чаадаеве и его «Философических письмах».

Мы высказали лишь некоторые мысли, связанные с изучением эпистолярного наследия Пушкина и Тургенева. Но даже они, как нам кажется, дают основание сказать, что, если в приведенной выше оценке Сергеем Львовичем Пушкиным роли Тургенева в жизни и деятельности его сына и было некоторое преувеличение, то очень незначительное.

ЗАГАДКИ ДОКУМЕНТОВ О ПОГРЕБЕНИИ А. С. ПУШКИНА

Царское правительство боялось Пушкина при жизни, а преследование памяти поэта продолжалось и после его смерти. Одним из бесспорных доказательств отношения властей к покойному поэту может служить история его погребения.

Сохранились три вида источников об этом событии: официальные документы, воспоминания и письма современников. Автор поставил перед собой задачу исследовать главным образом известные и неизвестные официальные документы,

чтобы расширить наши знания об этой последней странице биографии Александра Сергеевича Пушкина.

Пушкин скончался в пятницу, 29 января 1837 года, в 14 часов 45 минут. В тот же день чиновник министерства иностранных дел, ведавший хозяйственными делами (экзекутор), сообщил об этом руководству Департамента хозяйственных и счетных дел министерства[1]. Тогда же о кончине поэта доложили императору. На следующий день появился такой документ.

Записка Николая I управляющему I Отделением собственной его императорского величества канцелярии А. С. Танееву от 30 января 1837 года:

«Министру финансов написать, что я приказал назначить вдове Пушкина и дочери до замужества: ей 5000 р., а дочери 1500 р. в пенсион, а трем сыновьям до вступления на службу на воспитание каждому по 1500 р.[2] Ему же послать к действ. статс. советн. Жуковскому 10 000 р. на погребение»[3].

Одновременно с этим сразу же после смерти Пушкина правительство приняло строжайшие меры к тому, чтобы затушевать это горестное событие. Свидетельством тому — приводимые ниже документы, которые имеют, можно сказать, официальный характер.

---

[1] См.: Гастфрейнд Н. А. Пушкин: Документы Государственного и С.-Петербургского главного архивов Министерства иностранных дел, относящиеся к службе его 1831—1837 гг.— Спб., 1900.— С. 55.

[2] Николай I ошибся: у Пушкина было два сына и две дочери.

[3] Русская старина.— 1897.— XII.— С. 535. Записка публикуется без ссылок, но с примечанием «ред.».

Сообщение газеты «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду», 1837, № 5 (в траурной рамке):

«Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!.. Более говорить о сем не имеем силы, да и не нужно; всякое русское сердце знает всю цену этой невозвратимой потери и всякое русское сердце будет растерзано. Пушкин! наш поэт! наша радость, наша народная слава!.. Неужели в самом деле нет у нас Пушкина! К этой мысли нельзя привыкнуть! 29-го января 2 ч. 45 м. пополудни».

На другой день после выхода «Литературных прибавлений» редактор этой газеты А. А. Краевский был приглашен для объяснений к попечителю С.-Петербургского учебного округа и председателю цензурного комитета князю М. А. Дундукову-Корсакову, который сказал: «Должен вам передать, что министр (Сергей Семенович Уваров.— *Г. Д.*) крайне, крайне недоволен вами! К чему эти публикации о Пушкине? Что это за черная рамка вокруг известия о кончине человека не чиновного, не занимавшего никакого положения на государственной службе? Ну, да это еще куда бы ни шло! Но что за выражения! «Солнце поэзии!!» Помилуйте, за что такая честь? «Пушкин скончался... в середине своего великого поприща!» Какое это такое поприще? Сергей Семенович именно заметил: разве Пушкин был полководец, военачальник, министр, государственный муж?! Наконец, он умер без малого сорока лет! Писать стишки не значит еще, как выразился Сергей Семенович, проходить великое поприще! Министр поручил мне сделать вам, Андрей Александрович,

строгое замечание и напомнить, что вам, как чиновнику министерства народного просвещения, особенно следовало бы воздержаться от таковых публикаций»[1].

30 января сообщение о смерти Пушкина было сделано на заседании Российской Академии[2].

Из письма А. И. Тургенева двоюродной сестре А. И. Нефедьевой от 30 января 1837 года:

«Пушкина будут отпевать в понедельник, но еще не знают, здесь ли или в Псковской деревне его предадут земле. Лучше бы здесь, в виду многочисленной публики, друзей и почитателей его. Деревня может быть продана, и кто позаботится о памятнике незабвенного поэта!..

2 часа. Кажется, решено, что его повезут хоронить в деревню, а отпевать будут в церкви Адмиралтейства»[3].

Сообщение газеты «Северная пчела» от 30 января 1837 года, № 24.

«Сегодня, 29-го января, в 3-м часу пополудни, Литература Русская понесла невознаградимую потерю: АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН, по кратковременных страданиях телесных, оставил юдольную сию обитель. Пораженные глубочайшею горестию, мы не будем многоречивы при сем извещении: Россия обязана Пушкину благодарностию за 22-х летния заслуги его на поприще Словесности, которыя были ряд блистательнейших

---

[1] Вересаев В. Пушкин в жизни.— М., 1984.— С. 614—615.

[2] Сухомлинов М. Н. История Российской Академии, VII.— С. 84.

[3] Отпевание должно было состояться в соборе Исаакия Далматского в Адмиралтействе. Но накануне царь приказал тайно перенести тело в Конюшенную церковь.

и полезнейших успехов в сочинениях всех родов. Пушкин прожил 37 лет: весьма мало для жизни человека обыкновенного, и чрезвычайно много в сравнении с тем, что совершил уже он в столь краткое время существования, хотя много, очень много могло бы еще ожидать от него признательное отечество. Л. Якубович».

Из письма А. И. Тургенева брату — Н. И. Тургеневу от 31 января 1837 года:

«...3 часа пополудни. На записке Жуковского о П[ушкине] Государь отметил заплатить все частные долги за него, выкупить заложенное имение, которое, вероятно, перейдет к его детям, если отец и брат покойного получат вознаграждение, вдове пенсию (5 т. руб., вероятно, кои получал муж). Двум сыновьям до службы по 1500 руб. каждому и то же дочерям, 10 т. руб. на похороны и великолепное издание его сочинений...

...Вчера народ так толпился,— исключая аристократов, коих не было ни у гроба, ни во время страданий, что полиция не хотела, чтобы отпевали в Исаак[иевском] соборе, а приказала вынести тело в полночь в Конюшенную церковь, что мы, немногие, и сделали, других не впускают»[1].

Сообщение газеты «Санкт-Петербургские ведомости» в № 25 1837 года:

«Вчера, 29 января, в 3-м часу пополудни, скончался АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН. Русская Литература не терпела столь важной потери со времен смерти Карамзина».

Отрывки из «Дневника» цензора А. В. Никитенко:

---

[1] Пушкин и его современники: Материалы и исследования; Вып. VI.— Спб., 1908.— С. 57—58, 61—62.

«31 [января 1837 г.]. Сегодня был у министра (С. С. Уварова.— *Г. Д.*). Он очень занят укрощением громких воплей по случаю смерти Пушкина. Он, между прочим, недоволен пышною похвалою, напечатанною в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду».

Итак, Уваров и мертвому Пушкину не может простить «Выздоровления Лукулла». Сию минуту получил предписание председателя цензурного комитета не позволять ничего печатать о Пушкине, не представив сначала статьи ему или министру. Завтра похороны. Я получил билет.

Февраля 1-го. Похороны Пушкина. Это были действительно народные похороны. Все, что сколько-нибудь читает и мыслит в Петербурге,— все стеклось к церкви, где отпевали поэта. Это происходило в Конюшенной. Площадь была усеяна экипажами и публикою, но среди последней — ни одного тулупа или зипуна. Церковь была наполнена знатью. Весь дипломатический корпус присутствовал. Впускали в церковь только тех, которые были в мундирах или с билетом. На всех лицах лежала печаль — по крайней мере, наружная. Возле меня стояли: барон Розен, Карлгоф, Кукольник и Плетнев. Я прощался с Пушкиным, «И был странен тихий мир его чела». Впрочем, лицо уже значительно изменилось: его успело коснуться разрушение. Мы вышли из церкви с Кукольником.

— Утешительно, по крайней мере, что мы все-таки подвинулись вперед,— сказал он, указывая на толпу, пришедшую поклониться праху одного из лучших своих сынов.

Ободовский (Платон) упал ко мне на грудь, рыдая, как дитя.

Тут же, по обыкновению, были и нелепейшие распоряжения. Народ обманули: сказали, что Пушкина будут отпевать в Исаакиевском соборе,— так было означено и на билетах, а между тем тело было из квартиры вынесено ночью, тайком, и поставлено в Конюшенной церкви. В университет получено строгое предписание, чтобы профессора не отлучались от своих кафедр и студенты присутствовали бы на лекциях. Я не удержался и выразил попечителю свое прискорбие по этому поводу. Русские не могут оплакивать своего согражданина, сделавшего им честь своим существованием! Иностранцы приходили поклониться поэту в гробу, а профессорам университета и русскому юношеству это воспрещено. Они тайком, как воры, должны были прокрадываться к нему. Попечитель мне сказал, что студентам лучше не быть на похоронах: они могли бы собраться в корпорации, нести гроб Пушкина — могли бы «пересолить», как он выразился.

Греч получил строгий выговор от Бенкендорфа за слова, напечатанные в «Северной пчеле»: «Россия обязана Пушкину благодарностию за 22-х летния заслуги его на поприще Словесности».

Краевский, редактор «Литературных прибавлений к «Русскому инвалиду», тоже имел неприятности за несколько строк, напечатанных в похвалу поэту. Я получил приказание вымарать совсем несколько таких же строк, назначавшихся для «Библиотеки для чтения».

И все это делалось среди всеобщего участия к умершему, среди всеобщего глубокого сожаления. Боялись — но чего?

Церемония кончилась в половине первого.

Я поехал на лекцию. Но вместо очередной лекции я читал студентам о заслугах Пушкина. Будь что будет!

12 февраля. ...Меры запрещения относительно того, чтобы о Пушкине ничего не писать, продолжаются. Это очень волнует умы»[1].

Отрывок из письма министра просвещения С. С. Уварова попечителю московского учебного округа С. Г. Строганову от 1 февраля 1837 года:

«По случаю кончины А. С. Пушкина, без всякого сомнения, будут помещены в московских повременных изданиях статьи о нем. Желательно, чтобы при этом случае как с той, так и с другой стороны соблюдаемы были надлежащая умеренность и тон приличия. Я прошу ваше сиятельство обратить с вашей стороны внимание на это и приказать цензорам не дозволять печатание ни одной из означенных статей без вашего предварительного одобрения»[2].

Из дела архива канцелярии министра внутренних дел Д. Н. Блудова (об этом деле ниже будет сказано подробнее) видно, что 1 февраля один из близких людей семьи Пушкиных, граф Г. А. Строганов, написал Блудову письмо, в котором просил его разрешения на похороны Пушкина, согласно воле покойного, в Святогорском монастыре Псковской губернии. В связи с этим Блудов обратился в тот же день, во-первых, к санкт-петербургскому военному генерал-губернатору с просьбой разрешить перевезти тело покойного в Псковскую губернию (к отношению был прило-

---

[1] А. С. Пушкин в воспоминаниях современников.— Т. 2.— С. 286—288.

[2] Русская старина.— 1903.— VI.— С. 646—647. В публикации нет ссылок.

жен «открытый лист» на свободный пропуск тела); во-вторых, к обер-прокурору святейшего Синода Н. А. Протасову с просьбой сообщить духовному начальству о перевозке тела; в-третьих, к графу Г. А. Строганову с сообщением, что в ответ на просьбу последнего он отдал все необходимые распоряжения.

Одновременно с этим Блудов послал в Псков следующее отношение:

«Отношение министра внутренних дел Д. Н. Блудова псковскому губернатору А. Н. Пещурову от 1 февраля 1837 года № 389:

Скончавшийся здесь 29 минувшего генваря в звании Камер-юнкера Двора Его Императорского Величества Александр Сергеевич Пушкин при жизни своей изъявил желание, чтобы тело его предано было земле Псковской губернии Опочецкого уезда в монастыре Святые Горы (Святогорский), на что вдова его просит разрешения.

Разрешив перевоз помянутого тела, буде еще оно не предано земле и закупорено в засмоленном гробе, имею честь уведомить о том Ваше Превосходительство, покорнейше прося Вас, Милостивый Государь, учинить зависящие от Вас в сем случае по части гражданской распоряжения в Псковской губернии.

К сему не лишним считаю присовокупить, что об учинении надлежащих в сем случае по части духовных распоряжений я сообщил Оберпрокурору Святейшего Синода.

Министр внутренних дел, Статс-Секретарь Д. Блудов.

Директор Оржевский»[1].

---

[1] Василёв И. И. Следы пребывания Александра Сергеевича Пушкина в Псковской губернии.— Спб., 1899.— С. 47.

Из описи фонда обер-прокурора Синода, хранящегося в ЦГИА СССР, видно, что в 1837 году там было заведено дело о перевозе мертвого тела А. С. Пушкина в Псковскую губернию. Самого дела получить не удалось: судя по пометке на полях описи, оно числится «выбывшим»[1]. Попытка выяснить, кем и когда оно взято из архива обер-прокурора, не увенчалась успехом.

Письмо управляющего III Отделением собственной его императорского величества канцелярии А. Н. Мордвинова Псковскому губернатору А. Н. Пещурову от 2 февраля 1837 года:

«Милостивый государь Алексей Никитич,
г. Действительный статский советник Яхонтов (псковский предводитель дворянства.— *Г. Д.*), который доставит сие письмо Вашему превосходительству, сообщит Вам наши новости. Тело Пушкина везут в Псковскую губернию для предания земле в имение его отца. Я просил г. Яхонтова передать Вам по сему случаю поручение графа Александра Христофоровича (Бенкендорфа.— *Г. Д.*), но вместе с тем имею честь сообщить Вашему превосходительству волю Государя императора, чтобы воспретили всякое особенное изъявление, всякую встречу, словом, церемонию, кроме того, что по обыкновению по нашему церковному обряду исполняется при погребении дворянина. К сему нелишним считаю (присовокупить), что отпевание тела уже здесь совершено.

С отличным почтением и преданностью имею честь быть Вашего превосходительства покорнейший слуга Александр Мордвинов.

С.-Петербург. 2 февраля 1837 г.»[2]

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 5, 1837 г., д. № 22048.

[2] Пушкин и его современники; Вып. VI.— С. 109—110.

Из письма А. И. Тургенева — А. И. Нефедьевой от 2 (?) февраля 1837 г.:

«С этим письмом (речь идет о письме Бенкендорфа к А. Г. Строганову о запрещении Данзасу проводить тело покойного в Святогорский монастырь и приказании царя сделать это А. И. Тургеневу.— *Г. Д.*) явился ко мне сегодня в два часа Жуковский, и я немедленно написал к Гр. Строганову письмо, коего копию прилагаю. Государю угодно, чтобы тело — и я за ним — выехали не позже как завтра, но в 10 часов вечера. Я сказал, что буду готов. Вяземский предлагает свой возок, но теперь тепло, и я найму кибитку и возьму, вероятно, почталиона. Монастырь где-то под Псковом, но мне хочется заехать и во Псков, коего я не видел, и дней через шесть вернусь сюда... Я сказал, что не приму ни казенных прогонов, ни от семейства. Недаром же любил меня Пушкин, особливо в последние дни его.

6 час. вечера. Сейчас встретил кн. Гол[ицына], он дает мне в проводники почталиона»[1]. (А. В. Голицын — главноуправляющий почтовым департаментом.— *Г. Д.*)

Письмо А. Х. Бенкендорфа к А. Г. Строганову. (В письме даты нет, но, видимо, оно относится к 2 февраля):

«Граф. Я немедленно доложил Его Величеству просьбу г-жи Пушкиной дозволить Данзасу проводить тело его в последнее жилище. Государь ответил, что он сделает все, от него зависящее, дозволив подсудимому Данзасу остаться до сегодняшней погребальной церемонии при теле друга; что дальнейшее снисхождение было бы наруше-

---

[1] Пушкин и его современники.— С. 70.

нием закона — и, следовательно, невозможно; но он прибавил, что Тургенев, давнишний друг покойного, ничем не занятый в настоящее время, может отдать этот последний долг Пушкину и что он уже поручил ему проводить тело.

Спеша передать вам это Высочайшее решение, имею честь быть и пр.

Бенкендорф»[1].

Предписание Нафанаила, архиепископа Псковского, архимандриту Опочецкого Святогорского монастыря Геннадию от 4 февраля 1837 года, № 10:

«Г. Синодальный Обер-прокурор Николай Александрович Протасов сообщил мне, что по просьбе вдовы скончавшегося в С.-Петербурге 29 минувшего Января в звании камер-юнкера Двора Его Императорского Величества Александра Сергеевича Пушкина разрешено перевезти тело его Псковской губернии Опочецкого уезда в монастырь Святые Горы для предания там земле согласно желанию покойного.

С сим вместе г. гражданский губернатор извещает меня о сем предмете, присовокупляя Высочайшую Государя Императора волю, чтобы при сем случае не было никакого особенного изъявления, никакой встречи, словом, никакой

---

[1] Амосов А. Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина. Со слов бывшего лицейского товарища и секунданта Константина Карловича Данзаса.— Спб., 1863.— С. 43. В примечании к письму сказано, что оно является подлинником и предоставлено автору Данзасом. Написано, видимо, не позднее 2 февраля, когда Жуковский сообщил Тургеневу о решении царя послать его с телом Пушкина (Пушкин в воспоминаниях современников.— Т. 2.— С. 216).

церемонии, кроме того, что обыкновенно по нашему церковному обряду исполняется при погребении тела дворян. Также Его Превосходительство уведомляет меня, что отпевание тела совершено уже в С.-Петербурге.

Предание тела покойного Пушкина в Святогорском монастыре предписываю Вам исполнить согласно воле Его Величества Государя Императора. Нафанаил, архиепископ Псковский»[1].

Выписки из дневника А. И. Тургенева от 4—8 февраля 1837 года:

«2 февраля... Жуковский приехал ко мне с известием, что государь назначает меня провожать тело Пушкина до последнего жилища его. ...и опять Жуковский с письмом графа Бенкендорфа к графу Строганову — о том, что вместо Данзаса назначен я, в качестве *старого друга...* отдать ему последний долг. Я решился принять и переговорить о времени отъезда с графом Строгановым. Поручил Федорову[2] собрать сведения о Пскове. Пошел к графу Строганову. Встретил Даршиака, который едет в 8 часов вечера, послал к нему еще письмо к брату, в коем копия с писем гр. Бенкендорфа и с моего графу Строганову. Графа Строганова не застал, оставил карточку, встретил жену его: она сказала, что будет граф в 4 часа дома; не застал князя Голицына ни дома, ни у Муравьевой, ни во дворце.— У князя Вяземского написал письмо к графу Строганову, обедал у Путятиных и заказал отыскать кибитку. Встретил князя Голицына, и в сенях у князя Кочубей прочел

---

[1] Василёв И. И. Следы пребывания Александра Сергеевича Пушкина в Псковской губернии.— С. 48—49.

[2] Федоров Б. А.— литератор, знакомый А. И. Тургенева.

ему письмо и сказал слышанное: что не в мундире положен, якобы по моему или князя Вяземского совету? Жуковский сказал государю, что по желанию жены. Был другой раз, до обеда у графа Строганова, отдал письмо, и мы условились о дне отъезда, Государю угодно чтобы завтра в ночь. Я сказал, что поеду на свой счет и с особой подорожной.

Был у почт-директора: дадут почталиона... К Сербиновичу: условились о бумагах. К Жуковскому: там Спасский прочел мне записку свою о последних минутах Пушкина. Отзыв графа Б[енкендорфа] Гречу о Пушкине. Стихи Лермонтова — прекрасные. Отсюда домой и к Татаринову и на панихиду; тут граф Строганов представил мне жандарма: о подорожной и о крестьянских подставах. Куда еду — еще не знаю. Заколотили Пушкина в ящик. Вяземский положил с ним свою перчатку. Не поехал к нему, для жены. У Карамзиных Федоров отдал мне книги и бумаги. О Вяземском со мною: «он еще не мертвый».

3 февраля [...] Опоздал на панихиду к Пушкину. Явились в полночь, поставили на дроги, и...

4 февраля, в 1-м часу утра или ночи, отправился за гробом Пушкина в Псков; перед гробом и мною скакал жандармский капитан[1]. Проехали

---

[1] В письме к А. И. Нефедьевой от 9 февраля 1837 г. А. И. Тургенев писал: «3 февр. в полночь мы отправились из Конюшенной церкви, с телом Пушкина, в путь; я с почталионом в кибитке позади тела; жандармский капитан впереди оного. Дядька покойного (Никита Тимофеевич Козлов.— *Г. Д.)* желал также проводить останки своего доброго барина к последнему жилищу, куда недавно возил он же и тело его матери; он стал на дрогах, кои везли ящик с телом, и не покидал его до самой могилы» (Пушкин и его современники.— С. 71).

Софию, в Гатчине рисовались дворцы и шпиц протестантской церкви; в Луге или прежде пил чай. Тут вошел в церковь. На станции перед Псковом встреча с камергером Яхонтовым, который вез письмо Мордвинова к Пещурову, но не сказал мне о нем. Я поил его чаем и обогнал его, приехал к 9-ти часам в Псков, прямо к губернатору — на вечеринку. Яхонтов скор и прислал письмо Мордвинова, которое губернатор начал читать вслух, но дошел до высочайшего повеления — о не встрече — тихо, и показал только мне, именно тому, кому казать не должно было: сцена хоть из комедии! Напился чаю; мы вытребовали от архиерея (за 5 верст) предписание архимандриту в Святогорском монастыре, от губернатора городничему в Остров и исправнику в Опочковском уезде и в 1 час пополуночи 5 февраля отправились сперва в Остров, за 56 верст, оттуда за 50 верст к Осиповой — в Тригорское, где уже был в три часа пополудни. За нами прискакал и гроб в 7-м часу вечера; почталиона оставил я на последней станции с моей кибиткой. Осипова послала, по моей просьбе, мужиков рыть могилу; вскоре и мы туда поехали с жандармом; зашли к архимандриту; он дал мне описание монастыря; рыли могилу; между тем я осмотрел, хотя и ночью, церковь, ограду, здания. Условились приехать на другой день и возвратились в Тригорское. Повстречали тело на дороге, которое скакало в монастырь. Напились чаю; я уложил спать жандарма и сам остался мыслить вслух о Пушкине с милыми хозяйками; читал альбум со стихами Пушкина, Языкова и пр. Нашел Пушкина нигде не напечатанные. Дочь пленяла меня; мы подружились. В 11 часов я лег спать. На другой

день *6 февраля, в 6 часов утра, отправились мы — я и жандарм!!* — опять в монастырь,— все еще рыли могилу; мы отслужили панихиду в церкви и вынесли на плечах крестьян гроб в могилу — немногие плакали. Я бросил горсть земли в могилу; выронил несколько слез — вспомнил о Сереже — и возвратился в Тригорское. Там предложили мне ехать в Михайловское и я поехал с милой дочерью, несмотря на желание и на убеждение жандарма не ездить, а спешить в обратный путь. Дорогой Мария Ивановна объяснила мне Пушкина в деревенской жизни его, показывала урочища, места... любимые сосны, два озера, покрытых снегом, и мы вошли в домик поэта, где он прожил свою ссылку и написал лучшие стихи свои. Все пусто. Дворник, жена его плакали. Я искал вещь, которую бы мог унести из дома; две каменные вазы на печках оставил я для сирот. Спросил старого, исписанного пера: мне принесли новое, неочищенное; насмотревшись, мы опять сели в кибитку-коляску и, дружно разговаривая, возвратились в Тригорское. Отзавтракав, простились. Хозяйка дала мне немецкий keepsake (альбом.— *Г. Д.*) на память; я обещал ей стихи Лермонтова, «Онегина» и мой портрет. Мы нежно прощались, особливо с Марией Ивановной, уселись в кибитку и на лошадях хозяйки по реке Великой менее нежели в три часа достигли до 1-й станции. Заплатил за упадшую под гробом лошадь — и поехали далее. Остров. Здесь нагнал нас городничий; благодарил его и чиновника — и в 4-м часу утра приехал во Псков.

8 марта... Жуковский читал нам свое письмо к Бенкендорфу о Пушкине и о поведении с ним государя и Бенкендорфа. Критическое расследо-

вание действий жандармства. И он закатал Бенкендорфу, что Пушкин погиб оттого, что его не пустили ни в чужие краи, ни в деревню, где бы ни он, ни жена его не встретили Дантеса»[1].

Рапорт островского исправника Бородина псковскому губернатору от 9 февраля 1837 года за № 3:

«Секретно

Во исполнение предписания Вашего Превосходительства от 4 сего февраля за № 557 донести честь имею, что тело умершего в С.-Петербурге камер-юнкера Александра Пушкина через сей уезд 5-го числа и 6-го поутру весьма рано командированным мною состоящим при занятии делами в земском суде порутчиком Филипповичем препровождено в Опочецкий уезд, в находящийся близ имения отца покойного Пушкина Святогорский монастырь и предано по обряду христианскому земле. Земский исправник Бородин»[2].

Отпуск донесения псковского губернатора Пещурова министру внутренних дел от 18 февраля 1837 года за № 1038:

«На предписание Вашего Высокопревосходительства имею честь донести, что вследствие отношения ко мне Управляющего III-м Отделением собственной Его Величества Канцелярии Д. С. Советника Мордвинова с объявлением Высочайшей воли о привозе тела умершего камер-

---

[1] А. С. Пушкин в воспоминаниях современников.— Т. 2.— С. 217—219.

[2] Василёв И. И. Следы пребывания Александра Сергеевича Пушкина в Псковской губернии.— С. 18.

юнкера Пушкина, распоряжение мною сделано еще до получения предложения Вашего»[1].

Приведенные документы в большинстве своем знакомы исследователям, и содержание их давно прокомментировано. Мы же обратим внимание на них с точки зрения источниковедения.

Анализ введенных в научный оборот документов о погребении Пушкина дает основание утверждать, что далеко не все официальные материалы об этом событии нам известны. До сих пор, например, не удалось найти те из них, существование которых можно предположить из дневника А. В. Никитенко. Нет предписаний псковского губернатора Пещурова островскому и опочецкому исправникам. У нас есть основание утверждать, что в научный оборот еще не введены и другие документы, связанные с этим событием. Об одном из таких архивных дел хотелось бы сказать подробнее.

В фонде собственной его императорского величества канцелярии, хранящемся в ЦГИА СССР, среди 30 тысяч единиц хранения есть дело, привлекающее пристальное внимание исследователей. На обложке написано: «Письмо Н. Н. Пушкиной от 1 февраля 1837 г. о назначении опеки над детьми; переписка собст. е. и. канцелярии с М[инистром] Ф[инансов] об отпуске В. А. Жуковскому 10 000 руб. на погребение А. С. Пушкина». Всего в деле числится 4 листа, из которых первый представляет собой старую обложку дела со следующим заголовком: «Всеподданнейшее прошение вдовы камер-юнкера А. С. Пушкина Натальи

[1] Василёв И. И. Следы пребывания Александра Сергеевича Пушкина в Псковской губернии.— С. 47—48.

Николаевны Пушкиной о назначении опеки над детьми, об отпуске д[ействительному] с[татскому] с[оветнику] Жуковскому 10 т. р. на погребение поэта и собственноручно исправленной его величеством ошибки о семействе Пушкина, вкравшейся в проект указа о пенсии семейству покойного. 1837 г.».

Сохранилось три документа, каждый из которых имеет двойную нумерацию — одну новую, карандашом, и вторую старую, чернилами: письмо Н. Н. Пушкиной — л. 2—2 об (л. 188—188 об), отношение Департамента государственного казначейства министерства финансов от 1 февраля 1837 года — л. 3 (л. 187) и письмо министра финансов — л. 4 (л. 189). Вот их текст[1].

1

«Всемилостивейший Государь

У меня нет слов, чтобы сказать то, что я чувствую. В моем положении вы для меня видимый Ангел Хранитель, посланник Божий. Да наградит вас Бог, одаривший вас достойным его милосердия.

Принимая на коленях ваши благотворения, осмеливаюсь просить вас, Государь, еще об одном необходимом для меня покровительстве. Благоволите назначить опеку бедным моим сиротам. Я бы желала, чтобы опекунами их были со мною граф Строганов, граф Вельгорский и Василий Андреевич Жуковский. Оставляю это на разрешение Вашего Императорского Величества.

Целуя отеческую вашу руку, вся моя жизнь

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 1409, 1837 г., оп. 2, д. 6091.

будет благодарить молитвою за вас, за Государыню, другого моего Ангела, и за ваших детей, в которых Всевышний пошлет вам все радости, вас достойные.

Вашего Императорского Величества

верноподданная Наталья Пушкина

1-го февраля 1837 года».

2

«Департамент Государственного казначейства. Часть распорядительная. Отделение III. Стол 1. 1 февраля 1837 г., № 476.

Об отпуске 10 т. р. на погребение камер-юнкера Пушкина.

Его превосходительству А. С. Танееву.

Министр финансов, свидетельствуя совершенное почтение его превосходительству Александру Сергеевичу, имеет честь уведомить, что вследствие высочайшей воли, сообщенной ему от 31 прошедшего генваря, № 194, об отпуске действительному статскому советнику Жуковскому на погребение умершего сочинителя камер-юнкера Пушкина десяти тысяч рублей, предписано Главному Казначейству доставить ныне же. Директор Дмитрий Княжевич.

№ 215».

3

«Милостивейший государь мой Александр Сергеевич.

При поднесении мною к высочайшему подписанию проекта указа о назначении пенсии семейству покойного камер-юнкера Пушкина государь император изволил приметить, что при объявлении мне вашим превосходительством высочайшего

повеления о сем последовала ошибка и вместо двух дочерей показана была одна, а вместо двух же сыновей три сына, почему его величество и исправил проект указа собственноручно.

Считая нужным известить об оном Вас, милостивый государь мой, с совершенным почтением и преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорнейший слуга Гр. Канкрин.

№ 617. 11 февраля.

Его превосходительству А. С. Танееву.

№ 260».

Наличие в деле двух разных заголовков и двойной нумерации листов дает основание предполагать, что первоначально оно было сформировано в 1837 году и состояло не менее чем из 189 листов. Посвящалось ли тогда все дело Пушкину, пока сказать не можем. В настоящем его виде оно составлено, вероятно, в 1937 году. Об этом говорит печать на обложке: «Архив внутренней политики, культуры и быта» и надпись чернилами — «Обозначенные четыре листа в наличности. 1-го февраля 1937 года». Вполне возможно, что формирование дела было связано со столетием со дня гибели Пушкина.

На письме Н. Н. Пушкиной сохранилась надпись карандашом, по-видимому, Николая I, следующего содержания: «Не знаю наверное, нужно ли мое разрешение на составление опеки особым указом или иначе, прошу вас вывесть меня из недоумения, и в случае нужды в указе прошу велеть оный изготовить и мне прислать». На письме есть еще две пометы — «№ 216» и надпись: «Докладная записка министра юстиции, возвращена к нему 2-го февраля. № 221».

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хра-

нится отпуск (черновик) этого письма, написанный рукой В. А. Жуковского, но, разумеется, без карандашной надписи царя.

В своем письме Наталья Николаевна просила назначить опекунами Строганова, Вельгорского (Виельгорского.— *Г. Д.*) и Жуковского. Между тем 11 февраля 1837 года по указу Николая I из С.-Петербургской дворянской опеки вдове двора его императорского величества камер-юнкерше Наталье Николаевне Пушкиной было послано высочайшее повеление: «О учреждении опекунства над имением и малолетними детьми ее», согласно которому опекунами назначались Строганов, Виельгорский, Жуковский и камер-юнкер надворный советник Наркиз Иванович Тарасенко-Отрешков.

Назначение вопреки воле Пушкиной весьма сомнительной фигуры Тарасенко-Отрешкова привело позже к серьезному конфликту между ними. Известно, что после выхода замуж Натальи Николаевны за Ланского ей удалось отстранить Тарасенко-Отрешкова от дел опеки[1].

Из надписи на письме Пушкиной видно, что по вопросу о назначении опекунов была, вероятно, докладная записка министра юстиции (им тогда был Д. В. Дашков), которому она была возвращена 2 февраля за № 221. Если она сохранилась, то искать ее следует в фонде министерства юстиции (ЦГИА СССР, ф. 1405).

На отношении министерства финансов об отпуске 10 000 р. Жуковскому на погребение Пушкина также есть надписи. Судя по ним, какие-то

---

[1] См.: Матусевич В. Муза чтения.— М., 1985.— С. 10—11.

материалы по этому делу должны были отложиться в документах Департамента государственного казначейства министерства финансов (ЦГИА СССР, ф. 565).

Публикуемое письмо министра финансов Е. Ф. Канкрина управляющему I Отделением с.е.и.в. канцелярии А. С. Танееву от 11 февраля 1837 года свидетельствует, что проект указа Николая I о назначении пенсии семье Пушкина был подготовлен, видимо, Танеевым. В деле № 6091 мы не нашли ни проекта, ни самого указа царя. Оригинал его обнаружен в фонде Департамента государственного казначейства министерства финансов[1].

«Господину министру финансов

Семейству камер-юнкера Пушкина, известного своими литературными трудами, повелеваю переводить, со дня смерти его, следующие пенсионы: вдове, до замужества, по пяти тысяч рублей, двум дочерям, до замужества, по тысяче пятисот рублей каждой, и двум сыновьям, до вступления в службу, на воспитание, каждому по тысяче пятисот рублей в год из Государственного казначейства.

С.-Петербург, 12 февраля 1837 г. Николай».

О пропаже каких-то материалов говорит также и прилагаемый ниже отрывок из отчета III Отделения собственной его императорского величества канцелярии о действии корпуса жандармов за 1837—1839 гг.

«В начале сего года умер от полученной на поединке раны знаменитый наш стихотворец Пушкин. Пушкин соединял в себе два отдельных су-

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 565, 1837 г., оп. 14, д. 26, л. 42.

щества: он был великий поэт и великий либерал, ненавистник всякой власти. Осыпанный благодеяниями Государя, он, однако же, до самого конца жизни не изменился в своих правилах, а только в последние годы стал осторожней в изъявлении оных.

Сообразно сим двум свойствам Пушкина, образовался и круг его приверженцев: он состоял из литераторов и из всех либералов нашего общества. И те и другие приняли живейшее, самое пламенное участие в смерти Пушкина; собрание посетителей при теле было необыкновенное; отпевание намеревались делать торжественное; многие располагали следовать за гробом до самого места погребения в Псковской губернии; наконец дошли слухи, что будто в самом Пскове предполагалось выпрячь лошадей и везти гроб людьми, приготовили к этому жителей Пскова. Мудрено было решить, не относились ли все эти почести более к Пушкину-либералу, нежели к Пушкину-поэту. В сем недоумении и имея в виду отзывы многих благомыслящих людей, что подобное как бы народное изъявление скорби о смерти Пушкина представляет некоторым образом неприличную картину торжества либералов, высшее наблюдение признало своею обязанностью мерами негласными устранить все сии почести, что и было исполнено».

На обложке отчета Николай I написал: «Весьма удовлетворен и читал с большим удовольствием. 1 февраля 1839 г.»[1] Надо полагать, что автор отчета пользовался документами, которые до нас не дошли.

---

[1] Институт русской литературы (Пушкинский Дом), ф. 244, оп. 16, д. 119, л. 62 (90).

Ряд загадок, связанных с документами о погребении Пушкина, таят уже обнаруженные дела ЦГИА СССР и Государственного архива Псковской области (ГАПО).

Выше упоминалось архивное дело канцелярии министра внутренних дел «О перевозе тела камер-юнкера Пушкина для погребения в Псковскую губернию». Известный исследователь жизни Пушкина Н. О. Лернер, ссылаясь на эти материалы, написал такое примечание: «Дело» это хранится в Императорской Публичной Библиотеке; о нем см. «Отчет Имп. Публ. Библиот. за 1900 и 1901 гг.», СПБ, 1905 г., стр. 233».

При знакомстве с этим отчетом выяснилось, что дело «О перевозе тела камер-юнкера Пушкина для погребения в Псковскую губернию» куплено Рукописным отделом публичной библиотеки в 1901 году и зарегистрировано под № 13414. Никаких пометок о том, у кого оно приобретено и за какую сумму, нет. На мой запрос в архив библиотеки я получил ответ, что таких данных у них нет и установить их сейчас невозможно, так как все дело передано в Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом).

В этой истории особое внимание обращает на себя необычный факт: как, каким образом документы из канцелярии министра внутренних дел могли оказаться, вероятно, в руках частного лица, которое затем продало их Рукописному отделу Публичной библиотеки?

Исследовав материалы ЦГИА СССР, удалось выяснить, что в Департаменте общих дел министерства внутренних дел (ф. 1284) действительно хранилось указанное дело под № 23(267) за

1837 год, которое было начато 2 февраля и закончено 24 февраля этого же года и состояло из 8 листов. В описи № 22 (489) II Отделения, 2-го стола есть пометка: «Дела нет. Взято начальником архива» (слово «начальником» сильно стерто, и, возможно, вместо него было другое). Пометка сделана карандашом и не имеет даты. По данным сотрудников ЦГИА СССР, дело это выбыло в 1879 году. Кто взял его из архива и где оно находилось между 1879 и 1901 годами, не установлено.

Впервые дело это было опубликовано с купюрами Н. О. Лернером в журнале «Русская старина» (1907. Т. 129. С. 453—457) под заголовком «Из неизданных материалов для биографии А. С. Пушкина». При этом автор публикации ссылался на Рукописный отдел Публичной библиотеки, где они к тому времени хранились.

В Рукописном отделе Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом), куда было передано дело «О перевозе тела камер-юнкера Пушкина для погребения в Псковскую губернию», мне предоставили возможность ознакомиться с ним в подлиннике. При этом выяснилось следующее. Старой обложки 1837 года не было. На новой обложке, написанной чернилами уже в XX веке, отсутствуют номер дела, время начала и окончания, число листов, данные о структурной части канцелярии. Началом является внутренняя опись, в которой перечисляются 7 документов на 8 листах: письмо Строганова Блудову от 1 февраля 1837 года; отношение Блудова к с.-петербургскому военному губернатору от того же числа с приложением открытого листа на провоз тела Пушкина; письма Блудова к псковскому губернатору Пещурову и обер-прокурору

Синода Протасову от 1 февраля; письмо Блудова к Строганову о том, что он отдал все необходимые распоряжения; наконец, отношение псковского губернатора Пещурова от 18 февраля 1837 года к Блудову (№ 1098), в котором он сообщает, что еще до получения им его предписания имел соответствующее указание от управляющего III Отделением собственной его императорского величества канцелярии А. Н. Мордвинова и отдал необходимые распоряжения. На всех документах Блудова отмечено, что они готовились во II Отделении 3-го стола канцелярии министерства внутренних дел и имеют делопроизводственные номера 388—390.

На деле имеется пометка известного археографа и библиографа члена-корреспондента АН СССР, хранителя, а затем заведующего Рукописным отделом Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина Ивана Афанасьевича Бычкова о его поступлении в этот отдел, но без указания, у кого и за какую сумму оно приобретено.

Никаких сведений об этом нет и в Рукописном отделе Института русской литературы АН СССР (Пушкинском Доме), как нет там никаких данных о времени передачи дела из Государственной публичной библиотеки. Сотрудники лишь высказали мнение, что произошло это после 1948 года.

Анализ имеющихся документов дает возможность сказать, что при изъятии их из архива канцелярии министра внутренних дел была, видимо, сорвана обложка с названием, номером фонда, дела, описи и штампом (печатью) архива. Этим и объясняется наличие новой обложки, написанной, вероятно, уже после 1901 года.

При знакомстве с делом становится очевидным, что в нем сохранились отпуски писем Блудова, а оригиналы должны были находиться в фондах с.-петербургского военного генерал-губернатора, обер-прокурора святейшего Синода и Г. А. Строганова, которым они были адресованы. Однако пока их найти не удалось.

Загадкой остается и судьба некоторых документов о погребении Пушкина, хранившихся в Псковском архиве.

В 1899 году псковский краевед И. И. Василёв опубликовал в Петербурге небольшую книжку «Следы пребывания Александра Сергеевича Пушкина в Псковской губернии», из которой мы напечатали выше несколько документов. В этой книжке приводятся еще два важных документа: указание министра внутренних дел Блудова псковскому губернатору Пещурову о погребении Пушкина в Святогорском монастыре, датированное 1 февраля 1837 года, и отпуск донесения Пещурова Блудову от 8 февраля этого года о том, что он еще раньше получил распоряжение управляющего III Отделением Мордвинова о погребении Пушкина и все необходимое уже сделано.

Василёв неоднократно указывает, что все эти документы хранятся в Псковском архиве.

В период подготовки к 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина совместно с сотрудниками Государственного архива Псковской области я предпринял обследование его документов с целью выявить материалы о поэте. Всего, что цитировал Василёв, там уже не было. Удалось лишь обнаружить журнал входящих секретных бумаг псковского губернатора за 1837 год, в котором под № 36 имеется следующая запись: «Февраля 5, Мини-

стерства внутренних дел по канцелярии № 389 о перевозе мертвого тела г. Пушкина». В графе журнала «Окончательное решение» сделана помета: «18 февраля, № 1098»[1].

Даже самый общий анализ сведений об официальных документах, посвященных погребению Пушкина, позволяет сделать следующие выводы:

1. Не имея возможности прекратить «громкие вопли» по случаю смерти Пушкина, правительство Николая I, с одной стороны, подписывает указы о выделении средств на похороны поэта, о назначении пенсии его вдове и детям, а с другой — делает все, чтобы тайно отправить прах покойного в Псковскую губернию, секретно предписывая гражданским и духовным властям принять строгие меры, чтобы «не было никакой встречи, никакой церемонии», не печатались о нем добрые слова и всячески замалчивалась эта великая трагедия России.

2. Анализ имеющихся данных с полной уверенностью позволяет утверждать, что многие официальные документы о погребении Пушкина, об отношении к этому событию правительства и разных слоев общества до сих пор не обнаружены и не введены в научный оборот.

3. Поиск этих документов — важная задача исследователей и почитателей Александра Сергеевича Пушкина.

---

[1] Государственный архив Псковской области (ГАПО), ф. 20, 1837 г., д. 39, л. 17.

НЕРАСТОРЖИМА СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Сорок с лишним лет назад, будучи доцентом Псковского педагогического института, я начал поиск в местном архиве документальных материалов о пребывании в этом городе А. С. Пушкина и В. И. Ленина. Постепенно у меня окрепла мысль о существовании нитей, соединяющих двух величайших гениев России. Насколько такая мысль основательна, пусть читатель судит по публикуемым ниже фактам[1].

Мы редко задумываемся над тем, как тесно переплетены судьбы людей, как часто пересекаются между собой их творческие и жизненные пути. Казалось бы, трудно найти нечто такое, что связывало бы биографии В. И. Ленина и А. С. Пушкина, живших в разные эпохи. Между тем исследование источников позволяет утверждать наличие такой связи, которая проявляется не только в духовной сфере, но и в практической жизни. Чтобы убедиться в этом, вспомним некоторые страницы биографии В. И. Ленина.

С творчеством Пушкина молодой В. Ульянов познакомился в доме родителей, где в семейном кругу часто читали его произведения. В гимназические годы он не менее двух раз писал сочинения на пушкинскую тему: в 1884 году — о действующих лицах драмы «Скупой рыцарь» и в 1887

---

[1] Ныне тема «В. И. Ленин и А. С. Пушкин» довольно подробно освещена в советской мемуарной и исследовательской литературе. Обзор и анализ ленинских высказываний о поэте можно найти в книге А. Н. Иезуитова «В. И. Ленин и русская литература», вышедшей в 1985 году. Мы же ограничимся лишь некоторыми страницами из биографии В. И. Ленина.

году — о характерных чертах поэзии Пушкина[1].

К началу своей революционной деятельности Ленин хорошо знал основные произведения поэта и использовал их в научно-публицистической и пропагандистской работе. Насколько сильно он любил Пушкина, насколько прочно вошло творчество поэта в его научный арсенал, можно подтвердить следующим фактом: имя Пушкина или его слова и мысли встречаются в 31 томе из 55 томов Полного собрания сочинений В. И. Ленина. Следует добавить, что имя Пушкина фигурирует в произведениях Ленина начиная с 1879 по 1922 год постоянно. Наиболее часто он цитирует или упоминает «Бориса Годунова», «Медного всадника», «Сказку о царе Салтане», «Евгения Онегина» и другие произведения.

Известно, что, готовясь к созданию первой русской марксистской газеты «Искра», Ленин в качестве эпиграфа к ней взял слова из послания декабристов Пушкину — «Из искры возгорится пламя».

Своеобразным показателем отношения Ленина и искровцев к Пушкину может служить и такая деталь. На протяжении 1900—1903 годов редакция «Искры» и многочисленные ее корреспонденты прибегали к сочинениям Пушкина в своей конспиративной переписке. Читая трехтомную работу «Переписка В. И. Ленина и редакции «Искры» с социал-демократическими организациями в России 1900—1903 гг.», можно видеть, что в качестве ключа к шифрованной связи использовались такие

---

[1] Владимир Ильич Ленин: Биогр. хроника.— Т. 1.— М., 1970.— С. 15, 22.

произведения, как «Пророк», «Калмычка», «Братья-разбойники», «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», «Полтава» и другие.

Эта традиция сохранилась у Ленина и большевиков и в последующие годы. Чтобы убедиться в этом, достаточно перелистать другую фундаментальную работу «Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903—1905 гг.», где в том же качестве находим такие произведения Пушкина, как «Анджело», «К морю», «Домик в Коломне» и другие.

Отношение к Пушкину получило свое отражение и в формировании Лениным собственной библиотеки. Владимир Ильич начал собирать ее еще в отчем доме. В ней, наряду с работами Маркса, Энгельса, Чернышевского, были и книги его любимых писателей. Отправляясь в сибирскую, а затем псковскую ссылку, Ленин брал с собой свою библиотеку. Была она с ним и во время первой и второй его эмиграций. Случилось так, что в 1900 году Ленин не смог взять за границу свою библиотеку, и родным пришлось пересылать ее по частям. 26 декабря 1900 года Владимир Ильич писал матери из Мюнхена в Москву: «В каком положении Манино (М. И. Ульяновой.— *Г. Д.*) дело? Кстати, забыл передать ей, что Пушкина получил — очень благодарю...».

Иногда по не зависящим от него обстоятельствам у Ленина не оказывалось под рукой произведений Пушкина, и он это очень переживал. Так было в 1913 году, когда Ульяновым пришлось переехать из Франции в Польшу. 26 декабря этого года Надежда Константиновна писала Марии Александровне из Кракова в Вологду, где она

жила у сосланной туда Марии Ильиничны: «Володя чуть не наизусть выучил Надсона и Некрасова, разрозненный томик Анны Карениной перечитывается в сотый раз. Мы беллетристику нашу (ничтожную часть того, что было в Питере) оставили в Париже, а тут негде достать русской книжки. Иногда с завистью читаем объявления букинистов о 28 томах Успенского, 10 томах Пушкина и пр. и пр.»[1].

Только после Великой Октябрьской социалистической революции Ленину удалось собрать в своей кремлевской библиотеке довольно большую Пушкиниану. По данным составителей каталога этой библиотеки, в ней находилось и хранится до сих пор почти три десятка книг Пушкина и о нем. Среди них имеются издания Я. А. Исакова (1859—1860) под редакцией П. А. Ефремова (1878—1880), С. А. Венгерова (1911) и другие. Последние поступления Пушкинианы в библиотеку Ленина в Кремле относятся к 1923 году[2].

Хотелось бы обратить особое внимание на следующий факт.

Как известно, в 1824 году Александр I сослал Пушкина в Михайловское, где он провел более двух лет, неоднократно посещая губернский город Псков.

Через семь десятилетий другой русский самодержец Николай II ссылает «государственного

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 55.— С. 198, 347.

[2] Из опубликованных в газете «Советская Россия» 17 мая 1987 года воспоминаний медицинской сестры, ухаживавшей за Владимиром Ильичем в период его болезни в 1923 году, известно, что он много расспрашивал ее о Болдине, откуда она была родом.

преступника» В. Ульянова в тот же Псков, где он прожил почти три месяца.

Таким образом, в этом древнем русском городе пересеклись пути двух величайших гениев России. Думал ли об этом факте Ленин, вспоминал ли он в Пскове о Пушкине? Прямых данных у нас нет, но косвенные, как нам кажется, имеются.

Вспомним, что Ленин оказался в Пскове вскоре после того, как отмечалось столетие со дня рождения Пушкина. Отголоски этих событий Владимир Ильич, несомненно, застал в городе. Известно, например, что именно в дни пребывания его в Пскове в газете «Псковский городской листок» было опубликовано сообщение о переименовании Садовой улицы в Пушкинскую. О том, что Владимир Ильич читал эту газету, свидетельствует обнаруженная мною следующая публикация в «Псковском городском листке» за 19 марта 1900 года: «Желают брать уроки немецкого языка (теор. и практ.) у образованного немца. Предложения письменно: Архангельская, дом Чернова, кв. Лурьи (для В. У.)». В том, что это объявление дал Владимир Ильич, сомнения быть не может: об этом говорят адрес, фамилии хозяев дома и квартиры, время объявления и, наконец, инициалы «В. У.»[1].

В те дни довольно много писали о пребывании Пушкина в Пскове, перечисляя любимые его места в городе. 6 апреля Владимир Ильич писал матери из Пскова в Подольск: «Гуляю — теперь недурно гулять здесь, и в Пскове (а также в его окрестностях) есть, видимо, не мало красивых мест.

---

[1] Огонек.— 1960.— № 12.

Купил в здешнем магазине открытые письма с видами Пскова и посылаю три: тебе, Маняше и Анюте»[1]. Не исключено, что Ленин имел в виду и любимые пушкинские места в Пскове.

Через всю жизнь Ленина проходит его стремление популяризировать Пушкина.

В 1904 году было решено организовать в Женеве библиотеку и архив РСДРП. Ленин не только поддержал эту идею и ее инициаторов, но и рекомендовал создать в библиотеке отдел художественной литературы, составив при этом список авторов для комплектования отдела. Среди них был и Пушкин[2].

Возглавив Советское правительство, Ленин 30 июля 1918 года горячо поддержал проект народного комиссариата по просвещению об установке памятников ряду писателей, в том числе Пушкину[3]. В тяжелое время гражданской войны и разрухи Ленин не забывал о Пушкине. 18 января 1920 года он, например, писал:

«Тов. Луначарский!

Недавно мне пришлось — к сожалению и к стыду моему, впервые,— ознакомиться с знаменитым словарем Даля.

Великолепная вещь, но ведь это *областнический* словарь и устарел. Не пора ли создать словарь *настоящего* русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых *теперь* и *классиками,* от Пушкина до Горького.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 55.— С. 183.

[2] Владимир Ильич Ленин: Биогр. хроника.— Т. 1.— С. 523.

[3] В. И. Ленин о литературе и искусстве.— 7-е изд.— М., 1986.— С. 393.

Что, если посадить за сие 30 ученых, дав им красноармейский паек?» В последующее время Ленин неоднократно напоминает о работе над словарем и интересуется этим вопросом[1].

В очерке «Два архивных дела о Л. С. Пушкине» упоминалось, что в 1857—1858 годах жена и дети Льва Сергеевича Пушкина возбудили ходатайство о внесении их в дворянскую родословную книгу Нижегородской губернии. Из документов видно, что при его рассмотрении нижегородские и сенатские чиновники придрались к тому, что свидетельство о рождении и крещении младшей дочери Льва Сергеевича Марии Львовны, выданное Преображенским кафедральным собором в Одессе, не засвидетельствовано Херсонской духовной консисторией. На этом основании вопрос о занесении ее в родословную книгу был отложен. Это малозначащее с первого взгляда событие меня заинтересовало, и я начал искать материалы об этой племяннице А. С. Пушкина. Вот что выяснилось.

В 1971 году вышел 80-й том сборника Академии наук СССР «Литературное наследство», посвященный В. И. Ленину и А. В. Луначарскому, где на странице 219 имеются ценнейшие сведения, которые мы приводим с некоторыми сокращениями.

«В комиссию при Совете Народных комиссаров.

7 октября 1920 г. № 6559

Народный комиссариат по просвещению просит рассмотреть в одном из ближайших заседаний

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 51.— С. 121, 192; Т. 52.— С. 178, 199.

вопрос о назначении усиленной пенсии племяннице поэта А. С. Пушкина — М. Л. Нейкирх.

Докладчик М. Н. Покровский.

Приложение: копии прошения М. Л. Нейкирх и выписки из метрической книги.

Народный комиссар по просвещению
А. Луначарский
Управляющий делами (подпись)
Секретарь коллегии НКП (подпись)»

К письму Луначарского приложены прошение племянницы Пушкина, дочери его младшего брата Льва Сергеевича, Марии Львовны Нейкирх, а также метрическое свидетельство о ее рождении в 1850 году в г. Одессе. В прошении 16 августа 1920 года Нейкирх сообщала, что она около тридцати лет занималась педагогической деятельностью, служила также в земстве народной учительницей, что вследствие тяжелой нервной болезни (боязнь пространства) и преклонного возраста не имеет возможности заработать средства к существованию уроками. Прежде Нейкирх «получала пенсию из городской Думы как племянница поэта А. С. Пушкина». «В настоящее время,— пишет она,— кроме больничного пайка, который получаю как тяжелобольная, ничего не имею».

Письмо Луначарского было направлено в Наркомсобес с резолюцией председателя Малого Совнаркома М. Козловского: «В Наркомсобес по принадлежности. 8.X.»

12 октября из Наркомсобеса был отправлен ответ, где говорилось, что НКСО уже рассматривал дело о пенсии Нейкирх и что «усиленные пенсии назначаются лицам, имеющим особые заслуги перед рабоче-крестьянской революцией и РСФСР.

Ввиду того, что из данных дела не видно, что отец или муж заявительницы имеют заслуги перед рабоче-крестьянской революцией и РСФСР, что факт родства с Пушкиным (племянницы) еще не говорит о таковых заслугах, Наркомсобес, не имея возможности подвести данный случай к усиленным пенсиям по декретам 16.VII и 9.IX, передал это дело в Совнарком для принципиального решения вопроса, подходят ли вообще родственники наших поэтов, писателей и ученых и пр. (даже по прямой линии) к декретам об усиленных пенсиях, хотя бы они сами не имели никаких заслуг перед Советской Россией».

19 октября (протокол № 571, п. 8) Малый Совнарком рассмотрел ходатайство Луначарского о пенсии Нейкирх и вопреки сомнениям Наркомсобеса вынес следующее постановление, утвержденное Лениным: «Предложить Наркомату социального обеспечения назначить усиленную пенсию племяннице поэта Пушкина гр. Нейкирх в размере 15 тысяч рублей в месяц пожизненно».

Для правильной оценки этого шага Ленина надо иметь в виду следующие любопытные факты. В анкете для перерегистрации членов Московской организации РКП(б), заполненной Лениным 17 сентября 1920 года, в пункте 17 («Какое получаете жалованье и имеете ли побочный заработок?») он написал: «13 1/2 тыс (13 500)»[1]. Итак, Председатель Совета Народных комиссаров получал 13 500 рублей в месяц, а пенсию Нейкирх назначил 15 000 рублей.

Много ли это было или мало? Чтобы ответить

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 41.— С. 466.

на этот вопрос, редакторы 41-го тома Полного собрания сочинений В. И. Ленина дают такую справку: «В условиях непрерывного роста денежной эмиссии первых лет Советской власти происходило быстрое обесценение бумажных денег. Так, по материалам Валютного управления Народного комиссариата финансов СССР, в среднем за первое полугодие 1920 года стоимость 1 золотого рубля (если за эквивалент брать золотые монеты дореволюционного времени) равнялась 1633 рублям в бумажных деньгах, а за второе полугодие — уже 4083 рублям»[1].

Из хранящихся в Пушкинском Доме материалов видно, что Мария Львовна Пушкина (Нейкирх) родилась 27 мая 1848 года, окончила Смольный институт, в 1871 году вышла замуж за Ивана Васильевича Нейкирха, имела двух сыновей — Бориса и Сергея. Умерла 28 января 1928 года в Москве и похоронена на Дорогомиловском кладбище. Сопоставляя приведенные данные о годе рождения Нейкирх, можно заметить расхождения. Дальнейшее исследование архивных материалов поможет уточнить эту дату, а также выяснить другие подробности истории установления ей Лениным усиленной пенсии. Такие сведения могут оказаться и в личных архивах потомков Марии Львовны Пушкиной (Нейкирх).

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 41.— С. 546.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Дейч Г. М.

Д27 Все ли мы знаем о Пушкине? — М.: Сов. Россия, 1989.— 272 с.

Являясь знатоком архивного дела, опубликовавшим ряд материалов в специальных научных изданиях, автор книги, доктор исторических наук, приобщает широкий круг читателей к творческому поиску, рассказывает о своей работе в архивах страны, и прежде всего о находках документов, связанных с А С Пушкиным и его временем. Книга углубляет и дополняет наше представление о некоторых существенных фактах биографии великого поэта. учебе в Лицее, поступлении на службу в Коллегию иностранных дел, дуэли и смерти, а также об общественной атмосфере пушкинской эпохи Особый интерес вызывают указания автора на пропавшие или пока еще не найденные документы и письма Пушкина и письма к самому поэту, существование которых устанавливается с помощью анализа изучаемых источников.

Д $\frac{4603020100-079}{М-105(03)89}$ 71—89 8Р1

ISBN 5—268—00696—7

Генрих Маркович Дейч

ВСЕ ЛИ МЫ ЗНАЕМ О ПУШКИНЕ?

Редактор **И. М. Поспелова**
Художественный редактор **Б. Н. Юдкин**
Технические редакторы **Л. А. Фирсова, Е. В. Кузьмина**
Корректоры **Л. М. Логунова, А. З. Лазуткина**

ИБ № 7019

Сдано в набор 23.11.88. Подп в печать 27.03.89. А05056. Формат 70×100/32. Бумага офс. № 2. Гарнитура обыкновенная новая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,05. Усл. кр.-отт. 11,21. Уч.-изд. л. 10,50. Тираж 100 000 экз. Заказ 1370. Цена 50 к. Изд. инд. НА—104.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 144003, г. Электросталь Московской области, ул. Тевосяна, 25.

50 к.

·СОВЕТСКАЯ РОССИЯ·